

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

12 '89

БОЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В ЭТОЙ УСАДЬБЕ ЕКАТЕРИНБУРГА-СВЕРДЛОВСКА ТЕКЛА СВОЯ ЖИЗНЬ. АКАДЕМИК АРХИТЕКТУРЫ ДЮТЕЛЬ, МЕТАЛЛУРГ ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО, ИНЖЕНЕР ТИМЕ БЫЛИ СВЯЗАНЫ С ЭТИМ ДОМОМ. СЕЙЧАС ВСЕ УГЛЫ ДОМА ОТКРЫТЫ ВЕТРАМ И ВЗГЛЯДАМ, ОН РАЗОРЕН, ПОЛУРАЗРУШЕН. Словно адский ураган унес неведомо куда деревянную ротонду, поставленную в саду, на бугре, внутри коего был устроен по давнему порядку ледник... Не ураган, а экскаватор ударил, и полетели клейменные кирпичи. Но удар сплотил общность. Она стала тверже и остановила дальнейшее разрушение. То был бой местного значения!

И вот усадьба вошла в опорный историко-архитектурный план города, получила статус памятника. Кажется, идея переноса кирпичного здания, наконец-то, оставлена... Дом отдадут ветеранам войны и труда. Полмиллиона надо потратить, чтобы восстановить порушенное.

Но душа не на месте... Откорректированный проект гостиницы (из-за нее чуть не уничтожили старину) еще не готов. А вдруг все-таки решат строить без отвоеванного дома по соседству?

Смотрю на искалеченный дом, и вспомнился мне Дом Павлова в Волгограде, оставленный как память о битве за город. За этот дом тоже отчаянно «дрались» патриоты — патриоты русского зодчества. Мы решили сохранить на снимках Олега Капорейко «битый» дом, память о том, как рушилось свое, кровное, то, что от предков нам завещано...

Ю. ЛИПАТНИКОВ

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

12 '89

В НОМЕРЕ:

В. Носков ЧТО НА ЧАШЕ ВЕСОВ!	2
В. Марченко ГДЕ МОГИЛА ЧАПАЕВА!	5
А. Абрамов ПО ТЫЛАМ ВРАГА	6
М. Носков НАЧАЛО ЖИЗНИ — НАЧАЛО ВЕКА	8
А. Певцов СИМЕОН И СРЕДА. ПОВЕСТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ	10
П. Нефедьев БОРЬКА	13
Б. Барвиш ДНЕВНИК НИНЫ ВИШНЯКОВОЙ	14
Е. Шукина, Б. Маринин, Г. Черепанова, В. Максимцов, Ю. Андреев, О. Сироткина, Л. Кулешова, Л. Соснов- ская, В. Курбатов, Э. Галиулина НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЗАБВЕНИЯ И ВЕЧНОСТИ. Стихи	20
Ю. Кокошко ГРАММАТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ В СТРЕЛБЕ ПО ДВИЖУЩЕЙСЯ МИШЕНИ. Рассказ	22

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

П. Каямыков ШКОЛА МУДРЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ, ИЛИ ИСТОРИИ КОРОЛЯТНИКА. Повесть. Окончание	31
А. Фисенко СЧАСТЬЕ. Рассказ	42
В. Бугров, О. Князева ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ	43

Ю. Скоробогатов РЕКА МОЕГО ДЕТСТВА	49
С. Архипов ОТКРЫТЫЙ УРОК	61
М. Марьина ОН В ЭТОМ ГОРОДЕ КУЗНЕЦ...	72
И. Непенин ЛЕГЕНДА О СТАРЦЕ ФЕДОРЕ	73
Я. Андреев СТИХИ	75
МИР НА ЛАДОНИ	76
С. Горбанева ЧЕМПИОНОВ РАСТИТ ВЕРХНЯЯ ПЫШМА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1989 ГОДУ	77
О. Капорейко АВТОСАЛОН В ВИТРИНЕ	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ.

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-82 (прозы и поэзия),
22-45-01 (краеведения,
фантастики),
22-04-81 (науки и техники,
писем, секретариат),
22-10-74 (публицистики,
молодежных проблем).

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке. 28-30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати». Бракующие экземпляры отправлять в типографию издательства «Уральский рабочий».

Сдано в набор 07.09.89.
Подписано к печати 25.10.89.
НС 15179.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,6.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 494 000.
(2-й завод: 250 001—494 000).
Заказ 460.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки фото
Игоря Горячева

ЧТО НА ЧАШЕ ВЕСОВ?

Или как древние индийцы подрывают нашу Продовольственную программу

В декабре 1988 года челябинцев пригласили на очередную дискуссию. Организатор — патриотическое объединение «Родина». Неформалы провели уже несколько общегородских сход и митингов: о проектируемом в Челябинске метро, об экологической обстановке, о народовластии... И вот — о судьбах археологических памятников Южного Урала. Одной из причин стало готовящееся затопление водохранилищем памятника древней культуры — городища Аркаим на юге Челябинской области.

Из приглашенных участие в дискуссии приняли, кроме членов «Родины», ученые-археологи Челябинского университета, с одной стороны, и по одному представителю от Челябинскводмелиорации и Челябинскпроводохоза — с другой. Более широкое представительство не состоялось.

Публика: в зале на 500 мест оказалось не более 200 человек. Недостаток информации? Да. Одно незаметное газетное объявление. И все же, все же... Я уверен: кто хотел — тот пришел. Хотели двести челябинцев из более чем миллиона. Может, пришли бы и другие, окажись в зале выставка-продажа обломков египетских пирамид, а еще лучше — карамели к Новому году...

Но это — грустная шутка, а надо всерьез понять позицию абсолютного большинства. Поэтому попытаюсь вообразить себя в пустующем кресле 201-го, среднего гражданина, и увидеть событие его глазами.

Постановку вопроса блестяще выполнил заведующий кафедрой всеобщей истории и археологической лабораторией ЧГУ Г. Б. Зданович. Общедоступно, умно, с демонстрацией слайдов провел слушателей по останкам древних городищ и могил нашего края. И спросил: кем же и с чем же мы останемся, срезаем плугом и бульдозером последние следы нашего прошлого? Спросил без митингового надрыва, но с истинно подвижнической страстью.

Увы, дальнейший разговор с набранной высоты пошел планировать вниз. Все соглашались: да, прошлое надо спасать. Потребовали высказаться предполагаемых противников. Но представитель Челябинскводмелиорации выговорил нечто скучное и невнятное. Несклько оживил разговор главный инженер Южуралгипрводхоза Б. В. Викул. Впервые, учтите, — говорил он, — что при проектировании и в начале строительства Караганского водохранилища об Аркаиме не было известно. Хотя мы уведомляем археологов, где что проектируем. А теперь в плотину вложены уже три с половиной миллиона рублей. Во-вторых, вообразите весы и положите на их чаши альтернативы. На одной чаше окажется земляное укрепление четырехтысячелетней давности, которое, я не спорю, имеет и сегодня большую культурно-познавательную ценность, а на другой чаше — наша сегодняшняя задача накормить людей, наша Продовольственная программа. В данном случае это ... гектаров поливных угодий, на которых ... (с цифрами повременим, они будут уместнее ниже). Проект прошел четыре экспертизы. Прорабатывались другие

варианты плотины, но они нам не подходят. Так что: или — или. А если, как говорят археологи, таких памятников по югу области десятки, то изъятие из народнохозяйственного пользования целого региона — ну, я не знаю... Давайте сохраним и обустроим для показа тот из памятников, который не мешает сельхозработам.

И вот я думал, представив себя в кресле 201-го, любопытствующего: ничего-то она не даст, эта дискуссия, никаких конструктивных результатов! У общественности, представленной здесь, не хватит ранга остановить государственный бульдозер, наезжающий на Аркаим.

Да и это ли сейчас главное? Ведь как живем! Над головой вроде светло, а внизу все тот же застойный туман. Инертность. Дефицит. Инфляция. Дух инертности и бестолковщины, как выхлопные и доменные дымы, отравляет деловую атмосферу общества. Так что еще неизвестно, кто тут прав, в этом зале. Не блажь ли — оберегать древнюю древность в ущерб сегодняшнему обустройству жизни?

Кажется, и среди присутствующих распространились те же настроения. Не случайно дискуссия закрылась... гарибондична, она объявила, чтобы забирали пальто.

И все-таки спасибо организаторам дискуссии за то, что она была. Пусть с позиции 201-го, отсутствующего, она ничего не изменит. Пусть даже так. Но она была и возмутила водохозяйственные конторы. И мне задала беспокойство, в котором, чтобы думать дальше, надо разобратся.

Что ж, попробую. Воспользуюсь весами, предложенными Борисом Викторовичем Викулом, но с некоторым запасом фактов и знаний. Итак, на одной чаше весов — Аркаим. Я не археолог, но и читатели, в большинстве своем, — тоже, и пусть на чашу весов ляжет не научная развертка, а норма нашего эстетического отношения к явлениям такого рода.

Поскольку память о городище не сохранилась, то и подлинное его название неизвестно. Аркаим — название соседней горы. Как уже говорилось, городищу около четырех тысяч лет. Это памятник древней культуры, оставленный нам для разгадок скотоводческими племенами протоиндийцев (ариев), которые в 15—14 века до н.э. ушли на юг, на вновь завоеванных землях основали Бхаратваршу, а позже создали «Махабхарату», «Рамаяну» и древнюю Индию. Так что сегодня мы по-хозяйски живем в пенатах великого, но малоизвестного нам южного народа, чьи выплески — цыгане — кочуют пришельцами по своей древней родине. Вообще, Южный Урал в историческом плане — весьма шумный перекресток. Здесь, в переходной зоне между степью и тайгой, между равниной и горами, во времена, не украшенные историческими целинными эпопеями, было удобно скотоводам: много воды, леса, пастбищ. Здесь обнаружены первые следы приручения лошади, столь же значимого для человека, как в наши времена —

освоение электричества. Среди многих сменяющихся культур, так называемая, Петровско-Синташтинская культура протоиндийцев является вершинным достижением. Очаги ее к югу от линии Уйское — Троицк встречаются, в среднем, через 50 километров и образуют пояс, вытянутый в сторону Оренбурга. В пределах нашего края археологи обследовали и определили главные черты, так сказать, «паспортные данные» десяти таких очагов. Состояние большинства из них плачевно.

Городища Устье, Куйсак-1, Варшавка, Карталинское — распаханы.

Чернореченское, Наследническое — под загонами для скота.

Синташтинское — наполовину разрушено рекой, другая половина распахана и затоплена Брединским водохранилищем.

Сохранились городища Солончанское, Зингейка и — Аркаим.

Археологи, прикоснувшись к Аркаиму, поначалу боялись верить собственной удаче. Во-первых, šťastливое сочетание случайностей законсервировало и сохранило город настолько, что и сейчас он «читается» в деталях. Во-вторых, архитектура города. Все его постройки составляют единое сооружение храмового типа, в отличие от других древних стоянок с рассредоточенными жилищами. Отчетливо видны концентрические валы и радиусы классических троянских размеров (впрочем, Троя на несколько веков моложе Аркаима). Это остатки двух оборонительных стен кольцевой формы, кольцевых и радиальных улиц. В раскопах, в секторах между улицами открылись жилые комнаты, объединенные общими кровлями и стенами. Была центральная площадь, были колодезное водоснабжение и самотечная канализация, упрятанная под мостовыми. Основания всех сооружений под небольшим наносным слоем хорошо сохранились.

Вот таким обретением обогатился наш край в самое последнее время. Установлено, что Аркаим опередил знаменитую Троию и по времени расцвета, и по уровню цивилизации. Открытие Аркаима вносит поправки в нашу модель развития индоевропейских культур. Аркаим — явление не менее выдающееся, чем берестяные грамоты Новгорода, Софийский собор или Московский кремль.

Но историческая беда людей в том, что они стремились селиться у воды. Аркаим стоял на слиянии рек Большой Караганки и Утяганки, в пологой долине, запираемой ниже по течению поперечным хребтом. Хребет, видимо, был идеальным местом для сторожевых постов. Но он же стал идеальным местом для плотины, когда Облагропром заказал, Южуралгипродхоз спроектировал, а Облводстрой развернул строительство еще одного водоема в степи.

Тут мы обратимся ко второй чаше весов. Представим, что такое Караганское водохранилище, которым будет уничтожен Аркаим. По проекту, при нормальном подпорном уровне, оно будет иметь емкость 6,8 млн. кубометров воды, площадь водной поверхности 3,8 кв. км, глубину у плотины 6 м, среднюю 1,8 м. Как видим, это водоем местного масштаба.

Необходим ли он? Район строительства беден лесом и водой, животноводство обеспечивает себя кормами лишь на 80 процентов, большой урон наносят частые засухи. Засуха 1975 года только по двум откормочным совхозам — Измайловскому и Калининскому, на чьих землях строится водохранилище, — обернулась потерей 4300 голов крупного рогатого скота и 5 с лишним тысяч овец, убытки составили более 2 млн. рублей. Выход? В орошении земель. Сейчас в двух хозяйствах на 38 тыс. гектаров пастбищ орошается 831 гектар. Урожайность многолетних трав на них составляет 120 центнеров с гектара, против 60 центнеров на богаре. С вводом водохранилища намечено оросить дополнительно 1800 гектаров. Расход воды составит 4,5 млн. кубометров в год при средней оросительной норме 2410 кубометров на гектар. Пройдя по цепочке экономических расчетов к конечному результату, видим: орошение даст годовой прирост говядины 280 т, баранины 310 т, т. е. около 700 тыс. рублей дохода. Запомним эти цифры.

Они и есть тот ожидаемый выигрыш, который притягивает...

Итак, выгода есть. Почему же с любопытством и пристрастием вникаю в эти расчеты я, человек со стороны? Потому, что я человек со стороны лишь для учреждений гидро- и мелиоративного строительства, но земля, вода, рубли, задействованные ими, — мои, и объявленная цель работ — кусок мяса на моем столе. Не жестким ли он будет? Меня смущают некоторые допущения, положенные, как беспорядочные, в основу расчета. Путь к приросту мяса лежит через увеличение кормов. С вводом водохранилища ожидается повышение продуктивности земель на богаре в 1,4—2,0 раза, на орошаемых участках в 2,0—2,5 раза. Прирост внушительный. На десятилетия? Навсегда? Видимо, так. Других цифр в проекте нет. Но то, что предполагают проектировщики, опровергнуто практикой. Вот данные (из статьи учено-эколога Ф. Я. Шипунова «Докучаевские бастионы») для поливных черноземов центра и юга России. При норме полива за сезон до 1000 кубометров на гектар (заметьте, у нас — 2410 кубометров) развивается длительная аэробность почв, гидролиз первичных минералов, образуются карбонаты кальция и магния, повышается щелочность среды. В результате повышения уровня грунтовых вод подстилающие соли выходят в гумусный слой, убивают его. За 10—15 лет орошения гумус становится уплотненным и глинистым. Все это угнетает растения. Фактическая урожайность составляет от ожидаемой лишь 70 процентов на юге Украины и Северном Кавказе, 45 в Казахстане и Средней Азии и 30—40 в Поволжье. Добавим: только в бассейнах Волги и Дона затоплено 3 млн. гектаров самой плодородной земли, что означает недобор 4,6-6 млн. тонн зерна, потерю пойменных лугов, испарение 5-6 кубкилометров воды в год, биологическое поражение воды в водохранилищах, сокращение рыбных запасов, засоление окрестных земель.

В Челябинской области, по данным того же Гипродхоза, 35 тысяч гектаров поливных земель. Проблему продовольственного снабжения области они не решили по причине шаблонного, ненаучного подхода к делу. В годы мелиоративных кампаний пруды и водохранилища строили все. В основном, различные ведомства, некомпетентные в вопросах земледелия. В результате 8,5 тыс. гектаров засолены, из них 3 тыс. засолены критически и списаны с баланса сельхозугодий.

Между тем, девятью лет назад В. В. Докучаев разработал и испытал на практике научную программу возрождения плодородия степей. Это сочетания лесных полос, малых ставков и прудов, севооборот и органические удобрения при минимальном, и лишь в засушливые годы, орошении. Заложенные докучаевской Особой экспедицией опытные участки и сегодня не зависят от засухи, гораздо продуктивнее соседних земель, экологически благоприятны. Если бы мы, спустя 90 лет, всерьез обратились к методам Докучаева, то для европейской лесостепной и степной зон Союза это обошлось бы со всеми накладными и неучтенными затратами в 7—8 млрд. рублей. А разработанные ныне проекты переброски вод на Европейской равнине стоят не менее 100 млрд. рублей. И угрожают нам пагубными последствиями.

Вообще, поражает узость критериев при экономическом обосновании проекта Караганской оросительной системы. Констатируется без комментариев расход воды: 6,9 млн. кубометров в год. А это новый довесок к катастрофическим водным потерям реки Урал. Пронигнорированы постановления правительства о комплексном использовании водоемов. В проекте — тонны мяса и рубли. И ничего больше. Хуже того, по данным экспертизы — Института экологии растений и животных Уральского отделения АН СССР, эти цифры получены с натяжкой, с выборкой исходных данных, наиболее благоприятных для желаемого результата. А заключения своих, ведомственных экспертов являются, по сути, краткими пересказами проекта. В итоге начинаешь думать, что проект — как ясный месяц: видна только светлая его долька. Вот сколько встречных резонансов. Тут и без Аркаима есть что положить в противовес

проекту. Но это — если по логике. А реальный опыт говорит, что и вкуче с Аркаимом противовес вряд ли перевесит. Почему?

Да потому, что наш хозяйственный аппарат подменил единоначалие единовластием и идет по этому пути с упорством тяжеловесного состава. Отменить его решения удается чрезвычайно редко. Наш пример — не исключение. Первое сопротивление проекту, задолго до Аркаима, оказала Госинспекция рыбоохраны. Для тренированных хозяйственников такая преграда была несерьезной, они ее с легкостью обошли. После четырехкратного отказа согласовать проект Главрыбвод Минводхоза РСФСР обратился в Госстрой СССР с просьбой, разумеется, в порядке исключения, разрешить строительство. Такое разрешение в 1982 году было получено. После начала строительства в Главрыбводе развели руками и посоветовали местной инспекции обратиться разве что в ЦК, к М. С. Горбачеву.

Второй очаг сопротивления оказался непредвиденным для Облводхоза: в борьбу включились археологи. В 1986 году началось строительство плотины. В 1987 году, получив доступ к деньгам, заложенным в строительной смете, археологи Челябинского университета выехали в район строительства и подтвердили: есть уникальные городища и два захоронения при нем. «Ну и что? — сказали строители. — Мы их (археологов) вовремя извещаем, где будем строить». Цена этого возражения ясна обеим сторонам. Поясно ее читателю.

Все ведомства при освоении новых земель включают в строительную смету расходы, предусмотренные Законом об охране памятников истории и культуры, величина расходов определяется прямым расчетом. В нашем случае на обследование ложа Караганского водохранилища было предусмотрено 80 тыс. рублей. Но тут возникает очередной курьез, нескладуха из тех, которые «веселят» нас всю жизнь. Взять деньги можно только с началом строительства, раньше банк не откроет финансирование. Каким же, скажите, провидением археолог может предупредить строительство еще в начале его проектирования? Наши разведчики прошлого поставлены в положение подрядчиков Минводхоза, существуют на его деньги, работают буквально под ножами его бульдозеров. Места раскопок и сроки определяет хозяин. О каком же тут упреждении речи!

Экспедиции Б. Г. Здановича был определен жесткий срок: в 1988 году начнется заполнение водохранилища. Раскопки дали удивительные результаты. Надо было спасать Аркаим.

Университет обратился за помощью к академикам Б. Б. Пиотровскому и Б. А. Рыбакову. Зданович выступил с рядом сообщений. Аркаимом заинтересовался фонд Сороса с прицелом на туристско-экскурсионный комплекс. «Дело Аркаима» попало в ЦК КПСС и Академию наук СССР. В итоге, в 1988 году проект Караганской МОС рассмотрела совместная комиссия Института археологии, Министерства культуры, Госплана, Минводхоза и Госагропрома РСФСР. Отменили? Нет. Отодвинули срок заполнения водохранилища на два года и выделили на раскопки около 300 тыс. рублей. Похоже, этим протоколом возможности археологов в защите памятника исчерпаны. Был вариант спасения городища его обваловкой. Среди водоема, в глинистом корыте, заливаемом к тому же фильтрующимися водами, мы памятник не спасем! И уничтожим его неотъемлемую часть — «среду обитания». Лесостепной ландшафт, пологие волны рельефа, спадающие к древним стенам, речную опояску памятника — все то, что создает эффект нашего присутствия здесь в те века. Нельзя обустроить для показа и другое городище взамен Аркаима, ибо среди вершинных произведений искусства двойников нет. Так что выбор один: или 1872 га орошаемых угодий, или городище Аркаим.

Но есть еще одна сила, способная склонить чашу весов в пользу последнего. Это мы с вами, общественность. Мы можем все, когда действуем убежденно и организованно. И в нашем случае усилия общественных организаций, газет, ученых уже дают результаты: вопрос вышел

из-под ведомственного контроля. Но узурпаторы умеют защищаться. Их самозащита наступательна. Сгруппировавшись в безликие легионы (никогда не действовать от первого лица!), они ведут, по сути, гражданскую, а по форме колониальную войну против собственного народа. Со стороны это нелепо, изнутри — трагично. Нас вырастили конформистами, побудили думать, что в любом неурядном деле есть резоны, которых мы не понимаем и не поймем, поскольку не каждому дан государственный ум. И «колонизаторы» при каждом бунте урезонируют нас, как туземцев, нашей некомпетентностью.

Затем. Нас разобщили. Противопоставили рабочего человека интеллигенту и крестьянину. Создали культ мускульного труда как главной движущей силы общества. Одной рукой почесывая самолюбие рабочего лозунгом о его главенстве в обществе, другой рукой утверждают бесправие и полное пренебрежение к нему как к Личности. При таком двуручии мы, за немногим исключением, окопались, перешли на самовыживание, самооборону, и теперь нам трудно и страшно покидать свои окопчики ради общественного ополчения.

Нас также сталкивают лбами при дележке скудных благ. Иначе многие поднимут взгляд от продовольственной сумки соседа и займутся чем-нибудь опасным. Пока — это горько, но понятно — наш массовый интерес сосредоточен на материальном дефиците. И хозяйственники в споре об Аркаиме умело кладут на свою чашу весов кусок мяса. Хоть и воображаемый, а привлекает. Я не раз слышал от разных людей: что спасать, если там нет золота? Ну, дали им время раскопать, зарисовать — чего они еще требуют? Хорошо, а если наше скромное диво, церковь Покрова-на-Нерли зарисовать, а потом — взорвать?.. А мы и взрываем! Страшно, но это не потрясает, это обыденно.

Мы отсекали себя от «дикого» прошлого, разуверились в будущем и пришли к плоскостному мышлению: думать только о сегодняшнем дне, о своем поколении. Но реальный мир независим от нашего сознания, и наше положение в нем определяется множеством координат. Пока мы не вернем себе это утраченное знание ума и сердца, мы не станем той общественностью, которая все может.

И тут нам не обойтись без «аркаимов». Я был на раскопках с бригадой топографов в теплые дни золотого «бабьего лета». Сезон закончился, было безлюдно, стояла реликтовая тишина. Одиноким всадник, как и в те дальние века, маячил у кромки неба. Ночью звезды из разных тысяче- и миллионолетий осветили смутные квадраты раскопов. Чутье говорило, что моя жизнь есть скользящее пересечение пространства, от земных глубин до звездной бесконечности, и времени, от пещерного прошлого до космического будущего. Наши «дикие» предки ясно это чувствовали и выразили задолго до христианства универсальным символом — крестом. А мы объявили крест продуктом мракобесия и предали анафеме.

Так что же все-таки на чашах наших весов? Дополнительное мясо — и древние развалины. Проступает и «второе дно» явления, оно глубже: хозяйственники вошли в конфликт с гуманитариями и не намерены уступать. Ибо за малым поражением придут большие. Общественность воодушевится на новые «аркаимы». Словом, ныне взвешивается: люди мы или нет? Если все-таки Аркаим будет уничтожен, значит верх взяла волчья логика!

ОТ РЕДАКЦИИ:

Когда статья «Что на чашах весов?» была уже в производстве, газеты сообщили о том, что Госкомприрода СССР приняла решение: строительство Иштугановского водохранилища прекратить, завершив работы по жилым зданиям, дорогам, объектам соцкультбыта...

Мы подумали: это еще не вечер, но постановление правительства. И решили опубликовать статью. Чтобы увеличить масштаб гласности об очередном деянии Минводхоза. Чтобы укрепить тем самым гарантии того, что новому «водохранилищу» в стране все-таки не быть.

Владимир МАРЧЕНКО

Где могила Чапаева?

Под таким названием была напечатана заметка в № 9 «Уральского летописьника» за 1988 год. Она кончалась письмом из Волгограда. Автор сообщал, что его отец с двумя красноармейцами доставил тело В. И. Чапаева в Уральск...

О дальнейших событиях рассказывает руководитель любительской киностудии села Новогорьевского, что на Алтае, Владимир Борисович Марченко.

С просьбой помочь отыскать автора письма мы обратились в редакцию газеты «Волгоградская правда». На объявление газеты откликнулся гвардии майор медслужбы в отставке Е. А. Кротков.

Едем в Волгоград, находим квартиру Евгения Аверьяновича. Вот что он рассказал:

«Мне было семь лет. Мы жили на квартире Мартемьяна Афанасьевича (фамилию подзабыл). В 1921 году умер отец. Он воевал в Чапаевской дивизии. Хозяин квартиры и мама перетащили гроб через дорогу, к левому углу кладбища Царь-Никольской церкви. Вторая с краю могила показалась нам свежей. Мы принялись ее раскапывать. Копать новую у нас не было сил. На досках гроба обнаружили металлическую пластину, на ней было написано: «Здесь похоронено 6 коммунистов и Чапаев». Хозяин квартиры приказал молчать. Когда здоровье у меня стало неважным, я и решил написать в Уральск».

Когда мы спросили Евгения Аверьяновича о трех красноармейцах, доставивших тело начдива в Уральск, Кротков удивился, сказал, что ничего подобного не писал. Значит, было еще одно письмо!

Поехать с нами Евгений Аверьянович не мог — накануне перенес инфаркт, но план захоронения нарисовал.

По дороге в Уральск еще раз прослушали магнитофонную запись беседы с Кротковым и его женой Лидией Ивановной. Она тоже слышала о металлической пластине, при этом фигурировала цифра «6», большая могила. Надпись на пластине могла быть и такой: «Здесь похоронен 6-го коммунист Чапаев». На

Лбищенск напали в ночь на пятое сентября, а 6-го, возможно, тело доставили в Уральск. В одном гробу не могли уместиться 6 человеческих тел.

В Уральске мы не стали спрашивать, где находится Царь-Никольская церковь, а, полагаясь на схему, двинулись по узкой улочке от железнодорожного вокзала. Кладбище обнаружили сразу, располагалось оно на окраине, но между кладбищем и железной дорогой — пойма, а не дома, как указывалось на схеме. Тогда мы спросили у двух старушек, как называется церковь. Ответили: «Преображенская».

В горкоме комсомола вторым секретарем по-прежнему работала наша добрая знакомая Умыт Шадева. Выслушав нас, познакомила с С. В. Августиновичем, работником городского общества охраны памятников истории и культуры. Поехали к Царь-Никольской церкви. Раньше между храмом Спасителя и Царь-Никольской церковью были братские могилы, но их сровняли — теперь футбольное поле. Сровняли могилы и за Царь-Никольской церковью, но есть стена памяти, не забыты павшие герои.

Вновь достаем схему, осматриваемся. Вот церковь, вот старые границы кладбища. Вторая могила с краю должна быть где-то здесь, в левом углу. Справа увидели три больших здания, составляющих единый ансамбль. На фронте одного выложен крест — символ милосердия. Здесь были госпитальные покои. Вполне возможно, что фельдшер Мартемьян Афанасьевич жил на ближайшей улице...

Вернувшись домой, нашли еще одно письмо из «Волгоградской правды». Отозвался еще один корреспондент, Василий Петрович Алексеев, тоже сын чапаевца. Вот что он написал:

«Отец мой служил в 25-й дивизии в штабе ординарцем-каптенармусом. Снабжал штаб питанием и обмундированием. Всегда был рядом с Чапаевым. Однажды отец — Петр Васильевич Алексеев — возвращался из Бударино. Не доехав до Лбищенска примерно с полкилометра, увидел выскочивших из-под кручи солдат и штабных работников. Они кинулись к тачанке, закричали: «Гони быстрее!

На штаб напала банда. Чапаев убит!» Когда подъехали к домику, уже никого не было. Чапаева нашли под обрывом мертвым. Пятеро остались хоронить, а отец мой поехал доложить о случившемся...»

Пятеро! Венгр Ф. Кульчар тоже говорил, что их было пятеро!

Снова завязалась переписка. Написали сестре Е. А. Кроткова — Устинье Аверьяновне, живущей в Чите. Вот строки из нескольких ее писем:

«В Уральске жили недолго. Зимой приехали, а в июне уехали. Первого мая папа умер, а второго хоронили. Брат и фельдшер Мартемьян Афанасьевич. Я в то время была слабая: голод, горе, мама плачет. Она достала пуд кукурузной муки, и по нормочке ели... А улицу и фамилию, у кого жили, не помню. Дом был два окна на улицу. Как войти во двор, дом будет по правую руку и продлен двумя саманными комнатами, по левую руку горка, на горке стояла баня — это во дворе. Когда уезжали, маме хотелось пойти на кладбище, а возчик скандал поднял, так мы и не увидели папиной могилы. А похоронили его рядом с Никольской церковью, это я хорошо помню, а не Преображенской».

Память, память... Твои возможности безграничны, но многое и стирается, трансформируется, наслаивается, сдвигается. Письма В. П. Алексеева мы читали и перечитывали, сопоставляли с действительными событиями, проверяли, подкидывали автору незначительные факты, ожидая реакции на них. Иные люди «клюют» на такие приманки: ведь проверить негде и переспросить не у кого, а другие твердо стоят на своем: «Не помню». Из спорных деталей порой всплывает один лишь крохотный полустрих, который и станет тонкой путеводной нитью поиска.

Вот что слышал от разных людей Василий Петрович Алексеев, что закрепилось в его памяти. Эти записи и сами по себе — драгоценный документ времени.

«Родился мой отец в 1895 году в с. Дьяковка Краснокутского района Саратовской области. Там же, в 1928 году, родился и я. Родители отца — детей у них больше не было — работали по найму у помещика. Окончил отец четыре класса приходской школы. Умер от тяжелой работы

дед. Началась война. Отец был мобилизован, хотя и был единственным кормильцем у матери. В Саратове прошел ускоренный курс военной подготовки, получил звание унтер-офицера. Передовые позиции русской армии были в то время в Румынии. По ранению в начале 1917-го вернулся в Дьяковку. Обе ноги были прострелены. Отец стал работать у сапожника. В начале 1918-го в Красном Куте стали организовывать полк для самозащиты от банд. Потом этот полк волеется в 25-ю дивизию под названием Краснокутский. Командиром был Н. Кузнецов, заместитель по политической части — отец. Но сначала полк был в бригаде Ежикова, стоявшей в Александровом Гае. При формировании штаба дивизии отец стал ординарцем у В. И. Чапаева.

При штабе была походная кухня. Кашевар был из далекой Сибири. Отец его знал. Чапаев увез его из Саратова. Так он и остался. Погиб вместе с Чапаевым. Фамилия его была Мамонтов Федор Николаевич. Отец помнил, откуда он родом: Новосибирская область, станция Курундас, село Завьялово.

Возможно, и никогда бы не узнал В. П. Алексеев тайну гибели и захоронения легендарного начдива, если бы... Подошло время отцу оформлять документы на пенсию. Оформили — 27 рублей. Воевал в гражданскую, в Великую Отечественную, поднимал разрушенное хозяйство... Но оказалось, что нет документов. Куда только ни обращался: в архивы, в организации, где работал. Ответ один: «архив не сохранился». Обратился в Николаевский райком партии, где его хорошо знали на протяжении многих лет — с 1930 года.

Стая чапаевец получать 40 рублей. «И сказал тогда мне отец: «Нету правды, сынок». Я поехал в Краснокутский район, нашел село Усатово, где жил Н. Н. Кузнецов. Он и рассказал мне, как на домик, в котором ночевал Чапаев, напала банда, как переправляли в Уральск тело начдива. Были еще при этом А. И. Воропаев и С. Н. Бунин. Но Воропаев умер, адрес Бунина Кузнецов дал. Степан Николаевич Бунин в беседе все подтвердил. Сказал, что написал в Уральский горисполком письмо, схему приложил, где искать могилу начдива, но ответа так и не дождался — умер. Умер и мой отец в 1971 году. Нет и Кузнецова Николая Николаевича. Мне обидно до глубины души, что действительно нет правды о гибели Чапаева».

Таковы факты и свидетельства, которые несомненно заслуживают внимания краеведов, историков, антропологов... Еще не застроено место предполагаемого захоронения легендарного начдива. Почему бы не попытаться довести эту версию до истины?

ПО ТЫЛАМ ВРАГА

Александр АБРАМОВ

Рисунки Елены Крутских

Шла зима 1944 года. В штабной землянке огонек гильзовой коптилки освещал столик на раскосых ножках. Над картой белорусского Полесья скривился командир отдельного лыжно-стрелкового батальона капитан Борис Коваленко. Он знал, что немцы засели в Рогачево, Бобруйске, строят оборонительные укрепления. Незадолго до этого командир 5-й Орловской Краснознаменной ордена Суворова и ордена Кутузова стрелковой дивизии Герой Советского Союза полковник Михалицын вызвал к себе капитана Коваленко.

— Вот, — сказал комдив, — железнодорожная магистраль Могилев — Рогачев. Она, как видишь, в ближайшем тылу немцев, через нее гитлеровцы питают свои части живой силой и техникой. Наша дивизия должна эту магистраль вместе с Быховским шоссе перерезать, закрепить на плацдарме и обеспечить наступление армий Белорусского фронта. Слушай задачу твоему батальону: скрытым многокилометровым рейдом пройти в тыл противника. Там, севернее Рогачева, — станция Тошица, рядом — поселок с немецким гарнизоном. Штурмом захватываешь станцию и удерживаешь ее до подхода наших.

Михалицын пристально взглянул на Коваленко и со значением добавил: — Это приказ командующего фронтом Рокоссовского...

С рассветом, 21 февраля 1944 года батальон лыжников укрылся в лесу на левом берегу Днепра. Дивизионный план операции предусматривал, что брешь в обороне противника сначала пробьет стрелковый полк. А вслед за ним, под шум боя, быстро и незаметно должен проскочить батальон Коваленко.

Утреннюю тишину вспороли артиллерийские и минометные залпы. Спустя четверть часа, в наступление пошел стрелковый полк. Сосредоточив все внимание на нем, немцы не заметили, как лыжники, словно белые призраки, сливаясь со снегом, проскочили на другой берег Днепра. Отвлекающий маневр стрелкового полка и густой снегопад заслонили бойцов Коваленко от врага.

Сообщив по радиации в дивизию местонахождение, Коваленко обошел подразделения, осмотрел снаряжение. Он, спортсмен, закончивший Московский институт физкультуры, хорошо закаленный и сильный человек, заметно устал. Его радовало, что из десантников никто не отставал, никто не жаловался на трудности...

К вечеру разведчики донесли комбату, что находятся вблизи Быховского шоссе, по которому тянутся встречные потоки немецкой техники, обозы, автомашины.

Выяснилось, что фашисты, опасаясь партизанских засад, вырубili подступающие к автомагистрали деревья и кустарники. Ясно, что при таком интенсивном движении врага пересечь дорогу невозможно. Решили дождаться благоприятного момента. А тем временем Коваленко выбрал на крутом повороте участок шоссе, к которому почти вплотную подступал лес, — самое удобное место для того, чтобы перебраться через дорогу.

Лишь поздним вечером, когда на автостраде установилась тишина, комбат подал команду преодолеть ее короткими перебежками и небольшими группами. Полчаса потребовалось батальону, чтобы оказаться на другой стороне шоссе и раствориться в ночной тьме.

С каждым километром двигаться в сумрачном, заснеженном лесу становилось все труднее. Но люди упорно шли вперед. Коваленко приказал снять лыжи и спрятать их под снег.

Ранним утром разведчики вышли к железнодорожной магистрали Могилев — Рогачев.

— Перед насыпью — проволочные заграждения, — доложил командир взвода разведки. — Через каждые полкилометра вдоль полотна дежурят охранники.

Когда до станции Тошица оставалось километров пять, комбат велел саперам проделать несколько проходов в проволочных заграждениях.

После смены немецких патрулей разведчики тихо «сняли» очередных часовых. Коваленко подал условный сигнал, и бойцы устремились сквозь проволочные заграждения. Сизая утренняя дымка, словно занавес, скрыла десантников от врага. Вскоре батальон был на другой стороне железнодорожного полотна. Комбат объявил привал и связался с дивизией. Полковник Михалицын, выслушав доклад, одобрил действия батальона.

— Исходный рубеж займешь в полукилометре от Тошицы, — распорядился полковник, — и будешь ждать моего сигнала к атаке. Чтобы отрезать местный гарнизон немцев и лишить его помощи извне, предварительно взорви железнодорожное полотно с севера и с юга от станции.

Разведчики ушли вперед, выбрали удобную позицию и установили наблюдение за станцией. Днем туда прибыл грузный эшелон с техникой и боеприпасами. Об этом комбат тут же передал по радию Михалицыну. Не прошло и часа, как над Тошицей появились наши штурмовики. После нескольких боевых заходов «ильюшиных» на месте вражеского эшелона дымились бесформенные обломки искореженного металла, догорали деревянные строения и пакгаузы.

Вскоре радист передал приказ комдива: «Приготовиться к атаке!» Коваленко направил две группы минеров взорвать железнодорожное полотно.

Атака была назначена на полночь по сигналу двух зеленых ракет. Комбат определил каждому подразделению исходный рубеж для штурма. Все сошлись на том, что захват Тошицы надо начинать одновременно с трех сторон.

Коваленко с нетерпением ожидал взрывов на железнодорожном полотне. Наконец окрестности огласились гулким эхом. Одна группа минеров задание выполнила. Прошла минута, другая... Десять минут. Комбат ждал второго взрыва. Но его так и не последовало. Ждать дальше не позволяло время. В ночном небе высветились и рассыпались две зеленые ракеты. Вскинув над головой автомат, Коваленко повел за собой бойцов. Гул боя нарастал по мере приближения батальона к станции. Пулеметные и автоматные очереди смешались со свистом мин и взрывом гранат. Удар был для немцев настолько неожиданным, что они побежали, бросив технику. Расчет комбата на внезапность атаки оправдался.

К трем часам ночи станция Тошица и поселок были очищены от противника. И вновь Коваленко у радио:

— Товарищ полковник, задание командования выполнено!

А к утру подоспели бойцы 336-го и 190-го стрелковых полков.

...Борис Евгеньевич сохранил фронтовую газету «Защитник Отечества» за 25 февраля 1944 года. На первой полосе опубликованы благодарность войскам 1-го Белорусского фронта под командованием генерала Рокоссовского, рассказ о дерзком рейде в глубокий тыл врага лыжно-стрелкового батальона капитана Коваленко и оперативная сводка от Советского Информбюро, в которой говорилось: «...Войска Первого Белорусского фронта перешли в наступление... Успешно форсировали реку Днепр, наши войска прорвали сильно укрепленную оборону противника на фронте 50 километров... штурмом овладели городом и крупной железнодорожной станцией РОГАЧЕВ — важным опорным пунктом противника на Бобруйском направлении, а также с боями заняли... крупные населенные пункты Новый Быхов, Лазаревичи, Верхняя и Нижняя Тошица... Луговец, Варня и железнодорожную станцию ТОШИЦА...»

Экземпляр спецвыпуска дивизионной газеты «Защитник Отечества» Коваленко отправил домой с припиской: «Мама, извини, писать сейчас некогда. В газете все сказано... До свидания. Целую. Борис».

Комбату действительно было некогда: он готовился к выполнению нового приказа: прорвать оборону противника на реке Друть и, создав надежный коридор, помочь белорусскому партизанскому соединению выйти из окружения.

И опять — дерзкий бросок на врага, кровопролитные бои. В течение пяти часов батальон Коваленко, совместно с другими частями, сдерживал неистовый натиск гитлеровцев, пытавшихся закрыть коридор. Немало наших бойцов сложили свои головы в этой жесточайшей схватке, но задание было выполнено. Около семи тысяч партизан и жителей белорусского Полесья вышли из окружения.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1944 года майору Коваленко Борису Евгеньевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Михаил
НОСКОВ

НАЧАЛО ЖИЗНИ- НАЧАЛО ВЕКА

Петроград, Средняя Подъяческая, 10. Здесь, на втором этаже, в квартире № 4, с начала века жил музыкальный мастер Михаил Иванович Носков с женой Ксенией Андреевной и четырьмя детьми: Николаем, Александром, Михаилом и Верой. До революции здесь же обитал и брат Ксении Андреевны — Дмитрий, рабочий-печатник. В квартире, кроме кухни — четыре комнаты, одна из которых приспособлена под мастерскую скрипичного мастера-одиночки.

В гостиной висели маятниковые часы с башенным боем, в светлом дубовом корпусе. Отец, большой, с гренадерскими усами, пропахшими махоркой, раз в неделю заводил часы большим ключом. На высоком столике-шкафу стоял роскошный граммофон, отделанный голубоватым полированным деревом с естественными узорами, которые отец называл «птичий глаз». Граммофон был, по тем временам, ультрамодным — без наружной трубы.

Шкаф с зеркальной дверцей был хранилищем белья и «средством производства»: наша мама Ксения Андреевна, портниха, шила платья и примеряла их на заказчицах перед этим зеркалом. В столовой целую стену занимал книжный шкаф со стеклянными раздвижными дверцами. В нем было много всяких интересных книг: русские классики, приключенческие романы Жюль Верна, Луи Жаколио и Буссенара, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, журналы «Мир приключений», «Вокруг света», а в нижней части — комплекты журналов «Природа и люди», «Нива», «Огонек». Позднее появилось академическое издание А. С. Пушкина, а после революции — сочинения В. И. Ленина. Журналы и часть книг сгорели в печке в блокадную зиму 1941—42 годов. А шкаф до сих пор жив. К вещам люди привыкают, не хотят с ними расставаться, они создают иллюзию бессмертия. Вот, например, пианино с выгравированной на передней крышке фигурой девушки, играющей на арфе, и двумя бронзовыми подсвечниками. На нем еще в 1906—1912 годах постигал музыкальные азы старший брат Николай, а десять лет спустя — и я. Брата учил знакомый отца, пианист из ресторана Николай Николаевич Протопопов — всегда парадно одетый, прилизанный, шутливый. А нам, ребятам, он нравился и тем, что по праздникам дарил каждому по большому шоколадному яйцу.

Крайняя комната была мастерской. Чего здесь только не было! Старый, выдавший виды дубовый верстак с клееваркой у стены, подогреваемой спиртовкой, а вот — ручной станок для навивки проволоки на басовые струны скрипок, виолончелей и контрабасов, с маховиком, который мне нравилось крутить, когда отец навивал струны. У окна стоял токарный станок типа ножного точила. На нем можно было выточить шахматную пешку, ручку к напильнику и вообще все, что мальцу в голову взбредет. Отец на нем изготавливал опорные ножки для виолончелей и специальные шильца для слепых, которыми они пишут, пользуясь азбукой Брайля.

В большом шкафу, за стеклом, висели скрипки, среди них — одна странная, грушевидной формы, из тех, которые когда-то заказывал отцу досужий изобретатель, чиновник

почтового ведомства Вильгельм Генрихович Трейден — невысокого роста господин с внешностью президента Франции Пуанкаре и тонким теноровым голосом.

Тут же находились и специальные инструменты музыкального мастера: набор рубанков — от миниатюрных, с ноготь большого пальца, до солидных, которые нужно было держать двумя руками. Были инструменты с таинственными именами «шерхебель» и «зенцубель»; специальный стальной инструмент, наподобие интеграла, для установки или удаления так называемой «душки» — деревянной распорки между скрипичными деками; различные деревянные струбки для закрепления дек при сборке и склеивания частей корпуса скрипки, виолончели или контрабаса. В коробочках хранились запасные струны и пряди волос от конских хвостов — для смычков. Пахло спиртовым лаком, столярным клеем, канифолью и махоркой. На полках лежали заготовки для верхних дек — из специальной «резонансной» ели, и для нижних дек — из волнистого клена.

Именно эти заготовки, хранившиеся у отца с дореволюционных времен, стали причиной многократных посещений мастерской моего отца маршалом М. Н. Тухачевским в 1928—30 гг. — командующим Ленинградским военным округом. Маршал увлекся изготовлением скрипок. Приезжая он неизменно с адъютантом. Отец знакомил его с обработкой дек, секретами лакировки и прочими таинствами. Утверждают, что скрипка работы Тухачевского имеется в Госколлекции музыкальных инструментов в Москве.

Единственными живописными произведениями на стенах квартиры были портреты знаменитых музыкальных мастеров — русского И. А. Батова и итальянского Антонио Страдивари, написанных со старинных гравюр знакомым художником Балунинным.

Внешние события не могли не повлиять на мирную жизнь обитателей квартиры номер четыре. В 1916 году старший брат Николай, учившийся в Военно-медицинской академии, был послан на Западный фронт. Мы, младшие, мало что понимали в происходящем, но начавшиеся затруднения с продовольствием не могли не почувствовать. О февральской революции 1917 года мы узнали, увидев усыпанную бумагами улицу возле разгромленного полицейского участка. А осенью того же года, за месяц до выстрела «Авроры», я пошел в первый класс, который назывался приготовительным. В 1918 году брат матери Дмитрий Андреевич ушел добровольцем в Красную гвардию и пропал без вести. Наступила пора голода, разрухи. В 1921 году скончалась мать.

Дома не отапливались. Папа смастерил печку-буржуйку, повесил дымовые трубы в коридоре. Мы отправлялись с ним на далекий дровяной склад и привозили на самодельной тележке сырые поленья. Но постепенно жизнь начала улучшаться.

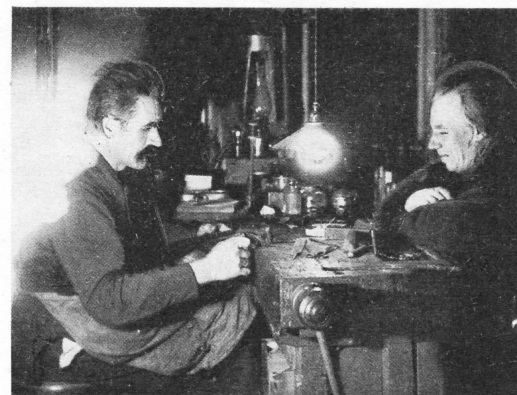
Расскажу несколько подробнее о своих родителях. В гостиной, справа и слева от больших часов, висели фотографические портреты матери и отца. Скромное, миловидное и чуть застенчивое лицо матери контрастировало с портретом отца. В молодые годы Михаил Иванович (Михаваныч) выглядел браво: волосы ежиком, прямые усы, цепочка с брелоком, стоячий крахмальный воротник. Так, «при всем параде», старались посolidнее и позажиточнее выглядеть многие рабочие и ремесленники тех времен. На противоположной стене висел в красивой рамке под стеклом большой диплом с императорскими орами, в котором объявлялось, что «Санкт-Петербургская Ремесленная Управа присуждает мешанину НОСКОВУ Михаилу Ивановичу звание мастера позументного цеха». Почему позументного — для меня всегда оставалось загадкой. Вот что писала сестра Вера Михайловна об отце в 1982 году:

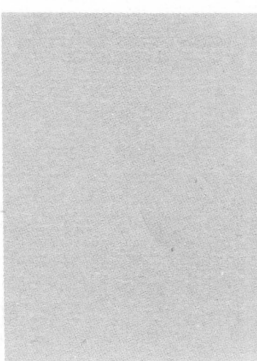
«Носков Михаил Иванович родился в 1878 году в селе Коза Любимского уезда Ярославской губернии в семье крестьянина деревни Починок Попковской волости Ивана Александровича Носкова. Мать — Евдокия Самойловна — крестьянка деревни Кондратово той же волости,

И. Зосновъ С ПЕТЕРБУРГЪ

СЕМЕЙНЫМЪ
АЛЬБОМЪ

Отец умер в 1883 году. 12-летнего сына мать привезла в Петербург в 1890 году после окончания им Ермаковского начального училища и, по возвращении в деревню, умерла. М. И. Носков поступил учеником в столярно-мебельную мастерскую Ефремова, где проработал пять лет. Потом — три года подмастерьем в мастерской музыкальных инструментов А. А. Швальма, потом там же пять лет — мастером. Официально звание мастера музыкально-инструментального ремесла было ему присвоено Петербургской ремесленной управой 21 января 1904 года.

В 1904 году, 20 февраля, отец получил высшую почетную награду города Парижа «За превосходное качество смычковых инструментов» — диплом с почетной медалью. В 1906/7 гг. на Первой Всероссийской выставке музыкальных инструментов «Музыкальный мир» отец получил за смычковые инструменты бронзовую медаль.

Дальнейшая работа отца...

В 1905—1919 гг. — музыкальные курсы им. Глинки. В 1916—1919 гг. (по мобилизации) — в музыкальных командах различных воинских подразделений.

Работал в культпросвете фабрики «Гознак», в школах художественного воспитания детей, музыкальном техникуме, музкомедии Нардома. В 1932—33 гг. — инструктор по скрипичному делу ФЗУ им. Тухачевского. Обучение это было организовано не без хлопот и настояний отца. Выявились и способные ученики. Но, к сожалению, руководство почему-то оказалось весьма далеким от музыкального мира, буквально, не могло отличить виолончели от балалайки. Узнав, к своему удивлению, что научить делать музыкальные инструменты много дольше, чем табуретки, что хоть какой-нибудь окупаемости вскоре ждать не приходится, сочло дело нерентабельным, и ФЗУ было ликвидировано.

Последнее место работы отца — ленинградский Дворец пионеров, который и хоронил его в сентябре 1938 года.

В основном, отец занимался ремонтом музыкальных инструментов, но работал и над созданием новых скрипок. Сколько их было сделано? Неизвестно. В семье сохранилась только одна, на которой несколько лет в оркестре Мариинского театра играл скрипач В. Столяров. После смерти Столярова отец купил у вдовы свою скрипку.

Как видно из рассказанного, родители мои не были интеллигентами. Ряды городских ремесленников они дополнили, придя из деревни — вековой обители умельцев-тружеников. Для нас, ребят, много значило, что родители не пошли по буржуазному пути к материальному достатку, рассчитывая только на свой личный труд. Не болели они и культом вещей. Зато любили книги, которые возмещали им недостаток образования. Упомянувшийся остекленный шкаф к моему рождению был уже полон всякой литературной всячины. Сначала мы смотрели картинки, потом читали, что поинтересней. Так формировался интерес к поиску, исследованию. А возможность наблюдать, как отец «колдует» у себя в мастерской, вызывало желание мастерить самому: пилить, строгать, сверлить, завинчивать, клеить, паять и прочее. Это было настоящее домашнее ПТУ.

В сентябре 1917 года я стал «приготовишкой» школы № 37, которая только что перестала именоваться Санкт-Петербургской пятой гимназией. Педагоги еще не сняли казенные мундиры, некоторое время был закон божий. Первые четыре, из восьми лет обучения, были годами голода и разрухи. В классах стояли железные печки, от них к окнам тянулись подвешенные к потолку трубы, с которых на пол капала черная жижа. В пальто и шубах были ученики и педагоги. Аккуратно появлялся на уроках историк Иван Антонович Массальский: крупная фигура, седые волосы ежиком, круглые очки, «моржовые» усы. Интересно вел уроки географ Александр Александрович Мохначев, покорявший ребят своим «мушкетерским» обликом.

Директорствовали в школе, последовательно, известные впоследствии филологи Николай Севастьянович Державин и Павел Наумович Берков, которого прозвали «Доктор-фил», так как он получил ученую степень в Вене

и всюду, даже в заметке для стенгазеты, подписывался именно так. Хорошо запомнились милейшая пожилая француженка «мадам Ранси» и юная «англичанка», заставившая меня к школьному вечеру выучить наизусть стихотворение Шекспира «Семь возрастов человека» («Севи эйдж оф мэн»). В этой бывшей классической гимназии была специальная физическая аудитория и кое-какие физические приборы, на которых ученики выполняли некое подобие практикума с письменными отчетами. В последних классах вел физику В. Далецкий, который иногда придумывал оригинальные задачи.

Природоведение (биология) тоже увлекало и давало повод поупражняться в рисовании. Тетрадки по природоведению у меня были полны акварельных копий из Брэма («Жизнь животных») и учебников анатомии. Интересно было писать сочинения по русской литературе, а вот составлять придуманные кем-то графические сюжетные схемы, скажем, «Рудина» или «Мертвых душ», было тошно — отдавало формализмом. На одном из школьных вечеров меня выпустили на эстраду — спел романс Гречанинова и сыграл фантазию-экспромт Шопена.

В 1923—25 годах учитель пения, бас из хора Мариинского театра Виктор Васильевич Молодцов, затеял, казалось, немислимое дело: из школьников двух школ, нашей, преимущественно мужской, и другой, преимущественно женской, сформировать подобие оперной труппы. Удивительно, но это удалось! Удалось благодаря неутомимости Молодцова и энтузиазму школьников.

Спевки хора затягивались допоздна, вызывая справедливое негодование родителей. Специальные занятия проводились с солистами, которые нашлись среди школьников старших классов. Сначала поставили «Запорожца за Дунаем», потом сцены из «Русалки», целиком — «Руслана и Людмилу» и, наконец, — «Евгения Онегина». У долгового старшекласника Б. Никольского оказалась прекрасный баритон и хорошая музыкальность, позволившие ему справиться с Запорожцем и Мельником, Б. Карамышев пел Руслана, М. Шавруков — Онегина, Князя в «Русалке» и Ленского пел Вадя Столяров. Он же в «Руслане» безупречно исполнил партию Баяна. Мать ученика Пети Гаврилова — довольно простецкого по виду парня, заядлого шахматиста и любителя ожесточенной игры на рояле, была недовольна, увидев своего Петю в роли Фарлафа — богатяры-неудачника. «Ну, Петька, и дали тебе ролю!» — сказала она. Женские роли также нашли себе достойных исполнительниц: Татьяну Ларину пела Наташа Кожевникова, Ольгу — Оля Куликова, обе ученицы.

На репетициях хористы старались изо всех сил. Большинство пели, не зная нотной грамоты, но выручали юношеская память и слух. Нашлись и танцоры. Мне, как бессменному аккомпаниатору, пожалуй, больше всех пришлось наблюдать — чего стоил успех каждой такой постановки. Виктор Васильевич Молодцов, с лицом Демона в изображении Врубеля, выходил из себя при каждой фальшивой ноте, неистовствовал, если хористы пропустили спевки, запрещал сидеть во время пения («У вас весь звук в стул уходит!»).

Спектакли шли в костюмах, взятых напрокат, в декорациях, написанных школьными художниками (которые впоследствии стали профессионалами). Музыкальное сопровождение — рояль плюс в некоторых местах фисгармония. Взыскательный музыкант, конечно, нашел бы в спектаклях много недостатков, но фальши и безграмотности в них не было — ведь участники работали с душой, с любовью к музыке и, фактически, получили определенное музыкальное образование в процессе самой работы над операми. Спектакли шли всего по два раза. Больше всего радости, конечно, они доставляли самим участникам, их родным и знакомым.

Незадолго до окончания школы я пристрастился к фотографии. Была добыта громоздкая камера с деревянным корпусом. Снимали тогда на стеклянные фотопластины. Они донесли память о людях и событиях тех далеких дней. Есть на старинных фотографиях и лица многих людей, упомянутых в рассказе...

Алексей ПЕВЦОВ

Рисунок Владимира Ганзина

СИМЕОН И среда

А прельским утром 1946 года я сидел у окна старого отцовского дома в маленьком заводском поселке. Нестерпимо болела нога, ныла поясница. С фронта я приехал инвалидом. Врачи выдали розовую втэковскую справку и записали в ней: «Нетрудоспособный».

А на улице стояла вторая послевоенная весна.

День был солнечный, теплый. Напротив, у заводского конного двора, дымилась куча навоза. Тишину пустой улицы изредка нарушал лай собаки, лежавшей в пыли у ворот, да иногда громко кричал петух. В синей чаще неба грядами лежали барашковые облака, предвещающая хорошие дни.

Где-то чуть слышно скрипнули колеса, и скоро из переулка показалась двухколесная тележка. На ней возвышался большой плетеный короб. Крепко держа оглобли в руках, тележку толкал впереди себя странный человек. Одет в широкие штаны, сшитые из домашнего половика, такой же пиджак свободно свисал с плеч, на ногах — лапти. Из-под старой меховой шапки с потрескавшимися кожаным верхом прядями падали на плечи седые волосы. Старик остановился у навозной кучи, бросил оглобли на землю. Короб наклонился на бок, обнаружив деревянную рукоятку вил.

Прищурившись, старик посмотрел на солнце, потом взял вилы и стал бросать навоз в короб. Работал ровно,

без рывков, и я заметил, что правая нога его почти не сгибается. Он взмахивал и взмахивал вилами до тех пор, пока навоз не показался над краем короба.

Дед взял в руки оглобли и толкнул тележку вперед. Снова скрипнули колеса, и тележка скрылась за углом.

«Что за старик? — подумал я. — Лаптей в поселке давно не было. Даже во время войны, говорят, не носили их здесь».

Скоро опять послышался скрип тележки. Опираясь на палку, я вышел на улицу и, чтобы начать разговор, поинтересовался, куда ему столько навоза.

— Приходи, сам увидишь, — ответил он мне и улыбнулся в бороду.

Он жил по соседству со мной, в домике на три окна. С южной стороны дома возвышалась земляная насыпь, огороженная тыном. Изгородь под тяжестью насыпанной земли накренилась, и в некоторых местах была подперта поленями. На земле, блестя стеклами, красовались рамы — целое парниковое хозяйство. На горах лежал снег. По ночам еще трещали морозы, а под рамами, распустив широкие зеленые листья, цвели огурцы.

Хозяин, сгорбившись, стоял на коленях и грубыми длинными руками с выступившими на них синими жилами рыхлил землю. Когда он касался зеленых листьев, они шевелились, как живые.

Мы сели с ним на старом обрубок дерева.

— Видно, что вам нравится это дело, — сказал я.

Старик набрал в руки горсть земли и начал медленно растирать ее в ладонях. Ноздри его широко раздулись, он пересыпал землю в левую ладонь, а правой зачерпнул с грядки свежей. Потом развеял по ветру и сказал спокойно:

— Нет, ты не угадал. Я люблю землю, люблю выращивать на ней пшеницу, рожь... А это не то...

Вскоре я уехал из поселка, и мы долго не встречались. А потом, возвратившись обратно домой, заходил к Сimeoну, говорили на разные темы.

В 1959 году старик заболел и наказал, чтобы я зашел к нему. Он лежал на деревянной кровати, скрестив на груди тяжелые, натруженные руки. Нос заострился, щеки провалились, только ноздри, по-прежнему, широко раздувались.

— Ну, вот и представлюсь днями к парадному подъезду, — сказал он. — Там, в столешнице, у меня тетради лежат, возьми их себе на память, может, пригодятся...

Я открыл ящик стола и взял стопку ученических тетрадей. На первой странице прочел написанное ученическим почерком: «Повесть моей жизни». Хозяин не умел писать, а читать научился самоучкой. Видимо, кто-то писал под его диктовку.

Утром его не стало.

Н

екоторое время я старался жить для других, для своей среды. А жизнь моя и мои поступки почему-то помешали моей среде. С моей стороны они казались не вредными, а среда признала наоборот. Четырнадцати лет я уже работал на платиновых приисках в Висиме и в Рудянке. Работа была тяжелая, а заработок не велик. Приходилось в сезонное время ходить в люди жить и пимокатничать. В 1886 году ходил на Лёкминские прииски. Пробыв там год, переехал в Иркутск, в котором и прожил четыре года.

Из Иркутска в 1890 году переехал домой в Михайловский завод. Тут и задумался насчет оседлости. Закон природы заставлял жениться. Вот тут я и нахожу себе голубку.

— Предлагаю тебе союз,— сказал я будущей своей подруге,— но только без всяких поповских обрядов.

Моя подружка согласилась, сказала: «Ладно».

Стали мы жить вдвоем. Сколотились и купили корову, а потом лошадку. Площадь нужна была для покоса, и я начал чистить его недалеко от поселка по Воронинской речке.

Поставил избу себе. Дошло дело до распашки. Но тут повстречал препятствия. Нашелся хозяин этой земли. Вызвали меня в суд.

— Как ты смеешь распахивать землю? Вот он — хозяин земли.

— Какой он хозяин земли? Как я тварь природы, так и он тварь природы. Какое он имеет право, такое и я.

— Но ведь земля-то его?

— Как это его? Раз его земля, то мои солнце, вода и воздух. Если вы присуждаете мне платить за землю, то потрудитесь, чтобы он заплатил за солнышко, за воду и за воздух. А то я ему глаза завяжу, на шею петлю надену, рот заткну, чтобы не дышал и не пил мою воду. Раз судите в его сторону, судите и в мою.

Земля осталась за мной. Пришлось учиться пахать и сеять. Первый год издался влажный. Урожай взяли плохой. Зерно было слабое, одна рубашка.

Из года в год я продельвал разные опыты и понял, что для растений необходимы три элемента: тепло, влага и пища. В 20-м и 21-м годах осадков было мало. А я принял все меры по задержанию влаги и получил урожай до полутораста пудов с десятины. Появились излишки хлеба. Но я решил жить для других и признал себя должником перед людьми. Подсчитал, сколько хлеба мне нужно для семьи, осталось 180 пудов излишков. Развез этот хлеб самым слабым семьям. Кроме того, что я соблюдал агротехнику, сделал свой плуг. Много было тогда шлемного железа на заводе — на войну катали. Вот нашел я лист в отвале и сделал такой плуг, которым взрыхлял землю, а не пластами отворачивал. Так лучше сохранялась влага. Я стал получать урожай еще выше.

Жил у нас в Воронино гражданин Грязнов. Бедно жил, а семья большая была. Пришел я к нему раз во двор. Смотрю — кругом нужда. Ребятишки голодные в окна глядят. А тут еще пожар у него случился, ну, словом, ослаб человек. У меня как раз подросла другая корова. Отдал я ему свою корову и четыре воза клеверного сена.

Так же вот у меня бык породистый оказался. А среда после разрухи не имела племенного быка. Начали хозяева ко мне приводить на займку то одну корову, то другую. Посчитал я, что неудобно им водить коровок за такие версты. Кладу воз сена, привязываю быка и веду в поселение. Привязал его на мосту и воз сена оставил. Набегали утром люди, повели быка по дворам. Года четыре он существовал.

Появилась надобность приобрести молотилку. Договорился с местной артелью, она тогда эти машины делала. Отдал я за нее хлеба 35 пудов, одну корову и дров четыре сажени. Но они сделали только молотилку, а веялки не было. Пришлось ее выменять в другом месте. Заплатил за нее овсом — пять пудов отдал. Но потом

Повесть МОЕЙ ЖИЗНИ

показалось мне дешево и начал искать, где эти люди живут, что веялку мне продали. Узнал, будто бы в Верхних Сергах. Насыпал 12 пудов овса и еду. Но мужиков там не оказалось. Раздал весь овес погоревшим и еду обратно домой. Заехал в Нижние Серги. Оттуда сутунку возили к нам в Михайловский завод, а из нее у нас пилы делали. Подъезжаю к складу, где сутунка находится. Склад закрыт, а кладовщик, вижу через окошечко, там находится.

— Отвори дверь,— говорю ему,— я накладу сутунки сколь по силам моей животине.

А он вышел из склада, посмотрел на меня так, словно я с луны упал, и говорит:

— Пойдем-ка в контору...

Там заявляет писарям вроде докладной на меня. Берут бумагу и начинают что-то писать. Говорю им:

— Для чего эта бумага? Или она будет помогать моей животине в гору?

Разговорились мы так, а там уже сообщил кто-то в известное место. Приходит человек, вооруженный холодным оружием. Обращается ко мне:

— Кто ты такой?

— Такой же, как и ты. Человек...

— А что ты хотел сделать?

— Счел себя должником привезти попутно воз сутунки в тот цех, в котором пилы вырабатывают.

— Найдется, пожалуй, много таких. Один наложит воз — увезет, другой увезет...

Подхожу я к стене и стучу пальцем в нее.

— Вот видите, от этого стучания пользы нет, так и от вашей работы пользы нет. А ведь вы носите одежду, кушаете хлеб...

Три дня продержали меня взаперти. А потом отдали одежду и лошадь вывели.

— Можешь ехать...

— А сутунку можно накладывать?

— Айда, айда, накладывай.

Между Нижними Сергами и Михайловском, как раз на половине пути, стоит в ложке деревня. Так она и называется Половинка. Так вот, в этой деревне мне часто приходилось ночевать. Едешь из Нижних Серг, отемнаешь, ну и заночуешь.

Колодец там у них был. Чтобы лошадь напоить, надо ведро брать свое, веревку к нему привязывать. Все жители деревни ходят к колодцу по воду, и каждый со своей веревочкой и ведром. Бывали и проезжие. Подбегут к колодцу, а там черпать нечем, бегут обратно.

Спрашиваю у жителей:

— Почему у вас нет бадьи?

— Кому надо, тот со своим ведром придет.

Пришла мне в голову мысль повесить им бадью.

Прихожу к мастеру, который делает железную посуду, и заказываю ему бадью. Захожу к другому мастеру — к кузнецу, заказываю ему крюк и простой шпиль. А вот сам валок деревянный мне достался не совсем благополучно. Каждая древесина должна выписываться в конторе лесничества. Брат билет мне показалось обременительным, хотя и стоил он в то время не более 30 копеек.

Беру санки и еду в лес. Нахожу подходящую осинку и начинаю рубить. Отрубаю комелек аршина два с половиной длиной.

— Здравствуй, нарушитель порядка!

Смотрю, позади меня лесник стоит.

— Признаюсь, не прав,— говорю я.— Напиши билет на дерево — в трубе три вершка.

— Не имею права билет выдавать...

— Тогда на суд подавай.

— Можно и без суда обойтись...

Начинаю догадываться, к чему дело идет. Везу ему на дом воз соломы.

Но план свой надо выполнить. Еду в Михайловск. Выкупаю надобные мне вещи: бадью, крюк и шпиль. Захожу в магазин и покупаю цепь. Все наготове. Но как сделать незаметно? Решил действовать ночью. Приехал на место. На улице еще темно. Но кое-где в домах уже поют петухи. Валок на три вершка оказался длиннее. Обрезал его по мерке, провертываю отверстие. Положил валок плотно на землю и начал забивать шпиль. Накладываю валок, вешаю цепь и бадью. Потом опрокидываю бадью на колодец.

Только подошел к лошади, чтобы уехать, навстречу баба с ведром и с веревкой. По воду, значит, идет. Деваться мне некуда. Даю бабе наказ:

— Бадья навешана по распоряжению сельсовета. Ее не воровать, колодец содержать в полном порядке.

Однажды днем приходит ко мне на займку человек, в грязи весь.

— Айла, выручай, пожалуйста, лошадь застряла в ложке.

Запряг лошадь и поехали мы с ним на место. Лошадь была уже выпряжена из оглобель, но стояла по брюхо в глине и не могла сделать ни одного шага. Как раз смотрим, из Михайловска человек едет. Остановили мы его.

Связали веревки и стали вытягивать. Вытащили лошадь на сухое место, а потом и телегу.

Уехали они. А я остался у ложка и думаю, как бы избежать этот путь? И тут решился приступить к строительству дороги. Первый мост мне подсобил сделать сын. Но от второго отказался. Снова встала преграда насчет леса. Пришлось ехать в район, в Серги, значит. Разрешили мне там, а документов не дали.

К некоторым местам подъехать было невозможно и пришлось заготовку материала вести зимой. Особенно у одного моста слабое место растянулось сажен на двадцать.

Прописал свою супругу помочь. Едем с ней как-то к месту, куда материал свозили, и слышим стук. Это полезовщик, не знавший о разрешении на порубку леса, клеймит нашу заготовку своим клеймом как самовольную.

Пришлось работу прекратить.

Уже не знаю, как мне доказать, что дорога всем нужна. Снова пошел за разрешением. Сняли клеймо и разрешили полностью построить восемь мостов от займки до самого Михайловска.

Никто не верил, что я построю мосты и сделаю проезжую дорогу. Но я добился. В году отдавал два месяца дорогам. Кроме жены, никого не привлекал к этой работе.

Одно показалось мне любопытным и обидным. К вечеру, прекращая работы, я прятал инструмент в землю. И вот, в один несчастный день прихожу утром, а инструмента нет: украли. На другой день пришел с новым.

Или вот еще такое было. Закончу мост и оставляю возле него запасные пластины — три или четыре. Лежат они неделю, месяц, а потом и их не оказывается.

Наконец, дорога окончена. Население стало ездить с большими возами, без всякой опасности. Даже автомашины проходили.

Но я не ограничился только мостами. Пришлось много сделать земляных работ: закапывал ямы, срывал косогоры, делал канавы для стока воды. Если все мосты растянуть в одну линию, это будет расстояние 120 сажен.

Во время работы мимо проезжали граждане. Многие останавливались и говорили:

— Как это у тебя руки поднимаются?

В 1937 году земля моя — девять десятин — отошла в черту колхоза. Я решил съездить в Москву. Побывал там в доме Правительства. Пообещали помочь. Приехал до-

мой, а следом за мной письмо пришло: «Твоя земля остается 20 соток с усадьбой...»

Но местные власти разрешили на том месте только сжать рожь и пары засеять. Это я все сделал. Сжатую рожь свозил на гумно, а яровые еще не трогал. Тут ко мне и нагрянули трое на легковушке, в 12 часов ночи. Обыск произвели. Я думал, на том и кончится. Ничего они у меня не нашли. Я даже не знаю, чего они искали. Напоил их чаем после обыска. Поллитровочка водочки стояла у меня. Даже выпили они по стаканчику. Один из них встал после чая (как потом я узнал, это был следователь Китов) и говорит мне:

— Одевайся, поедем с нами.

Я без всяких размышлений надел овчинный тулуп. Как дома был, так и надел на худую рубаху.

Когда вышли за ворота, вспомнил о хлебе.

— Разрешите в избу вернуться, хлебушка взять?

— Хлеба мы тебе своего дадим.

Так и не пустили меня обратно.

Заурчал мотор. Два ярких луча озарили сосны и вывели на дорогу. Мы ехали по тем мостам, которые я строил три года с любовью и желанием.

Видно, поняли мое настроение спутники. Следователь говорит:

— Теперь без тебя будем строить.

И опять подумал я: что же плохого сделал я среде? Почему без меня она будет строить?

Рано утром приехали в Серги. Дней десять сидел я в заключении один. Думал об одном: за что меня арестовали? Ответа не мог добиться. Потом стало поступать много михайловских. Начались допросы. Стою у стола следователя. А он пишет, пишет. Вот уже два листа написал.

— Подписывай,— говорит.

— Я тебе ничего не говорил, а ты заставляешь меня расписываться. Нет, не распишусь. Неправда все это и ложь.

Долго я стоял на ногах. Потом пристал и сел. Но тут вошли двое и стали держать меня под руки.

— Расписывайся!

— За ложь и обман расписываться не буду!

Отпустили меня. Потом снова вызвали.

— Показывай.

Начал я рассказывать о своей жизни, о людях, что знал.

А он мои показания и не пишет. После этого я совсем отказался что-либо говорить.

Тогда меня отправили в Свердловск. Нашлись свидетели, которые показывали на меня ложь. Вот какая-то девушка, которую я никогда в жизни не видел, показывает, что я отказался пойти в колхоз. Об этом со мной и не говорили, и в колхоз не приглашали.

На очной ставке встретился со своим земляком Максимом Ш. Следователь говорит ему:

— Что ты можешь сказать по поводу его?

— От него я ничего не слышал словесно. Но своим хозяйством он развалил все колхозы, опозорил государство.

Предъявили на меня характеристику. Будто бы я имел 50 десятин земли, 20 голов рогатого скота, 40 ульев пчел.

Поглядел я на все это и подумал: кругом ложь и неправда. Решил умирать голодной смертью, то есть объявить голодовку.

На 19-й день пришли ко мне три начальника.

— Ну, что ты лежишь? Надо к суду подготовиться. Вот суд будет и разберет, может, освободят.

После этого еще три дня продержал голодовку, а потом снял.

Вскоре был назначен суд. Присудили мне 7 лет тюремного заключения. Но центр не утвердил этого приговора. Прошло еще полгода, пока разобрались, что я действительно ни в чем не виноват. Освободили меня и сказали; что все, что у тебя взяли, должны возвратить обратно.

Приехал домой, захожу в правление колхоза.

А там смеются:

— Брать да отдавать нет никакого расчета.

Поглядел на все это и махнул рукой.

Но жить-то надо. Картошки надо было посадить.

Пришел в одно место, стал землю ковырять лопатой. Идут и кричат на меня:

— Ты зачем пришел сюда, кулак проклятый!

Тогда решил сделать искусственную землю. На площадь в шесть соток натаскал земли со дна реки. Но и эта земля не удержалась за мной.

После этого я отказался от земли.

Теперь мчусь по океану без ветрил, без руля и без компаса. Куда ветры понесут. Прошу после моей смерти: хороните меня без гроба и без рубахи. Зачем еще затруднять среду?

* * *

На этом рукопись кончалась. Но точку ставить было еще рано. Симеон сколотился снова, купил домик, а во дворе, как муравей, натаскал земли и сделал парники. Приказал жене шить из половинок штаны и рубаху. Не стал получать пенсию, которую ему назначили по старости, даже отключил электричество, заменив его керосиновой лампой. Среде же, на которую обиделся, продолжал помогать, чем мог.

Часто ранней весной, когда еще снег не успел растаять, выезжал он с кадушкой огурцов на своей двухколесной тележке к проходной завода. Вышедших после смены рабочих угощал бесплатно огурцами. Возмущался, когда ему предлагали деньги.

Узнав, что одинокая старуха не имеет дров, ночью на санках привез ей дрова и сложил в сених.

Однажды, сидя у парников, он спросил меня:

— А сказку мою «Четыре брата» слышал?

И поведал мне о четырех братьях: Демьяне, Степане, Луке и Семене. В поисках правды разошлись они в разные стороны по земле русской, побывали в помещичьих угодьях, побывали в монастырях, в селах российских. И везде видели угнетения и издевательства над работным человеком. Взбунтовались братья, выступили против насилия.

— И чем же кончилась эта история? — спросил я.

— А тем, что братья встретились в глухом месте на каторге, закованные в кандалы, и все приключения рассказали друг другу. Вот, дескать, и нашли мы правду....*

Хоронили Симеона ясным апрельским утром. За гробом (завешание похоронить без гроба и рубахи выполнено не было) шла молча небольшая кучка людей. В ясном безоблачном небе гудел реактивный самолет. Юрий Гагарин побывал в космосе. Люди рассматривали газеты с фотографией обратной стороны Луны...

ОТ РЕДАКЦИИ

Очерк А. Певцова был написан в начале 60-х годов. Автор послал рукопись писателю Александру Исетскому. Вот его ответ:

«Дорогой Алеша!

Кроме меня, твой очерк прочел еще друг мой Павел Макишанихин. Наше общее мнение таково.

Очерк дает образ колоритной фигуры народного правдолюбца, альтруиста. Во многом он выписан тобой ярко и глубоко впечатляющим. К тому же, я еще и лично его видел и говорил с ним, и потому вижу его, как живого.

Литературно очерк сделан хорошо, крепко. Однако, при всем этом едва ли найдется журнал, который бы напечатал эту трагическую повесть его жизни. Она сегодня не прозвучит.

В писательской жизни копится и годами лежит очень ценный материал и ждет своего часа. Дождется своего часа и твой альтруист.

25 июля 1962 года.

Александр Исетский».

* Сказка помещена в сборнике «Уральский фольклор», Свердловск, 1949.

Петр НЕФЕДЬЕВ

БОРЬКА

Как-то ранним зимним утром, выйдя на крыльцо своего дома, охотовед Юрий Неуймин увидел такое, что спросонья и глазами своим не поверил. У огородной изгороди, по грудь в снегу, стоял лось. И не какой-нибудь сеголеток, отбившийся от своих родителей, а матерый, с ветвистыми рогами.

Казалось бы, при виде человека зверь должен был взметнуться и удрать в лес. А этот стоял, как вкопанный. Ни скрип двери, ни покашливание человека ничуть не потревожили его. Он лишь выше поднял голову и водил ушами, похожими на большущие рыбацкие рукавицы.

Юрий сошел с крыльца, приблизился к зверю, а тот и не думал уходить. Стоял, упрямо смотрел на охотоведа своими умными, чуть притуманенными глазами.

«Что за странный зверь? Проголодался, небось?» — подумал охотовед.

Вернулся в дом, взял булку хлеба и снова вышел на двор.

Лось стоял у той же изгороди.

— Вот тебе закуска, подкрепляйся.

Лось, вытянув шею, достал хлеб, повернулся и отправился по своему же следу в лес.

Что привело зверя к людскому жилью? Возможно, голод. Зима в тот год была многоснежной, подножный корм давался с трудом. А питатель хвоей да молодой порослью лосо, может быть, надоело. Вот он и отправился в поиск. Потом к огородной изгороди охотоведа тот же лось приходил еще несколько раз. Придет и стоит, мотая головой и повоя ушами. Охотовед не отказывал гостю в угощении, выносил буханку хлеба и даже имя придумал рогатому красавцу — Борька.

Как-то охотовед отправился на Кокшарихинские болота — излюбленное место матерых лосей. И совершенно неожиданно, буквально в нескольких шагах увидел своего знакомца. Тот только что поднялся с лежки.

— Здравствуй, Борька! Как поживаешь? — воскликнул охотовед.

Лось повернул голову, уставился на человека, помотал головой и, не торопясь, направился в глубь болота.

Лось, как известно, не стадное животное. Но Борька не сторонился своих сородичей. В зимнее время нередко сквозь снежные заносы и сугробы шел впереди, как таран, раздвигая грудью метровый снег. А за ним по пробитой тропе, похожей больше на траншею, тянулось все стадо: тяжелые большебрюхие самки, малыши-сеголетки. Вожак вел их к кормушкам или к лесным зарослям, обильных кормом.

Одна из уральских зим выдалась особенно многоснежной. Особенно трудно приходилось косякам и телятам лосей. На помощь пришли охотничьи организации. В леса была направлена техника для прокладывания троп в снежной целине.

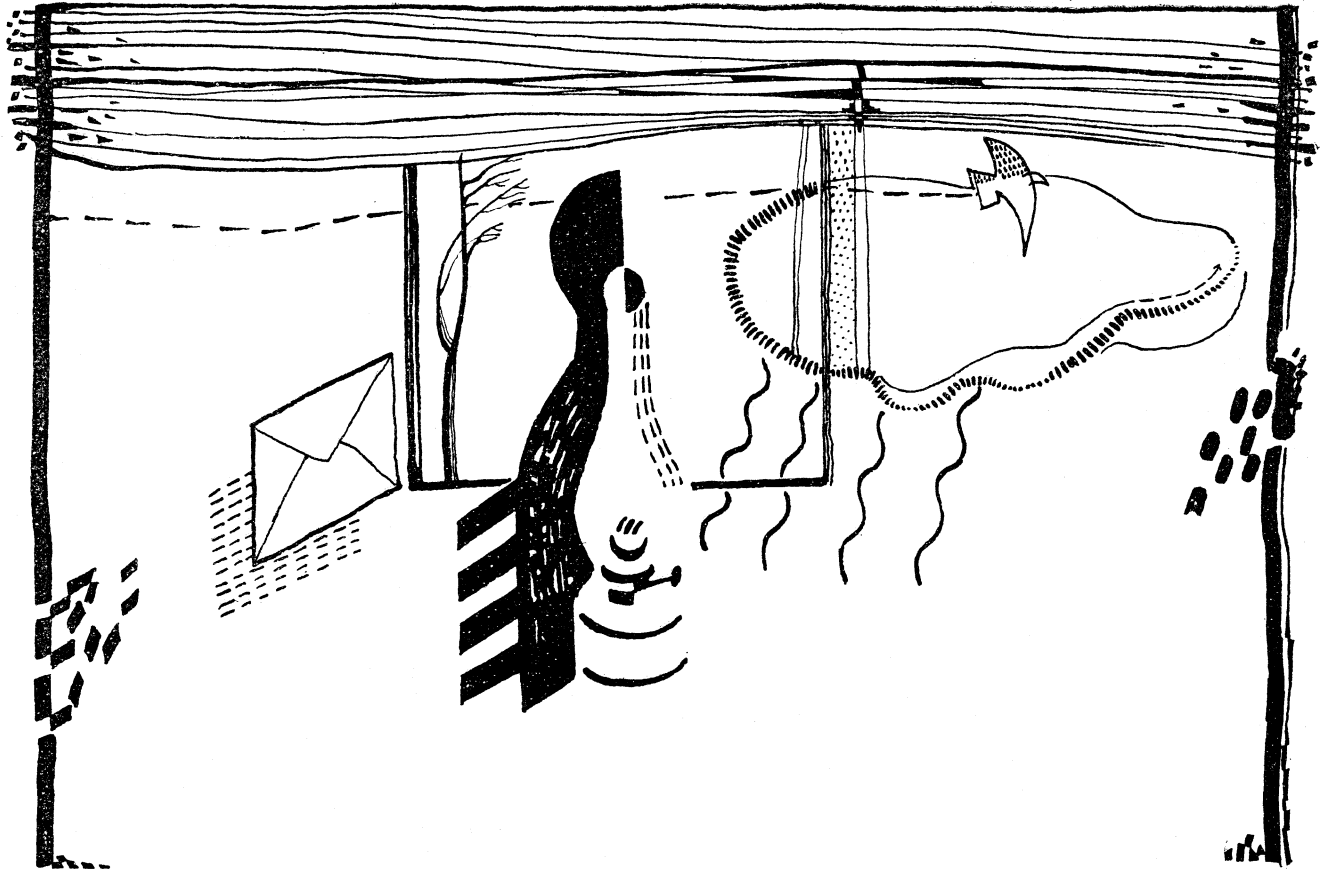
Борька обнаружил одну из таких троп и долго не двигался с места, словно раздумывал: не подвох ли? Потом, высоко задрав голову, зорко всматривался вдаль, прислушивался. Убедившись, что опасности нет, вождь ступил на тропу, а за ним — все стадо.

Случи о необычном лосе дошли и до других охотников, и все они старались Борьку оберегать.

Знаю случаи: когда устраивались загоны, и появлялся Борька, стрелки давали ему возможность уйти невредимым. Однажды, уже после загона, во время охоты лось вышел на мой номер. Я заметил его метров за 150—200. Вижу, шагает важно, чинно, не торопясь, как и подобает господину лесных просторов. Потом остановился, уставил на меня свои глазщи. Хотел крикнуть ему: «Эй, Борька, привет!» — да не положено стрелку шуметь на номере. Поднял руку, помахал рукавицей. Борька понял сигнал, резко повернул в сторону и скрылся среди деревьев.

Но вот наступило время, когда Борька исчез. Прошла зима, наступило лето, а он не появлялся. Одни толковали: наверно, увяз в Кокшарихинском болоте, другие — заболел и стал добычей волков.

Возможно и так. Судьбы зверинные неисповедимы.

ДНЕВНИК НИНЫ ВИШНЯКОВОЙ

«СТРЕМИТЬСЯ ДО УТРАТЫ СИЛ»

Шестнадцать лет назад, в январе 1974 года в журнале «Уральский следопыт» была напечатана подборка стихотворений Нины Вишняковой со вступительным словом известной уральской поэтессы Эмилии Бояршиновой. Стихи вызвали бурный читательский отклик. Каждый день в редакцию приходили письма:

«Восхищаюсь мужеством Нины, преклоняюсь перед этой, беспомощной физически, но такой сильной духом девушкой...» (воспитатель детсада Раиса Плотникова).

«Даже не думал, что в наше время есть еще такие цельные, чистые натуры! Дайте мне адрес Нины Вишняковой, хочу убедиться, что это не выдумка, что такой человек действительно живет среди нас» (машинист Челябинского депо Николай Смирнягин).

Писали самой Нине:

«Вот ведь странно: надо бы, кажется, пожалеть Вас, обреченную болезнью на тяжкие страдания, а мне себя стало жаль. Жаль, что так бездарно прожила почти половину жизни... Вы научили меня по-настоящему ценить жизнь. Спасибо Вам» (служащая Валентина Петровская).

«Вы должны написать книгу о себе. О себе — это ведь не значит для себя. Это для людей. Даже таких, как я. Чтобы стыдно стало за себя, за мелкие счеы, которые предъявляем к жизни...» (Эти строки написал Виктор К., в то время отбывающий наказание за тяжкое, по собственному его признанию, преступление. Переписка с Ниной длилась несколько лет, в одном из последних писем Виктор, уже свободный человек, муж и отец, признался: «Вы научили меня жить. Примите за это искреннюю благодарность от меня и моей жены.»)

«У нас в депо зачитываются Вашими стихами. Мы считаем, что Вы должны написать книгу о себе. Поверьте, эта книга нужна нам, всем, кто работает на идеологическом фронте, чтобы на этом примере воспитывать мужество и любовь к жизни. Такая книга нужна и тем, кто потерял веру в себя, ослаб душевно» (секретарь партийной организации локомотивного депо г. Челябинска).

Книгу о себе Нина Вишнякова так и не написала. Не успела. Ежедневно она получала десятки писем от людей, нуждавшихся в моральной поддержке. Ни одна горестная исповедь не оставалась без ответа. Мало кто из коррес-

пондентов Нины: догадывался, каким огромным напряжением заставляла она свою изувеченную полартритом руку выводить обстоятельные письма. На книгу уже не оставалось физических сил.

Она оказалась права вдвойне. Ее письма помогли больным людям найти свое место в жизни. А книга... Когда Нина умерла, ее друзья убедились, что такая книга все-таки существует. Это дневники Нины, которые она вела с двенадцати лет.

В НАЧАЛЕ 1990 ГОДА В СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОМ КНИЖНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ВЫИДЕТ КНИГА, В КОТОРУЮ ВОЙДУТ ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ, ПИСЬМА И ЖУРНАЛИСТСКИЕ РАБОТЫ НИНЫ ВИШНЯКОВОЙ.

«Постоянная моя мечта — быть с людьми, делать с ними одно общее большое дело», — записала в своем дневнике Нина, и в этих словах отразилась вся ее цельная активная натура. От первых дневничков, которые вела девочка с образованием... «одним класс», до последних записей, сделанных известной журналисткой, прослеживается верность главной мечте: быть полезной людям. Если этапы ее жизненного пути определять не внешними событиями, а внутренним их восприятием, то в дневниках зримо ощущаются два периода: «Что я сделаю для людей», то есть: по силам, что смогу, — и второй: «Что я делаю для людей?». На вопрос, что же ей удалось сделать, пусть ответит сам читатель.

Только первые три года жизни Нина была здорова. К десяти годам полартрит окончательно лишил девочку возможности ходить и сидеть. Но и это не все. Много лет спустя Нина напишет своему заочному другу инвалиду войны Всеволоду Мигаю: «Самым прискорбным в моей судьбе является то, что с малого детства осталась я не только инвалидом, но и круглой сиротой». Что остается человеку в подобных обстоятельствах? Смириться в отчаянии? Самозабвенно уповать на чудо и существовать в ожидании оного? Создать свой выдуманный мирок и обитать в нем вдали от реальных людей? Это не надуманные предположения, из дневниковых записей Нины узнаем, что были люди, избравшие для себя подобные «выходы». Но все это не для ее деятельной, активно неравнодушной натуры.

«Стремиться до утраты сил» — эту пушкинскую строку она избрала девизом для себя еще в детстве и осталась верна ему до последних дней, когда силы были уже на исходе.

Она не терпела, когда кого-то называли «вторым Островским», со свойственной ей категоричностью возмущалась в дневнике: «Николай Островский был один. И подвиг его неповторим». По сути, она, наверное, была права, но ее жизнь — это ее собственный подвиг человеческого духа.

1945 год

15 января. Пишу я — Нина Вишнякова. Я больная девочка, не могу ходить и сидеть. Все лежу. Мама и папы у меня нет. Есть только тетя Шура¹. Вчера мне исполнилось двенадцать лет. Больна я с семи лет.

19 января. Тетя Шура ходила в район, там сказали, что, может быть, будут на дом ходить учителя. Ох, как хотелось бы мне учиться!

7 февраля. Хотя я не люблю Маяковского, но у него есть иногда такие слова, что душа загорается! Например:

Ненавижу
всяческую мертвечину.
Обожаю
всяческую жизнь!

Я болела. Одежду купить нет денег...

27 апреля. Радостная весть сегодня по радио: 25 апреля в 2 часа 30 минут 1-й Украинский фронт соединился с англо-американскими дивизиями в центре Германии,

Каждодневно, ежечасно вершимый подвиг. Ей пришлось сражаться не только с физическим недугом, а, увы, с меньшим рвением и затратой сил воевать за элементарные человеческие права. Например, за право на образование. Когда в Тобольском доме-интернате, куда Нина прибыла на семнадцатом году жизни, она обратилась к директору с просьбой помочь лежащим больным продолжать учебу, реакция была такая:

— Ха! Здесь? Вам?! Учиться?!

«Для него наша просьба прозвучала столь же странно, как если бы он услышал вдруг, что человеческим голосом заговорила рыба, или стена, или камень при дороге».

Но именно эта изнурительная, порой испепеляющая душу борьба, из которой она вышла все-таки победителем, закалила ее на всю жизнь. В Свердловске, в институте восстановительной хирургии, в перерыве между мучительными операциями (у нее оказалось слабое сердце, и оперировали без наркоза) Нина написала заявление о приеме в Уральский государственный университет.

В 1961 году Нина получила диплом журналиста. Жила она в то время в Билимбаевском доме-интернате. Одной из своих «подшефных» Галине Колтышевой, студентке факультета журналистики, Нина писала позднее: «Я в эти периоды тоже всегда волновалась не о том, как сдать, а о том, как уеду, где, с кем буду жить во время сессии. И потом, когда спрашивали, трудно ли учиться, я отвечала, что ничуть не трудно, а трудна вот эта «материальная часть» — техника и фантастика обслуживания. Но все преодолено и преодолено...».

Еще в Билимбае Нина начала собирать материалы о людях, сумевших преодолеть физический недуг, найти свое место в жизни. Вместе с героями своей будущей книги она хотела доказать: возможности человека беспредельны, безграничны, силы его неисчерпаемы.

За сборник «Люблю тебя, жизнь» на литературном конкурсе Николай Островского, посвященном 50-летию Советской власти, Нина Вишнякова была отмечена почетным дипломом (книга выпущена издательством «Молодая гвардия» в 1973 году).

С 1962 года Нина жила в Свердловском доме инвалидов. Она была постоянным автором и нештатным рецензентом журнала «Урал», ее статьи и рецензии печатали областные газеты. В 1966 году «Урал» рекомендовал Н. Вишнякову в Союз журналистов.

Дневники Нины Вишняковой — не только искреннее и бесхитрое повествование о стойкости духа человеческого, в них наука ценит радости, даримые нам жизнью, любить жизнь. И физически здоровым людям наука эта нужна не менее, чем больным.

Валентина ДЕМИДОВА,
член Союза журналистов СССР

в районе города Торгау. А к маю, наверное, возьмут Берлин.

9 мая. Неужели нет войны?! В четыре утра передали по радио, что война кончилась. Германия капитулировала. Кончилась!

11 августа. Вот так здорово! Сейчас расскажу все по порядку. Еще в июле (месяц назад) по радио передали рассказ без конца «Голубая лодка». И сказали: «А конец напишите сами и пришлите в радиокомитет». Мне это очень понравилось. И я решила написать конец к рассказу. Послала. И вот вчера в пять часов вечера (время детских передач) говорят по радио: «Будем передавать конец к рассказу «Голубая лодка». А дальше: «И самый интересный из них написала Нина Вишнякова из города...» Дальше я уже ничего не слышала! Потом известила об этом всем, кто был в комнате. Думаю, что говорила я слишком громко и была красная, как рак вареный...»

23 августа. Тетя Шура ходила за сухим пайком. Выстояла три часа в очереди, и когда надо было получить — оказалось, что забыла дома карточки. Сердитая пришла. По радио снова передавали рассказ, но не интересный, и я не стала писать.

¹ Александра Николаевна Шорохова, старшая сестра матери Нины. В 1943 году она забрала Нину к себе из детского дома.

1947 год

22 июня. Рассказ Короленко «Парадокс» произвел на меня сильное впечатление. Конечно, в устах некоторых людей (так же, как и в моих) изречение «Человек создан для счастья, как птица для полета» звучит парадоксально, но ведь это неумирающая правда! Я знаю, что счастье бывает даже у таких, как безрукий «феномен» — герой рассказа. Человек без счастья, как птица без крыльев. И ведь, в конце концов, узнаю же я когда-нибудь счастье. Человек создан, создан для счастья...

1949 год

(Этот дневник Нина ведет в детском доме для детей-инвалидов в поселке Верхний Бор Тюменской области.)

20 апреля. Только что я второй раз прочла «Повесть о настоящем человеке». Не передать, не высказать словами впечатления, оставленного книгой. Я преклоняюсь перед Мересьевым, Кукушкиным, Гвоздевым и, прежде всего, перед комиссаром Воробьевым...

А погода стоит великолепная. Позавчера ходячим решили купаться. Эх, быть бы здоровой! Ну хоть не здоровой, но ходячей. Пойти бы далеко в лес рано утром — идти, смотреть и слушать...

Исполнилось два года, как я сюда приехала. За эти два года я изменилась. Когда приехала, имела одноклассное образование, а теперь перешла в шестой класс. Это хорошо, но было бы еще лучше, если бы я была на годик моложе. Кончила бы семилетку. Правда, я могла бы учиться в эти каникулы, но не решилась — нет сил, я ведь и так бесперывно училась полтора года. В эти каникулы я отдыхаю, даже не вышиваю. Только читаю и играю. А в чтении, действительно, преуспела — прочла за эти два месяца пятнадцать книг.

26 июля. Разрушилась моя мечта. Меня поймет только тот, у кого когда-нибудь разом рушилась мечта, которой он все время жил. Только тот поймет, как это горько... А моей мечтой было вступить в комсомол, я говорила об этом Тоне, она отнеслась просто легкомысленно. Сразу видно, что человек не понимает, не хочет, просто не привык к мысли, что комсомольцы бывают лежащие. Пусть их, моя мечта когда-нибудь сбудется, пусть не здесь — где-нибудь! Но сбудется! А они пусть посинеют в своем одиночном понимании комсомольцев. Но мечту все-таки ах как жаль! Ведь мне казалось, что вся изменюсь, изменится мой характер, мое поведение, буду чувствовать на себе ответственность. И вот... Горько, горько.

16 августа. Вчера были мне одновременно две новости: хорошая и плохая. Плохая — мне сообщили, что по исполнению шестнадцати лет меня отправить некуда больше, как только в Тобольский дом инвалидов. Перспектива не блестящая, но я буду учиться, бороться и, может, когда-нибудь буду хоть немного полезной обществу. В этом мне поможет то, что я узнала вчера. Ура! Я буду комсомолкой. Ура!

14 ноября. У меня много новых мыслей. Я только теперь стала по-настоящему понимать книги (подумать только, до чего тупа!). Я прочла «Овод» Э. Войнич. Каким сильным и ясным умом обладала писательница, если своей, может быть, фантазией она так увлекла, так зажгла меня! А ведь я читаю книги с некоторым скептицизмом.

Как я завидую, как я... Ведь они, эти люди, не понимают, каким счастьем они обладают, обладая здоровьем. На моем небосклоне не появилось бы ни одной тучки, то есть, выражаясь прозаически, я бы ничуть не сомневалась в своем будущем. Я тогда могла бы быть кем угодно. А при наличии такого здоровья, как у меня, чтобы быть кем-нибудь, хоть сколько-нибудь полезным, нужно иметь определенные способности и настойчивость. Настойчивость, конечно, зависит от меня, а способности? Без них можно быть только беспомощным калекой.

1950 год

(Этот дневник ведется в Тобольском доме инвалидов)
21 сентября. Вчера вечером мы размечтались. Вдруг

появились бы у нас деньги, и мы все четверо разъехались бы по курортам и санаториям и вылечились. То-то была бы радость! А потом мы все выучились бы: я на геолога-разведчика, Тоня на врача, Валя на скрипача, а Нюра на токаря.

И вот мы самоотверженно трудимся каждый на своем посту и добиваемся больших результатов: я на Таймыре, на большой глубине веду поиск залежи радия и разрабатываю; Валя побеждает в международном конкурсе скрипачей и получает скрипку Страдивари; Тоня добивается полного и быстрого излечения всяческого туберкулеза; Нюра становится стахановкой и выполняет огромные нормы!

...Мне кажется, я очень похожа на керосиновую лампу. Время от времени в лампу доливают свежего керосина и вставляют новый фитиль. После этой операции лампа горит ярче и ровно, но вот керосину становится все меньше, фитиль погасает, лампа начинает коптить и, если керосину не долить слишком долго, она, помигав, погаснет. Для меня роль керосина играют письма. Как всемогущественны эти небольшие бумажки!

24 ноября. Хочется описать тревожения сегодняшнего дня. Да, я уже давно ждала Г., думала о том, как начну разговор с ним. Но начал сам Г. И притом начал, только лишь войдя в комнату: «Ага, вот кого мне надо! Вот кто писал, сравнивал: «Мне не дают образования, а тому-то дали...» Одним словом, сразу стал атаковать и атаковать преобидно. Он говорил и намекал, и в открытую, что тот человек (т. е. Кучинна) мог сидеть и даже ходить, а я не могу. Что он очень переживает за нас, т. е. за молодежь. Он упрекал меня за то, что я второй раз написала в Москву, а не ему. Он говорил, что для меня пытались сделать все, что возможно. С. С., злорадно посмеиваясь, добавлял, что он, директор, хлопотал везде, где мог, но ничего не вышло. Я его штыковую атаку принимала довольно храбро; насчет хлопот я сказала, что в заочную школу меня устроить даже не пытались. Здесь у них вышла заминка — ни Г., ни С. С. не знали о заочной школе.

Разговор пошел глаже, но тут я спросила: «Что же, если я не поднимусь с постели, значит, должна не думать о будущем?» «Да, вы должны себя к этому приготовить», — был ответ. Слезы снова осаждали меня...

Потом Г. стал говорить о себе, как о человеке много прожившем, много видавшем, всем соболезнующем, много сделавшем и т. д. и т. п. Потом он говорил, что учить меня, конечно, нужно: да, да, он непременно поможет. Он договорится с С. С., что меня попытаются обязательно устроить в заочную школу. Тут поговорили немного о девочках, говорят, что скоро будет спецкомиссия.

Да-а, что в будущем?.. Трудно, очень трудно, но лишь бы не безрезультатно. На меня еще будет впереди много напастей — все выдержу, много можно бы выдерживать, если б знать, что не зря.

1952 год

29 января. Сегодня обещали придти учителя, не пришли... Обычная история, всяма надоевшая. Получила письмо. Рада. Удивительно и непривычно долго я не получала их. Тетя Шура сильно болеет — милая моя. Много страдавший на свете очень разных, счастья, наверняка, меньше.

1954 год

30 октября. Жизнь нужно любить и учиться делать ее. Что значит — доживу ли я до светлого дня? Как будто я должна лишь, тяжело вздыхая, ждать его, а кто-то неразборчиво добрый преподнесет мне его в один чудесный день.

Нет и нет. Так нельзя — жизнь нужно создавать, а то получится, что на склоне лет, оглянувшись на пройденные годы, увидишь, что они прошли в ожидании чуда. Чудеса, если и случаются, то чрезвычайно редко, потому и ожидания были бесплодные, и годы пропащие. А их нельзя терять — они не возвращаются. Ах! Боже, это ж такая старая, как сам мир, истина! Что ж вы, товарищ Вишнякова, проповедуете ее как собственную?

1965 год. Химмаш

20 сентября. Едва ли большинство людей, пишущих в газетах, журналах рецензии и даже большие критические статьи, учились на «критиков». Принято считать, что поэзии, к примеру, нельзя научиться по учебнику, с талантом рождаются. Но ведь, тем не менее, существует теория стихосложения, различные пособия.

А вот нет теории рецензии и критической статьи. Все твердят об анализе и его враге-пересказе, а где кончается одно и начинается другое, зачастую не разберешь и у известных критиков. Теоретические выкладки о том, что хорошо или плохо для рецензии, — весьма туманны и мало-вразумительны. Или это только я не понимаю? Однако кибернетические машины уже версифицируют стихи (не поэтические, разумеется, но сугубо правильные), они же, конечно, могут и «рассказы» составлять, а рецензии?

...Я всегда мечтаю, чтобы работы у меня было много. И вот нынче не успела сделать заказанную радиопередачу, как получила задание сделать рецензию. А повесть — не горячая, не холодная — теплая. Ни одной искры-идеи не рождает она в моем бедном мозгу. Ни ругать, ни хвалить особо ее не за что. О, мука! На весьма среднюю книжку разве может получиться хорошая рецензия? У людей талантливых получилось бы, конечно. Мой же мозг (я это давно замечаю) загорается от искры чужого огня. На талант или явную халтуру я с готовностью откликаюсь и говорю нечто свое. А на серость и я — серость...

1967 год

10 августа. Нынешний год как-то по-другому немного пошел. Я съездила в Ленинград. Здорово, да? Казалось бы, немисливо. И так хочется зафиксировать все те чувства, всю немисливость подобной поездки для меня и весь мой восторг от нее. Так хочется, чтобы все поняли, а ведь фактически никто, даже хорошо знающие меня (внешне) люди, не представляют, каково все это мне.

Я, правда, пишу письма, рассказываю, но это не то, не то, не то... Письмо, во-первых, всегда мало. Во-вторых, надо в нем все вкратце, без продолжения пересказать, скороговоркой. В-третьих, их — писем — много. Ну и получается штамп. Впечатления мельчают и угасают... Однако они еще не вовсе угасли. Еще волнуюсь я, вспоминая, хочу еще рассказать, но, верно, не сумею.

И еще хочется мне теперь жить. Может быть, и не во все зря я живу. Может быть, и моя жизнь хоть как-то кому-то нужна? И мне ведь она нужна немножечко. Правда, не прельщает смерть, как жить ни тяжело...

1969 год

25 февраля. Почему я не стала поэтом? Хотя бы как-нибудь среденьким, что ли, худеньким, но поэтом. То есть человеком, голова, сердце, время которого постоянно заняты стихосложением. Он вечно увлечен, измучен, страдающий, неудачен, возможно, он не безделен!

А тут, ведь, доля собачья: вечно надо искать себе дело, бегай-гоняйся за ним, принуждай себя к работе. А если лень? Возрастное или болезненное явление, но трудно преодолимое? Как тут дела делать, к коим и прежде себя надо было принуждать? Стихи же совсем иное... Они шли бы и шли, будоража, не давая места лени. Ну почему, почему никто не направил меня на проторенные своей поэтической тропы!

21 марта. Вчера вспомнился мне девиз моей юности, строка из Пушкина: «Стремиться до утраты сил». Тогда мне казался невидимо далеким этот предел — утрата сил. Думалось: пусть даже я не достигну ничего, но не остановлюсь, не опущу рук, стану стремиться, и все тут! Ан нет, силы-то убывают. Я вот последнее время все обвиняю себя в лени, но, может быть, это здоровье подкачивает?.. Сердце вот уже второй месяц щемит, давит, не дает толком дышать.

Безусловно, все эти ноты походят на отговорки, но какая-то малая доля правды в них есть. Силы утрачиваются...

А несмотря на это и, вероятно, вследствие даже этого,

гложет и постоянно возрастает желание — отдать, создать, рассказать и оставить людям все то прекрасное, что не сказанно перадовало меня в этой жизни. Не лгу. Было, было, было. И предупредить их о чем-то, предостеречь, предотвратить. Глупо, конечно, да ведь не нами замечено: самые сердечные и задушевные желания человека часто глупы и наивны.

2 апреля. Неделя прошла у меня неплохо. Тоска заметно и неизвестно куда скатилась. Принялась я за правку своей стародавней повестушки. Вернее, попытки создать такую. Журнал «Неман», добрый мой друг, просит прислать ее для просмотра и, возможно, опубликования. Мне стыдно — настолько слабой кажется вещичка. Но большего из себя выжать я не в силах. Думаю, надо посылать, а не то так и сгину со своей самокритикой².

21 мая. Сегодня тепло, наконец. Я погуляла во лесочке домашнем. Поглядела, как заждавшиеся этой лентяйки-весны деревья торопливо разжимают ладошки листиков. Их еще мало, больше наклонившихся почек, но весна пришла-таки... А птицы приумолкли. Они необычайно звонко и много кричали, видимо, возмущались опозданием весны в последние три недели. Быть может, им не хватало обычного тепла для высиживания птенцов. А может, птицы уже вывелись, а кормить их было нечем — насекомые прятались от холода. Вот птицы и звенели от возмущения. Сегодня почти не слышно их. Заняты делом.

Вернувшись домой, я обнаружила почтовый сюрприз: прислали мне экземпляр сборника «Из дневников современников»³ и поздравили с выходом книги. Полистала. Не удержалась, перечитала свои «письма». Вгляделась в фото, которое когда-то, не подозревая о судьбе его, сделала Зоя Оберюхина...

Обыкновенный я, конечно, человек. В уме и способностях даже заурядный, если строго говорить о себе. Что в точности есть во мне, так это, пожалуй, упрямство — решительное нежелание жить растительной жизнью. Прозабить без притязаний. Ведь жизнь, пусть искалеченная, все равно только одна у меня, у любого. Ведь ее, коли не понравится, «с белой ручки не стряхнешь и за пояс не заткнешь». Не заменить на иную — хорошую, здоровую.

Вот это постоянное стремление как-то, чем-то, не для себя одной жить, действовать — оно одно у меня, действительно, есть. В юности оно было особенно ярко выраженным. А теперь отступить уже нельзя.

Но рядом со мной в сборнике много, действительно, личностей и, действительно, талантливых людей. Быть в их ряду — не есть ли уже заслуга? Ведь я не сама себя туда поставила. Однако не есть ли это уже и большая ответственность?..

Шапку Мономаха можно понимать, говорят, по-разному. Я не намерена подстраиваться под идеал. Останусь собой.

Не зря мое любимое животное — жираф. Они милые, мирные и любознательные. Они такие славные, а вот дрессировке не поддаются. Почему?

5 сентября. На четыре дня в Москве. Ехали мы хорошо, на сей раз даже посадка была благополучной. Юра, шофер наш, прибежал вовремя, домчал скоро и помог при посадке охотно. А пока я еще лежала в машине и глядела из открытой дверцы на свердловскую привокзальную площадь, то поднималось над нею солнышко теплое и алое, потом вдруг, будто из ясного неба, посыпал дождик: реденький, светлый, красивый на солнечных лучах. Так он крапал и крапал, не переставая, когда мы зашли в вагон. Тучи сгустились, и дождик полил изрядный, следя по стеклам купе косыми полосками.

² Речь об исторической повести «Искры во мраке» о восстании рабочих Васильево-Шайтанского завода в середине XIX века. При жизни Нины повесть не публиковалась. В 1982 году отрывки из нее были напечатаны в нескольких номерах первоуральской многотиражной газеты «Уральский трубник».

³ В сборник «Из дневников современников» вошли «Письма другу» Нины Вишняковой (издательство «Современник», 1969 год).

1970 год

18 января. Как всегда, быстротечен мой январь. Как всегда, бестолково прошел день рождения: в шуме-гаме, раздражении против этой бестолковщины. День как раз не для меня, хоть формально и мой день.

Подвывала буря за окном. Метель кидала горсти снега в стекла...

Позавчера поговорила с Н. А.⁴, и до сих пор тепло на душе от этого разговора: почудилось, что не одна я все-таки на свете, что есть и у меня где-то коллектив, который, в случае чего, не оставит меня в беде и в беспросветной обиде. Заступится, обогреет. Хорошо.

После этого надо и работать энергичнее, а я все топчусь на месте. Однако на следующей неделе рассчитываю отправить в Москву рукопись сборника, дополненную и переработанную⁵. А там примусь за что-нибудь для «Урала».

А переписка!.. Кажется, вот на днях рассчиталась со всеми-всеми перед Новым годом. Сегодня подсчитала: уже накопилось к ответу 25 писем...

Читаю Андрея Платонова. Что впервые, а что перечитываю. Откуда, скажите, столько мудрости в одном человеке? И как могли все так долго делать вид, будто и не было такого писателя в Союзе?!

25 марта. С хорошим человеком поговоришь — будто меду напешься, говорят в народе. В воскресенье ко мне приезжала знакомиться Эмилия Бояршинова. Славная женщина. Сдержанная. Слова на ветер не бросит. И вообще, говорит не спеша, думает основательно, впечатление произвела хорошее. Мне, во всяком случае, было приятно встретиться с человеком из литературных кругов города. Так редки эти встречи, а, видимо, нужны. Не зря люди бают о среде соответственной, литературной орбите и все такое.

Да вот беда: заняты все весьма и весьма. И живу я далеко от дорог.

13 июля. Работа нынче идет внешне довольно споро. В июле уже опубликовалась дважды в «Вечерке», чего сроду раньше не было. Причем, один материал на сугубо близкую мне тему: о культуре поведения людей на улице при виде инвалида. Обычно я не умела и не решалась о таком говорить... Прошла еще моя радиопередача. А внутри дело движется туго, трудно пишется.

1971 год

4 января. Создалось такое впечатление в эти дни, будто незримые нити связывают меня — маленького человека и ничем не выдающегося — с другими людьми. Будто я враз слышу и сердцем отвечаю своим сверстникам и людям одного душевного склада. Будто и я нужна им. Будто и я звено, без которого цепь распадется, не сработает в нужный миг... Может быть, это наивный самообман, ну и пусть. Что не самообман? Мне радостно было получить и прочесть сборник стихов Олега Поскребышева. Уловить в нем любимые мотивы своего мира — жажду человечности, бережности к людям.

Грустно и отрадно было прочесть в «Литературке» стихи Евг. Евтушенко о весне, чужой юности и своей усталости. Это не перепев Есенина, как может показаться. Это искреннее. Это от сердца моего поколения. Евтушенко умеет иногда сказать так — из-под самой души поколения. За что и любим.

Мне хорошо было прочесть стихотворное послание Гены Головатого. Неожиданное и тоже очень наше — до боли и ярости надежд... Даже деньги, вдруг присланные мне в новгородный гостинец А. Баевой, обрадовали меня. А ведь обычно деньги смущают, пугают, обязывают. Здесь же было что-то совсем иное, дружеское, простосердечное...

⁴ Нина Андреевна Полозкова, в то время заведующая отделом критики журнала «Урал».

⁵ Речь идет о сборнике «Люблю тебя, жизнь», составленном из газетных и журнальных публикаций о людях трудной судьбы, сумевших, несмотря на тяжкий физический недуг, остаться в строю. Собрать материалы для будущего сборника Нина начала в 1959 году еще в Билимбае. На литературном конкурсе им. Н. Островского, посвященном 50-летию Советской власти, сборник был отмечен Почетным дипломом. Вышел в 1973 году.

А все — поэты. Я прихожу к твердому убеждению, что поэты — лучшие люди на земле. Цветы людского общества. Разумеется, не каждый поэт пишет стихи, зато он их понимает. А тот, кто пишет плохие стихи, — не поэт никакой.

1972 год

2 января. Есть у меня мечта вполне реальная и совершенно несбыточная. Зимняя, детская. Хочу ехать куда-нибудь на санях... Как бывало в детстве возили нас в баню или в кино. Земля, снега — близко, скрип полозьев умиротворяет. Вокруг — простор неба и белизны. Или — лунные тени от сосен, и сказка сопровождает небыструю, нетряскую езду...

18 января. Вчера ночью я дочитывала сборничек М. Светлова, обратила внимание на то, как с годами учащаются «мотивы небытия», думы о смерти даже у такого соответствующего фамилии светлого поэта. Но в жизни так все быстротечнее, что от мрачного до оптимистического настроения, бывает, нет даже шага.

Так и я. С утра еще перемогалась и уже совсем было намеревалась заболеть «возвратным гриппом» собственного изобретения, как вдруг получила два хороших письма от двух Валь — Старковой и Жолобовой. Захотелось ответить — и болезнь отодвинулась. А потом (опять же вдруг) приехала И. Ф. Авраменко из Москвы по поводу издания сборника «Люблю тебя, жизнь». Чудесно поговорили. Очаровательная и очень простая, своя женщина. Болеть вовсе некогда. Работать надобно будет активно.

4 апреля. Сегодня состоялось, наконец-то, долгожданное отчетно-выборное партийное собрание, начавшееся, собственно, еще вчера на бюро. Мало нашему директору не было, но он, как птичка-воробей: отряхнет перышки, почистит клювик и полетит далее, влюбленный в себя непоколебимо и столь же непоколебимо других презирающий.

Что ж, нагляделись на приспособленца этого вдоволь. Не знаю, сколько еще поглядим. И какого нам следующего выдаст государство. «Вынесем все, что господь ни пошлет», а пока жив еще и порхает этот. Кто знает, может, выкрутятся! Такие умеют, видимо, все.

А на дворе весна великолепно разворачивает свое наступление. Сегодня пойду на крылечко вечером. Ну их, все эти собрания! Весны хочу, весны.

16 сентября. Прочла в «Юности» новый роман Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей», и что-то жутко мне стало. Так много там черт реальной жизни, и так безысходны выводы. Выходит, ничто талантливое, особенное не живет счастливо. Все яркие, духовно возвышенные люди бьются об серость и жадность людскую, как бабочки о стену, и чаще всего разбиваются? И раньше, и ныне?

Не хочется верить, а литература ведь отражает жизнь. И что-то часто она стала отражать подобные ситуации: один человек добр и талантлив, он хочет хорошо жить сам, и чтобы всем было хорошо. А другие люди серы, жадны, тупы. Они хотят по-своему хорошо жить, только для себя. Рано или поздно пути их пересекаются, и первый человек погибает. Закономерна ли такая схема? Если да, то — жутко...

1974 год

6 января. Получила я уже, как и ожидала, первую разгромную отповедь на свой сборник — от своего брата-инвалида, конечно. Талантливого парня Гены Г. Талантлив и умен, но, кажется, озлоблен до чрезвычайности. А я не понимаю и не оправдываю озлобленности, ибо сама ею не страдала, даже в худшие свои времена. То есть злость и неприязнь к определенному человеку я, безусловно, испытывала. Но озлобившись на все и вся, я не смогла бы жить вообще...

20 апреля. Ежедневно получаю письма от незнакомых людей. Это уже третий поток. Первый связан с выходом сборника «Люблю тебя, жизнь». Второй — со стихами в «Уральском следопыте». Третий — со статьей В. Мигая в № 3 «Журналиста». Есть письма пустенькие. Есть инте-

ресные. Хочется ответить, но недостает сил, вдохновения, устремленности нужной...

1975 год

5 апреля. Недавно прочитала в «Комсомолке» воспоминания В. Пескова о военной поре, когда он был мальчиком в деревне под Воронежем. Называются они «Я помню». И вот не дают покоя.

Я — человек того же поколения, чуть моложе Василия Пескова. И сразу после очерка невольно вспомнила «свою» войну. И — странно, но мне кажется, что мои воспоминания о тех днях много ярче, насыщенной, богаче. А ведь кругозор мой был ограничен: в 1941—42 годах я еще лежала в санатории. В мае 1943 тетушка привезла меня обратно в Свердловск. До 1947 года я почти безвыходно лежала у нее в комнатухе, но война входила и туда: урезанным хлебным пайком, жировыми и сахарными карточками, сообщениями Советского инфорбюро, обездоленными женскими судьбами, долгими днями и ночами в одиночестве, потому что все на работе, еле теплыми батареями зимой. И утробным гулом и лязгом танковых колонн, переправляемых своим ходом с Уралмаша бог знает куда...

Помню, приехала на двухчасовую побывку Аля, едущая всю войну в санпоезде. Вошла румяная, с морозца, в длиннополой шинели, и голосом, который не вязался с бравым ее, молодым, красивым видом, сказала: «Мы нынче из Сталинграда! Города нет! Одни развалины... И только кое-где дымки курятся, там и люди». В другую, а может, и более раннюю побывку привезла она и первая пропела нам «На позицию девушка провожала бойца».

А детдом военного 43-го в Ирбите?! А воровство с предприятий, на которое толкало недоедание и неготоваренность? Нет, этого не описать, да и газета никакая не поместит. Я ведь не В. Песков, а только один из миллионов свидетелей военного времени у нас, на Урале, где уже в 1943 году сажали на газонах картошку (в Ирбите), где из казармы напротив детдома то и дело выливались стройные подразделения пехоты и уходили по улице с песнями «Вставай, страна огромная», «Эх, махорочка, махорка, породнились мы с тобой!»

28 августа. Вот и я — домоседка — побывала в гостях. И всего-то недельку, а будто целый год. Нет, будто целый мир иной, совершенной человеческой жизни прошел у меня перед глазами, проник в душу и остался там нетленным.

Я до сих пор не знаю, что такого хорошего увидела во мне Нида И. в университетские годы. С факультета историков-заочников, худенькая и очкастая, очень (чувствовалась) простая, т. е. из простой среды, из народа. Она забегала ко мне часто, но не делилась своими личными делами, а говорила только об учебе.

Все те, кто изливался в личных, интимных признаниях (и от того выглядел своим, родным), постепенно исчезли с горизонта моего, а Нида осталась. Связь с ней не прерывалась ни разу за 14 послеуниверситетских лет. То она на часок являлась сама из своей Верхней Салды, то с дитем, то с мужем. А чаще, шли от нее письма. В последние годы все звала меня в гости. Я реагировала... никак. Мне казалось, неинтересно побывать — подумаешь! — на своем Урале! Да еще в обычной городской квартире, каких, безусловно, миллионы в каждом городке великой державы.

Но я так давно никуда не выезжала. Целых три года, если не считать прошлогоднее двухдневное турне в Шелкунский детдом. И так все хорошо обошлось! Машину давали, время для меня было удобное, няню у Нины Михайловны (если бы не она — ничего бы не вышло) я запросила.

И все сбылось без единой помарки. Погода всю неделю была отличная. Люди благожелательны. Условия самые милые.

Сперва — дача. Изба на отшибе от деревни Нелобы, у речушки Нелобы, мелкой, но чистой. Нет, мне не передать всей прелесть этих лесов, зеленеющей стеной встаю-

ших за рекой от горизонта до горизонта. Широты этого неба днем и ночью... Не передать той атмосферы людского участия и непринужденности, какой я давно не ощущала, уже тем ценнее для меня был любой миг...

1978 год

15 января. Хорошо сегодня поработала: докончила таки рецензию. Надо до конца января сделать обещанную радиопередачу о Л. Куликове. Долги, долги, а времени на их отдачу и нет... А иногда еще хочется попридумывать стихи. С месяц тому назад я сожалела:

Я ни глотка березового сока
Не выпила минувшего весной,
Не обстрекала пальцев мне осока,
Прошедшим летом не обжарил зной...

31 января. В предстоящем году хочется хорошо, плотно поработать. В январе это, пожалуй, получилось. Но это была работа по заданиям, платная, надежная.

У меня же еще в прошлом году началась «своя» работа. Давно задуманная мозаика воспоминаний и сцен, из которой должна сложиться книга. Правда, пока все отрывочно, не систематизировано, но главное — начато. Надо бы в этом году продвинуть.

23 марта. Самое легкое — это писание собственного дневника: ни перед кем, ни за что ты тут не в ответе: ни за тон, ни за стиль и грамотность, ни за точность и доходчивость выражаемых мыслей. Это и называется — «как бог на душу положит».

Стало быть, поэтому, когда у меня совсем мало времени, некогда думать и укладываться в рамки, я хватаюсь за дневник.

А разлепилась я изрядно. Вот задала себе задание — сделать отклик на новую книжечку стихов Г. Головатого «Я открыл». Перечитала, передумала, ан, ничего не получается, не прорезается. Может, оттого, что стихи слишком хороши, чтобы говорить о них суконным моим языком? Но надо, надо попытаться⁶.

4 апреля. Голова не перестает болеть на разные лады, но вчера я немного поработала, дала материал в первоуральскую газету «Под знаменем Ленина». И то — хлеб. Лучше постоянно делать хоть маленькое дело, нежели растворять невозвратимое время в порывах к большим делам и в болезнях.

26 апреля 1978 года Нины не стало.

Публикация Беллы Барвиш

⁶ Рецензия на сборник стихотворений Г. Головатого была опубликована в газете «Комсомольская правда» после смерти Нины 13 июня 1979 года.

Восемь лет назад в журнале «Уральский следопыт» была опубликована большая подборка стихов членов поэтического клуба «Светунец», который работает при Челябинском обкоме комсомола и областной писательской организации. Эта подборка была признана лучшей поэтической публикацией журнала за 1980 год. Редакция журнала наградила молодых поэтов ценным подарком. Подсвечник из уральской яшмы уважительно хранится в писательской организации.

В 1982 году за коллективный сборник «Светунец», посвященный XIX съезду Ленинского комсомола, и за большую общественную работу по воспитанию молодежи клубу присвоено звание лауреата областной комсомольской премии «Орленок».

Члены клуба стали авторами многих коллективных сборников, изданных в Москве и Челябинске, вышли в свет и отдельные книги молодых поэтов. Владимир Носков стал членом Союза писателей СССР.

Много за эти годы было всякого. Были подъемы и падения. Радости, горести и разочарования. Многие члены клуба нашли свои тропинки к читателям. Некоторые заблудились на этих тропинках. Кто-то не выдержал «тернистого пути». Кого-то не поняли, и он замкнулся. Кому-то вовремя не помогли, и он ушел.

Поэты народ дерзкий и ранимый, отчаянный и обидчивый, а в конечном счете, не защищенный. Это и помогает нам дружно работать. Главное в нашей работе — гражданская озабоченность. В своем творчестве мы свято относимся к великим традициям русской литературы, а стало быть, и к правде жизни.

В «доперестроечный период» нас нередко упрекали в дерзости. Мне часто говорили: «Ты с ними доиграешься». Неучастие во лжи было, мягко говоря, не безоблачным. «Не хлебом единым жив человек». Это тогда, когда хлеб в достатке. Готовимся к переходу на полный хозрасчет в рамках Фонда социальных инициатив, который создан при горкоме комсомола. Не только ради хлеба. Больше все-таки для высвобождения творческого развития. Будем проводить платные литературно-музыкальные вечера, писать сценарии молодежных праздников, вести литературные кружки, оформлять читальские уголки в библиотеках, писать песни для районов и предприятий области.

Пришло время демократизации и гласности, выстраданное нами. Пришло время «не дерзать — дерзить», а спокойно осмыслить — что есть поэзия. А чтобы это стало нормой, нужна память, совесть и ежедневная борьба за достоинство человека.

Мы это хорошо понимаем.

Геннадий СУЗДАЛЕВ,
руководитель клуба «Светунец»

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ И

**Елена
ЩУКИНА**

* * *

Дочь моя, кровь моя,
жизнь моя, Анна!
Ты ль исцеляешь меня непрестанно?
Ты ли мое воплощенье — от бога,
Ты ль мне —
звезда — поводырь — дорога?
Что принесешь ты
в мир обездоленный?
Чем обернешься —
болью, любовью ли?

Будет ли сердце твое неустанно?
Анна!
Ветер качал колыбель твою, Анна!
Травы стелили постель твою, Анна!
Море — крестило,
Солнце — взростило.
Да не содеешь во зло — колыбели,
Да не отметишь рубцами на теле
Ветхого мира — свое пребыванье,
Боль моя, кровь моя,
жизнь моя, Анна!
Девочка светлая! Что твоя тайна?
Жизнь твоя — что это? —

дар ли случайный
Или святое предначертанье?
Девочка светлая! Что твоя тайна?
Факел, зажженный юной любовью,
Промысел вышний,

загаданность нови,
Будет ли сердце в добре неустанно?
Анна!

**Борис
МАРИНИН**

ЖГЛИ ЛОДКИ СТАРЫЕ

Их шалашом составили в песок.
Облили сверху донизу соляром.
Огонь взметнулся, весел и высок,
И распалился беспощадным жаром!

Он пожирал их с жадностью хорька.
Смола слезами черными сбегала
В песок по стертым днищам. И река
От искр кругами мелкими дрожала.

Из лап костра, из судорог и корч,
В простор,
где облака степенно плыли,
Взвивался дым, растаскивая в ночь
Их остовы и пройденные мили.

Они сражались с ним до уголька.
Всего-то лодки старые... Но все же
Я утром вдруг заметил: облака
На лодки эти старые похожи.

**Виталий
САВЧЕНКОВ**

ЦЕРКОВЬ В НИКУЛИНО

В свете березок,
туманом окуренных,
из разнотравья
тревожного лепета
белая-белая
церковь Никулина
в ясную высь
поднимается лебедем.

И тишина,
навсегда потрясенная,
звон колокольный
доносит из прошлого.
Словно мне видятся
хаты сожженные,
словно мне слышатся
песни острожные.

Ветер.
Бурьян — по деревне
зброшенной,
солнце плывет
в глубине бесконечности.
Долго стою я
один-одинешенек
на перекрестке
забвенья и вечности.

**Галина
ЧЕРЕПАНОВА**

* * *

Вечно дерзкая, непреклонная,
неподвластная грустным речам,
как пойду да в местечко укромное,
как раскину печаль по плечам!

Не узнать ни друзьям и ни врагам,
не услышат отец мой и мать,
как я в пуще

под лиственным пологом
в первый раз буду горько рыдать.

Страх не в том,
что былое все мглится,
страшно в нем вдруг остаться
одной

и понять —
кто был счастлив мной истинно,
никогда не был счастлив со мной.

Не вернуть, не поправить и малости,
сострадавшем натешившись властью.
И взойдет моя воля над жалостью,
той, что поздно в душе родилась.

ЗАБВЕННАЯ ВЕЧНОСТИ

**Владимир
МАКСИМЦОВ**

НОЧЬ, ВОКЗАЛ

Ночь. Вокзал. Зеленые скамейки.
Женщина в малиновом пальто
Дремлет стоя, опустивши веки.
Не уступит место ей никто.

Душно. Тесно. Воздух раскаленный.
Голуби спуют у потолка.
Треплет карты парень возбужденный:
— Может быть, сыграем в «дурака»?

Не умею. Не люблю азарта.
Кажется, уеду через час...
Женщина, спасительная карта,
Кто же потерял однажды вас?

Или вы кого-то потеряли,
Уступив другой судьбу свою?
Как мы одичали на вокзале!
У свободы мнимой на краю.

**Юрий
АНДРЕЕВ**

ЧУДАК

На уральском отроге избушка,
чудака воплощенный каприз,
машет белым платочком девчушка
поездам, убегающим вниз.

К ней приходят доверчиво звери,
погостить у хозяйских собак,
без замков там сосновые двери,
и хозяин не курит табак.

По плечу ему древние горы,
нет соседей, ни пьянки, ни драк...
И спешу я в грохочущий город,
Удивляясь: живет же чудак?!

**Ольга
СИРОТКИНА**

* * *

Ночь убывает.
Прибывая,
ветвями вздрагивает тень,
И звезд редеющая стая
Благословляет новый день.

Ликующий, неосторожный,
Под флагом солнца в облаках,
Влюбленный в первый куст
дорожный,
Что птиц качает на руках!

**Лилия
КУЛЕШОВА**

СЛУЖБА ЗНАКОМСТВА

Счастье в том, чтобы его желать,
В поисках защиты и покоя
Женщина научится вязать,
Модно шить и разное другое.

И об этом сообщит с тоской,
С болью от стыда и невезенья,
О своих достоинствах с лихвой
В брачном объявлении газетном.

— А еще... могу создать уют...
Сломленная гордость
в каждой строчке.
Я стою почти что на краю,
Есть жилплощадь, но для одиночки.

Не востребована до сих пор любовь,
Не востребованы доброта и ласка,
Разучилась плакать —
Плачу вновь,
Разучилась верить —
Верю в сказку.

Ну а та, что создала семью,
В поздний час домоет
чашки, миски...
Так устанет, что любовь свою
Забывает выразить для близких.

**Людмила
СОСНОВСКАЯ**

* * *

Ты ничем меня не обидел,
Разве тем, что не разглядел...
Для меня тишина — обитель,
Для тебя суета — удел.

Светлый день у зимы не долгод;
Ты на память его возьми.
Я — царица волшебных полок
С полдесятого до восьми.

Затихает библиотека,
Чуть синее проем окна,
И с героями каждого века
Я опять остаюсь одна.

Затерялась, смешно и странно,
Среди судеб их и забав
Не похожая на романы
Моя собственная судьба.

Пусть нелепы мои укоры,
Не тревожь ты меня, не раны!
У окна, что глядит на город,
Расцветает моя герань.

**Владимир
КУРБАТОВ**

ЖИЗНЬ МОЯ

Жизнь моя —
эксплуататор:
все плачу и все в долгу.
И давно уже экватор
проскочил я на бегу.
Жил, как видно,
под проценты,
под высокие, и вот
передвинулись акценты —
думать стал наоборот.
Чувствовать, похоже, тоже.
Чересчур серьезным стал.
Долгом стало
даже то, что
раньше радостью
считал.

**Эльмира
ГАЛИУЛИНА**

ПРОШЛОМУ...

По наитию чужому,
По совету и по зову
Различаю в мире тени,
Тени прошлых поколений.

Современники проходят,
Тени места не находят,
От стены к стене мотаюсь,
Не касаясь, не касаясь.

Проходите, проходите.
Не смотрите, не смотрите.
Разве мало вам признаний?
Разве мало покаяний?

По велению чужому,
По примеру и по слову
Осуждаю эти тени,
Тени прошлых поколений.

Современники проходят,
Тени места не находят,
От стены к стене мотаюсь,
Прикасаюсь, прикасаюсь.

Посмотрите. Оглянитесь.
Убедитесь. Убедитесь.
И запомните их лица.
Повторится. Повторится.

Юлия
Козошко

то движущее
мысли

рис. Елены Крутских

Тс-с... тихо!

На цыпочках, как балерина, порхающая по сцене, я пытаюсь так же воздушно перемахнуть спящую зимнюю улицу, бережно поддерживая затаившееся в недрах моей шубы ружье. Заиндевший кончик его ствола, подобно перископу выпроставшийся наружу, отвратительно щекочет меня за правым ухом, а тяжелый приклад под полой бьет по колену. Но, через край переполняя жаждой кровавой мести, я стойко переносу все муки. Еще шестой час утра, и кругом темнее, чем в адской сковородке, задавленной на ночь крышкой. Однако музыкальным ушам ничего не стоит обнаружить мое присутствие — есть такие скрипичные уши, настроенные на все дребезжащее и пиликающее, даже на подвывающих собак и на скрежет снежных аккордов у меня под ногами. Надо поторопиться!

У светофора я неожиданно превращаюсь из балерины в памятник. Нацеленный на меня трехглазый взор милицейского ставленника парализует мои члены. Наслаждаясь моим смятением, он поочередно сверлит меня то демоническим зеленым оком, то — желчным желтым, то — вампирским красным. Я с тоской смотрю на недостроенный дом на той стороне улицы, цель моего паломничества, он похож в темноте на декорацию разрушенной крепости из театрального спектакля... Черт возьми! Кажется, чьи-то шаги. Уж кто мне не симпатичен, так это непрошенные свидетели! Сбросив опеменение, я включаю конструкционную скорость и с блеском приканчиваю остаток пути в три прыжка. Вот жалость-то, что рекорд нельзя признать официально, дабы увенчать меня чемпионскими лаврами!

Я проскальзываю в недостроенный дом и, наконец-то, ощущаю себя в безопасности. Привет тебе, мой покинутый, позаброшенный, нештукатуренный, моя крепость! Я расправляю плечи, обретаю степенный шаг, поднимаюсь по пустой лестнице и извлекаю из-под шубы драгоценную ношу. Теперь, когда ружье прекратило игриво почесывать меня своим дулом за ухом, я снова люблю его. Я заряжаю его, точные, гладнокровные движения, тренировка! — я кладу ружье на подоконник и, присев на корточки, прицеливаюсь в четвертый подъезд дома напротив. Страх окончательно покинул меня, он выскочил вон, как из падающей Пизанской башни, но я отнюдь не собираюсь падать в объятия Правосудию, мы обе с башней продержимся еще — ого-го! Во мне клокочет лишь нетерпение — о, как долго мне пришлось дожидаться, все пеленки напролет, и все коляски, и сады, и школьные столбовые, о! Но вот — финальные два часа. Вот — эпилог! И дверь их подъезда распадется последней страницей, и она сойдет со ступенек, как с последних строк, и ее прощальный портрет я увижу на мшке: преуспевающая подруга моих юных лет, моя живая мишень с цифрой «10» на полном коварства сердце. И тогда я совершу изящное движение указательным пальцем, и она освободит, наконец, подлунный мир от своего присутствия... Два часа! Мне кажется, что они длиннее, чем вся моя жизнь! Мне кажется, что допотопные стрелки будильников буксуют в своей разбеганной колее. Я выстукиваю пальцами на подоконнике зловещие марши, прыгаю на замерзших, затекших ногах, курю и аккуратно складываю окурки в коробочку. Скорей, боже мой, ну скорей же! Хватит расписывать физиономии, теперь уже это ни к чему... а впрочем, извольте: последний

холст... Но что за роскошь — переводить перед смертью растворимый бразильский кофе из-под прилавка, что за транжирство?!

Но вот она застегивает последнюю пуговицу. Она подхватывает портфель, который через минуту выронит на окровавленный снег, она кладет в него банку для сметаны, воображая, что я позволю ей посетить гастроном, и выходит навстречу своей бесславной кончине...

Она и Я — два одинаковых рисунка в детском альбоме «Раскрась сам». Вся разница в том, что ее раскрасил художник, удачно нашедший халтуру в издательстве, а меня размалевало юное чадо с хулиганскими генами. Художник ссудил ей божественный нимб белокурых локонов, кстати — обесцвеченных перекисью, напрасно все думают, что она от природы блондинка. Он не пожалел нежнейших красок для ее совершенного лика, активно струящего на товарищей и на граждан любовь и участие. А что до прозаических забот жизни, так он ловко забросил их внутрь, как в кошку-копилку. Зато юное чадо не слишком усердствовало в работе. К тому же, в наличии у него имелись лишь два карандаша, и уж конечно — черный с коричневым, а прочие оно, не задумываясь, выменяло на перочинный нож, коим впоследствии нацарапало на свежесвеженной стене веселое слово. Зажав в кулаке сразу оба карандаша, чадо резво прошлось ими по моему портрету, изобразив прическу «Девятый вал» и упрятав мое тело в старый свитер и шершавые, как наждак, джинсы.

Она получилась возвышенной, кроткой, самоотверженно-благородной. В ее облике есть нечто таинственное, туманное, увертливо ускользающее от определения. Ну прямо, бесплотный образ Вечной Женственности, прекрасная маска на карнавале!

Мой же портрет, исполненный в черно-коричневых тонах, навеивает созерцателю только темные мысли. Естественным содержанием такой оболочки явились зависть, лживость, хитрость и так далее, плюс врожденная склонность к порокам. Зато у нее — такой легкий характер, что иногда кажется, будто его и вовсе не существует.

У нас — разные истории жизни. Она была самым послушным в мире ребенком и имела шумный успех у работников детского сада. Зачинателем самых ужасных проделок среди воспитанников сего учреждения была я. Облаченная в белое платье, с белыми мельничными лопастями на макушке, она всю пятилетку открывала фестивали детсадовской самодеятельности. Меня не включали даже в хор. Мой угрюмый вид позволил бы нашим врагам усомниться, что у советских детей счастливое детство.

Потом эстафету восторженной любви к ней подхватили школьные педагоги. Ей опять был пожалован сан первооткрывателя — она открывала парад знаний учащихся на всех отчетных уроках, работники горно, втиснутые за задние парты нашего класса, не смели даже вздохнуть от восторга. Из школы она отправлялась на каток — выписывать восьмерки и вытягивать ножку дулом от пистолета. В дверях стадиона ее караулила бабушка, она подменяла ботинки с лезвиями на папку с нотами, и ангел летел на музыку.

Меня воспитала улица.

Родительские приятели, неосмотрительно поже-

лавшие со мной побеседовать, тактично делали вид, что им заложено уши, когда в моей речи проскальзывали блестящие уличные словечки. Нельзя, нельзя указывать на них ребенку, говорили они потом, иначе запомнит, а так скользнуло и кануло.

Она обворожительно улыбалась взрослым гостям, выслушивала их нудную дребедень и в подарок выколачивала из пианино «Танец маленьких лебедей». Я объясняла, что от игры на пианино у меня болят зубы, так что при всем желании я не смогу усладить ничей слух музицированием. Я вообще говорила правду в глаза.

— Тетя Валя, зачем вы третий кусок торта берете? Вы и так в дверь не проходите. Не оставайтесь же вам у нас на всю жизнь! Папа сказал, что вы для него — ал-лер-ген...

Я говорила соседке-парикмахерше, день и ночь накручивавшей наш телефон:

— Не понимаю, почему вам никак не установят свой, орденосцам ставят телефон вне очереди. Как, разве вы не кавалер орденов «За нахальство»?

Но если парикмахерша заявлялась к ней, хоть десять раз в день и даже десять в десятой степени, то неизменно встречала улыбку «Добро пожаловать!» И в каком изящном математическом тождестве были уложены ее разделенные на пробор локоны! Ах, как она с-ног-сшибала всех своими прическами!..

По окончании школы мама поступила ее в институт народного хозяйства. Ей вовсе не хотелось там учиться, но она была любящей дочерью, она не могла допустить, чтобы с мамой случился удар, и она пролежала бы тридцать дней без движения, а потом еще ожидай неизвестно каких последствий!

И наконец, случилась самая страшная трагедия, каждое слово в которой не слово, а сосуд, наполненный моими слезами. Потому что до сих пор, хоть мне и тыкали ее в нос для примера с пеленск, с колясок, мне было плевать на Белокурое Святейшество и, в общем-то, можно было позволить ей еще чуть-чуть покоптить небеса. Но в гостях у ее будущего шефа, маминого приятеля, эстафетную палочку всепожирающей любви к ней вдруг ловко подхватил Юра, принесший на подпись начальству какие-то бумаги, тогда он был еще лаборантом, хорошенький мойщик пробирок с орлиным взором. А ведь это я, я первая заметила в институте Юру! Это я влюбилась сразу и — в нокадаун. Взгляды-впрямую, из-за угла, сквозь стены; фланирование с деловым видом по коридору — мимо лаборатории, о счастливицы-сослуживцы-сопотоличники, фантастические поводы, чтобы заглянуть в дверь, неозвученные телефонные звонки, ушные раковины крадут его голоса и зашелкиваются... но она заслонила меня от Юры! Четыре года назад он официально прописал ее образ в своем пылком сердце, не впустив меня даже в какой-нибудь темный угол предсердия... И вот уже четыре года, как я завидую ей неотмываемой черно-коричневой завистью, напрасно ожидая, что он разлюбит ее и обратит свой взор на меня.

Она! Мое единственное и пожизненное препятствие... не хочу, увольте, спасите меня от существования на одной с ней планете! Проклятый риф, о который разбились в щепки мои надежды. Ведь не будь ее, Юра полюбил бы меня. Во всяком случае, вакансия на место в Юрином сердце была бы свободной! Но ей и в голову не придет, как меня огорчает ее присутствие (ах, если б она жила хотя бы со сдвигом

в четыре часа, по новосибирскому времени!). Как всякий раз, снимая трубку звонящего телефона, я мечтаю услышать скорбную весть: МОЕ ТЕРПЕНИЕ КОНЧИЛОСЬ!

Но что с ней может случиться?

Она соблюдает правила уличного движения. Работники ГАИ могут по праву ей гордиться. Она не ходит по темным и подозрительным переулкам, где подпирают подворотни бандиты. Она делает по утрам зарядку и отдает досуг спорту. Никаких гриппов с летальным исходом! Она даже не узнает при встрече сестру из регистратуры районной поликлиники. Она питается вкусной и здоровой пищей работников гастронома, три сержанта из этой дивизии — ее студенты-заочники. Ей не грозит отравление недоброкачественными продуктами.

Это я вечно тороплюсь и потому забрасываю в рот что придется. Это у меня — гастрит, а каждый месяц я умудряюсь подцепить еще и простуду.

У меня нет времени на утреннюю зарядку. До последней минуты я покоюсь в постели, наслаждаясь своей вызывающей перпендикулярностью относительно всех, кто восстал уже к трудовым подвигам. Затем я стремительно срываюсь со старта и все последующие ежеутренние процессы совершаю на бегу, как марафонец, который проворно выхватывает из чьей-то руки бумажный стаканчик с соком, давясь и расплескивая, выпивает его, бросает рядом с урной и мчится дальше. Я тоже что есть духу мчусь в кухню, поджигаю чайник с водой, влетаю в ванную и совершаю омовение. Потом я мчусь в комнату, включаю утюг, снова бегу в кухню, путаясь по дорожке в застегках, выхватываю из холодильника колбасу, откалываю от черствого батона горбушку, торопливо заливаю кипятком растворимый кофе и со всей этой снедью возвращаюсь в комнату. Я бросаю на застеленный одеялом стол доспехи и начинаю выгуливать по ним утюг, хрустя и давясь бутербродом и обжигаясь кофе. Через пять минут меня засасывает под землю воронка метро, я влетаю на гребне волны пассажиров в переполненный поезд и плотно впечатываюсь в чью-то спину, обернутую зловонным овчинным тулупом.

Ее надо УБИТЬ!

Это единственный выход. Или никогда не видать мне Юры, как не учиться в Сорбонне и не расписывать фрески в миланских соборах. Целых пять станций я могу спокойно поразмысливать об убийстве. Я не умею стрелять, но всевидящее общество ДОСААФ любезно распахнуло для таких, как я, двери тиров. Каждый день после работы я буду проскальзывать в эту дверь и обращать себя в снайпера. Разумеется, это будут разные тир. Я отдам предпочтение тем из них, что находятся на другом конце города. Я могу примелькаться, у меня запоминающаяся внешность: деревянная походка шахматной пешки, сторбленная под скарбом страданий спина и нахально-независимое лицо. Правда, независимость эта подобна папиросной бумаге над цветной иллюстрацией в каком-нибудь фолианте. Сквозь папиросную бумагу нахальства и независимости каждый желающий может прочесть на моем лице, что Юра меня не любит.

Вопрос номер два: оружие. Как жаль, что я не смогу выбрать его на собственный вкус в магазине! Но судьба опять ко мне благосклонна, она всегда благосклонна ко мне по мелочам: наш новый нижний

сосед — охотник. Это преклонная личность унылого инженерного вида, с темными и пустыми, как дула двустволки, глазами. Он безжалостно загнал в Красную книгу десятки тварей и каждое воскресенье продолжает теснить оставшихся к последнему приюту. Должно быть, он компенсирует этим свои неудачи в общественной и сердечной жизни.

Не думаю, что он одолжит мне ружье добровольно. Мне придется украсть его, но я честно возвращу ему сей предмет в прикосновенности и, возможно, в исправности. Кража составит для меня суший пустяк. Для начала, узнав его имя, я начну с ним вдохновенно здороваться. Вскоре он станет узнавать меня и первым при встречах натягивать на свою постную физиономию маску Талии. И тогда я перейду к следующему этапу. Я начну интересоваться подробностями его быта. Ему польстит, что особа противоположного пола, вдвое моложе, проявляет к нему повышенный интерес. Когда его ребро отправят в командировку, он пригласит меня в гости.

Я приду к нему в широченном платье-рубаше, в котором я болтаюсь, как карандаш в стакане. Изнутри к нему будут пришиты петельки для ружья — изобретение незабвенного господина Раскольниковца. Оглядевшись, я увижу, что ружье лежит на шкафу, а рядом стоят коробки с патронами.

— А у вас уютненько, — потупив свой вожделенный взор, скажу я. — Но для полной гармонии сварите мне кофе. Я научу вас! Только не открывайте своих умений жене, иначе она что-нибудь заподозрит, — и я улыбнусь ему горькой, влюбленной улыбкой. — Залейте четыре ложки кофе холодной водой и доведите до кипения, непрерывно помешивая. Только не отходите ни на секунду, надо укараулить пенку и вовремя выключить. Пенка — самое вкусное!

Кровожадная личность отправится в кухню, дабы претворить в жизнь мои руководящие указания. Я хладнокровно извлеку из футляра ружье, вдену в петли под платьем, опущу в лифчик три патрона, крикну хозяину:

— Кажется, я не захлопнула свою дверь. Пойду проверю! — и унесу добычу к себе.

Он обнаружит пропажу не раньше, чем снова отправится на свои злодеяния, но к воскресенью я так же блестяще сумею вернуть ему ружье.

...Моя станция. Я выплескиваю из поезда, перебегаю на кольцевую линию и впечатываюсь в новую спину, на сей раз — в дубленку, благоухающей духами и туманами, купленной, наверняка, на какие-нибудь побочные и сомнительные доходы. Еще четыре остановки...

Я буду стрелять в нее из недостроенного дома напротив. Строители покинули его накануне космической эры и вряд ли на днях возвратятся. Я явлюсь туда на рассвете, пока Морфей еще не разжал клешни на шеях своих узников и не раскрыл им глаза. Я взойду на второй этаж, припав к бойнице окна, возьму их подъезд на мушку и с удовольствием подожду роковую развязку.

И вот дом проснется. Одно за другим вспыхнут окна. И они тоже проснутся на своей проклятой супружеской софе. Я ненавижу эту софу и, бывая у них, никогда не устаю ее соприкосновением со своей пятой точкой опоры. Едва прозрев, она увидит недостойное ее, не заслуженное ею, но самое восхитительное зрелище во Времени и Пространстве: она увидит Юру. Разнеженного, настоящего, ослепи-

тельного. Еще не погребенного в деловые одежды. Еще не разомкнувшего прекрасные уста, дабы посетовать, что в институте, как в мрачном средневековье, ни одного полноценного специалиста, и потому ему опять пришлось задержаться в лаборатории до полуночи и принести домой благоуханье духов «Нефертити», которыми опыляется шефская секретарша. И она тоже еще не сказала ему ни слова. И не скажет. Потому что она хорошо воспитана и при каждом невыгодном ракурсе умеет по-рыцарски опускать забрало.

Она не станет, как я, до последней секунды валиться в перинах и ощущать себя перпендикуляром. Бодро вскочив с ложа и став параллелью, она проскользнет в другую комнату и станет размахивать конечностями и скручивать позвоночник в штопор. Подобно хорошей хозяйке, что консервирует на зиму помидоры и огурцы, она консервирует свою талию. Потом она поспешит в кухню — творить завтрак, и закатит гениальное кулинарное произведение. Она сварит кофе, непрерывно помешивая, и укараулив пенку, преподнесет Юре. И они углубятся в трапезу, и опять она будет — о, наслаждение! — упиваться созерцанием его лица, оно совершенно, оно божественно хорошо! Она будет слушать Юрин голос, если бы мне предложили на выбор послушать фуги Баха и Юрин голос, я выбрала бы последнее, божественный звук оркестровой трубы, у которой не работает один вентиль — Юра не выговаривает букву «л». Конечно, никто не станет исполнять на этой трубе великие музыки, но если попусту не трубить в нее, а бережно поставить на солнышко, она будет совсем как золотая...

Но поскольку она незаконно присвоила эту трубу, я пресеку ее счастье. Ладно уж, пусть усладится последним в жизни кофейком, с пенкой или бразильским растворимым из-под прилавка, а потом я поступлю с ней как надо. Я жду ее на огневом рубеже недостроенного дома, стуча зубами от холода в двухчетвертном ритме марша. Меня постепенно заносит снегом, летящим в пустое окно, и время от времени я стяхиваю его с плеч левой рукой. Моя правая неумолимо застыла на взведенном курке...

...Эскалатор выносит меня в морозное утро. Я, стремглав, перелетаю дорогу под носом у остолбеневшего транспорта и, раскрутившись на прокуренных витках лестничной спирали, влетаю в дверь и приклеиваюсь к рабочему месту.

В отличие от нее, я не сею разумное, доброе, вечное в душах вечерников и заочников, работающих на обувных и галантерейных базах. Я терпеть не могу этот вуз, и к слову заметить, люблю не сеять, а пожинать. А душа моя склонна к поэзии и художествам. Я занимаюсь любимой работой, о которой мечтала с детства: я расписываю фарфор. Весь день я вдохновенно рисую на чашках и блюдцах Юрины портреты: Юра пьет кофе в постели. Юра переворачивает науку в своей лаборатории. Юра — в кресле ректора института, на фоне приверженцев своего учения. Юре вручают Нобелевскую премию. И даже если бедного Юру обойдут этой премией, мир все равно узнает и полюбит его, узрев совершенные Юрины лики на чайных сервизах. Мир водворит их на видное место в сервант, в хрусталь, сгруппировав гармоничным шахматным узором или построив из них величественные пирамиды... Нарисовав себе глаза и образ Юры в глазах, начертав коричневым

карандашом несчастные губы, которые Юра так и не удостоил поцелуями, посвятив коллег в девяносто девять своих проблем, я углубляюсь в работу.

...И вот дверь подъезда распаивается, и они выходят. Она бесцеремонно подсовывает руку в замшевой перчатке под его локоть, и они направляются к остановке. Я не спускаю их с мушки. Но Юра — ближе ко мне, он идет слева, потому что в правой руке у нее надутый портфель, в котором, как в такси, путешествуют вместе с ней на работу стопка прочитанных по диагонали контрольных с волшебным словом «зачтено», толстая монография шефа, ее настольная и накрывательная книга, и банка для сметаны. Я не могу стрелять! Слезы отчаяния примерзают к моим щекам. Стиснув зубы запасной патрон, как портниха булавку, я молча смотрю, как они, рука об руку, идут по улице и теряются в толпе прохожих...

Что за чушь! Все будет не так. Он задержится дома, а она будет ожидать его у подъезда — жалкий моллюск, изъятый из раковины, сейчас я с ним расправлюсь. Но как его задержать? Позвонить? Но недостроенный дом до сих пор почему-то не телефонизирован. Искать сообщника? Но что, если он расколется на допросы? Лучше так. Юра, как истинный кавалер, распаивает перед ней дверь и пропустит ее вперед, и я мгновенно спущу курок. Но вдруг пуля пробьет ее насквозь и попадет в Юру, идущего следом?

Я буду стрелять из соседнего подъезда. Тогда пуля пролетит по диагонали и, просвистнув сквозь нее навывлет, врежется в водосточную трубу. Когда Юра выйдет следом за ней на улицу, ее взору уже открыт Вечность. Рядом будет валяться портфель с разбитой сметанной банкой, осколками которой с наслаждением вопьются в скучнейшую монографию шефа.

— Прощай, любимый, — еле слышно шепнет она. — Я хочу, чтобы ты был счастлив. Женись на Аде...

Ада — это мое уменьшительное имя от полного — ИСЧАДИЕ-АДА.

Это будут ее последние слова. Он бросится в недостроенный дом... Чепуха, он бросится к телефону, чтоб позвонить в милицию и в «скорую помощь». Но тут, привлеченные звуком выстрела, соберутся нетрудовые элементы, прохаживающиеся по улицам. (Как жаль, что мой сосед — не полковник Моррен, владелец бесшумного духового ружья!) Конечно, они могли бы принять этот выстрел за звук выхлопной трубы, но на обгаженном снегу будет простерта окровавленная она. И тогда самые мужественные из нетрудовых бросятся через дорогу и увидят одинокие следы моих австрийских сапог на заснеженной лестнице, ведущие туда и обратно: треугольник и крошечное отверстие от каблука. Впрочем, почему бы им не увидеть следы растоптанных полуботинок фабрики «Скорород» на три размера больше, чем у меня? Главное, успеть заскочить в троллейбус, чтобы собаки не взяли след.

Алиби? Пожалуйста. Отправляясь на дело, я до отказа выверну радио. Грозный рык тракторов из передачи «Земля и люди» разбудит милых соседей. В частной беседе со следователем они с сожалением подтвердят, что в это утро я была дома, не замедлив при этом доверительно сообщить ему свои однозначные впечатления от моей особы...

Но ружья охотников зарегистрированы. По пуле

они определяют калибр ружья и выйдут на моего соседа, а затем на меня. Украсть ружье в тире? Но к тире наверняка подведена сигнализация...

— Адка, обедать! Застыла, как скульптура!

Я отправляюсь в столовую и составляю на поднос два кровавых бифштекса без гарнира.

Нет, с огнестрельным оружием много риска. Медея была куда остроумней. Я уподоблюсь ей с совершенным изяществом, надо только достать цианистый калий, или синильную кислоту, или мышьяк. Я приду к ним в гости, незаметно подсыплю ей в кофе яд, и дело в шляпе. И дело, и Юра — в моей велюровой, с ленточкой, что до поры до времени невинно пылится на вешалке. Конечно, в домашних условиях это проще, но стоит ли компрометировать родные стены? А чтобы нестойкую Юрину душу не растерзали ужасные подозрения, лучше отправить его на время в командировку.

— У меня назревает роман с экстрасенсом. Уникальная личность! Видит всех насквозь, мир — с изнаночной стороны! — нахально объявлю я, сидя у них в гостях, но не на супружеской софе, а в кресле у стола, щедро дымя сигаретой, чтобы отравить атмосферу святого приюта. — Все тайные нити жизни — в его руках.

— А ну, приведи его к нам, — скептически скажет Юра. — Ко мне на комиссию. Наверняка никакой он не экстрасенс, а коварный обольститель и трепло. Я сам вижу всех насквозь и в разрезе.

— Давай, давай, должны же мы увидеть, в кого ты изволила, наконец, влюбиться! — посмеиваясь, поддержит она, отгоняя от себя дым балетным движением умирающего лебедя.

— И приведу. В следующее же воскресенье, — небрежно пообещаю я. — Хотя... он собирался на дачу. Кстати, у него дача и «Жигули». Недели через две-три...

— Нет уж, вынь да положь немедленно. Через три недели я собираюсь в командировку, — скажет Юра.

Я прихожу через три недели, когда Юра подхвачен вихрем дальних дорог и унесен от нее в иные широты. Я подсыпаю ей в кофе цианистый калий, и земля разрыхляется под ее стопами. Я мою посуду, надеваю перчатки и включаю магнитофон. Ну-ка, ну-ка, кто это там у нас поет, гитару щиплет? Никитины! Прекрасные люди! Они окажут ей честь, присутствуя на ее проводах. Я шумно говорю в подъезде прощальные слова, переада привет Юре и удаляюсь, напевая вполголоса: «Под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди...» Еще час после моего ухода магнитофон услаждает светлейшие уши соседей. Я — вне подозрений.

Через день меня подзвонит к телефону — и я услышу долгожданную скорбную весть. Вернется Юра — его вызовут телеграммой на похороны. Он будет безутешен. Через неделю я отыщу его дома, небритого, осунувшегося и почерневшего от горя. Я вдыхну в него жизнь. Я разделю с ним тяжесть утраты и, как Кариатида, подставлю плечи под его хозяйственные заботы. Я сама возьму у него и руку, и сердце...

...Я жду ее, уныло топчась опустевший храм народного хозяйства. Вот уже битый час у нее продолжается randevu с шефом, и мы опаздываем на день рождения.

Ее шеф — это тучный прединфарктник с жестким, как бульварная скамейка, характером и проникно-

венной фамильярностью в голосе. Он жаждет обособиться в ее душе, как в собственной квартире, и, надев домашний халат со шлепанцами и успокоясь в кресле, давать ей оттуда Ценные Указания, осведомляясь вскользь, что говорят о нем сотрудники кафедр. Она терпеть не может своего шефа. Ее раздражает его бездарная лицедейская улыбка на вылепленном из манной каши лице, с наложенным на щеки малиновым вареньем. Но, в отличие от меня, она никогда не скажет:

— Да закружитесь вы или нет, старый стручок? Мне некогда, я опаздываю на день рождения, меня ждут Юра и пироги с грибами! Лучше бы бегали трусой вокруг поликлиники, хотя в вашей весовой категории теперь уже вряд ли убежать от инфаркта.

В отличие от меня, она умеет себя вести. Она помнит, что шеф — мамин приятель, который за мизерную плату в валюте благодарности сдал ей чужое место в аспирантуре. И потому она с почтением слушает его, кивая ангельской головкой, а из глаз струится восхищение умом и талантом собеседника. А я занимаюсь коридорослонянием, злобно изучая развешанных по стенам отличников, чьи взоры с аскетических лиц буравят меня интеллектом. Наконец, мое терпение лопается. Я стремительно приближаюсь к кабинету ученого мужа, яростно гремя по ксилофонным планкам паркета каблучками, как представитель ада — копытами. Сейчас ворвусь и покажу ей стопудовый кулак, а после сделаю вид, что ошиблась дверью, и разлужезно извинюсь перед стариканом. Дверь его кабинета обита великолепной кожей. Если отодрать ее, можно считать отличное кожаное пальто. Блестящее, скрипучее, ультрамодное. С подкладными плечами и длинной шлицей сзади, которая будет случайно распахиваться при каждом моем шаге и повергать в трепет идущих сзади мужчин. Увидев меня в таком пальто, особенно с тылу, Юра мгновенно потеряет голову!

Взлетев на Олимп Юриной любви, я развожу большой и указательный палец циркулем, установив между ними дециметр, и начинаю измерять двери. Главное, чтобы в каждой створке было по две длины, и уж тогда-то Юре ни за что не удастся от меня отвертеться! Рост не позволяет мне дотянуться до вершины. Я притаскиваю из пустой аудитории стул, взгромождаюсь на него и, воздев персты под потолок, в восторге довершаю измерения. О-ля-ля! Воздушной походкой манекенщицы я прохаживаюсь по их улице в ошеломляющем кожаном пальто, небрежно перебросив через плечо мамину ажурную шаль с позументом. Прохожие застывают в столбняке. Привести в чувство их могут лишь противостолбнячные уколы. Я прекрасна и ослепительна. Я ВОСХИТИТЕЛЬНА!

Юра стоит у окна и наблюдает мою прогулку. Он смотрит мне вслед и начинает понимать, что вся его жизнь, несмотря на головокружительную карьеру и нездешние бытовые условия, была, есть и будет величайшим банкротством, потому что в ней нет меня. В его душе вскипает страстная и спасительная любовь. Еще минута — и он бросится за мной прямо из окна...

Но тут проклятый стул, расшатанный седалищами вертлявых студентов, внезапно подкашивается подо мной и швыряет меня в разверзшуюся дверь шефского кабинета. Я влетаю туда, как чугунное

пушечное ядро, и с немислимим грохотом обрушиваюсь на пол. Вот это падение!

От ужаса я даже не чувствую боли. Распростершись на полу, оглохнув, съезжившись и зажмурясь, я в трепете ожидаю грома и молнии, что вот-вот взорвутся над моей несчастной контуженной головой... Но меня, как ни странно, окружает мертвая тишина. И тогда, предварительно сосчитав до десяти, я в смятении приоткрываю глаза, и мой взгляд упирается в подножье высокого стола-постамент, на котором установлен бюст шефа — в молодцеватом вельветовом пиджаке, с галстуком-селечкой, мерцающим чешуей. Самое поразительное, что бюст, как будто, даже и не заметил моего нелепого и оглушительного вторжения в его апартаменты. Но что и вовсе странно — в конце концов, старик глуховат — она меня тоже не замечает! Она непринужденно расселась в кресле, помахивая ножкой, чтобы шеф непременно отметил совершенство ее нижних конечностей, и шлица на юбке, не в пример моему пальто, прорезана спереди — и благочестиво улыбается покровителю. Первая фраза, что просачивается мне в уши, едва они вновь обретают слух, тоже кажется мне несколько необычной. Вместо того, чтобы указать ей на ошибки в расчетах второй главы, бюст шефа говорит:

— Какой забавный браслет! Дайте-ка рассмотреть. Я, как сорока, клюю на все блестящее! — он смеется и берет ее за руку, разглядывая окольцованное запястье. — Супружий подарок, да?

— Аспирантская зарплата сделала Юру поклонником и дарителем духовных ценностей, — со смехом говорит она. — Но, бог даст, со временем он найдет мужество пересмотреть свои взгляды... Это мама привезла мне из Индии.

— Кстати, как поживает наша сиятельная мама? — вопрошает шеф, забыв отцепиться от браслета. — Наша экс-демоническая красавица? Вот взяла и пожертвовала все свои прелести дочке...

— Мне нельзя говорить комплименты, Дмитрий Петрович, я слишком доверчива. Возьму и поверю вам, и начну кружить всем головы. И вас не пожалею! — и она смеется, тоже не замечая, что покровитель все еще тискает ее длань. — А мама была весьма бодрой после своих индийских приключений, но вчера опять — давление двести...

— В нашем возрасте экзотика задарма не дается! Скорби, не скорби, а пора уже поджать крылышки.

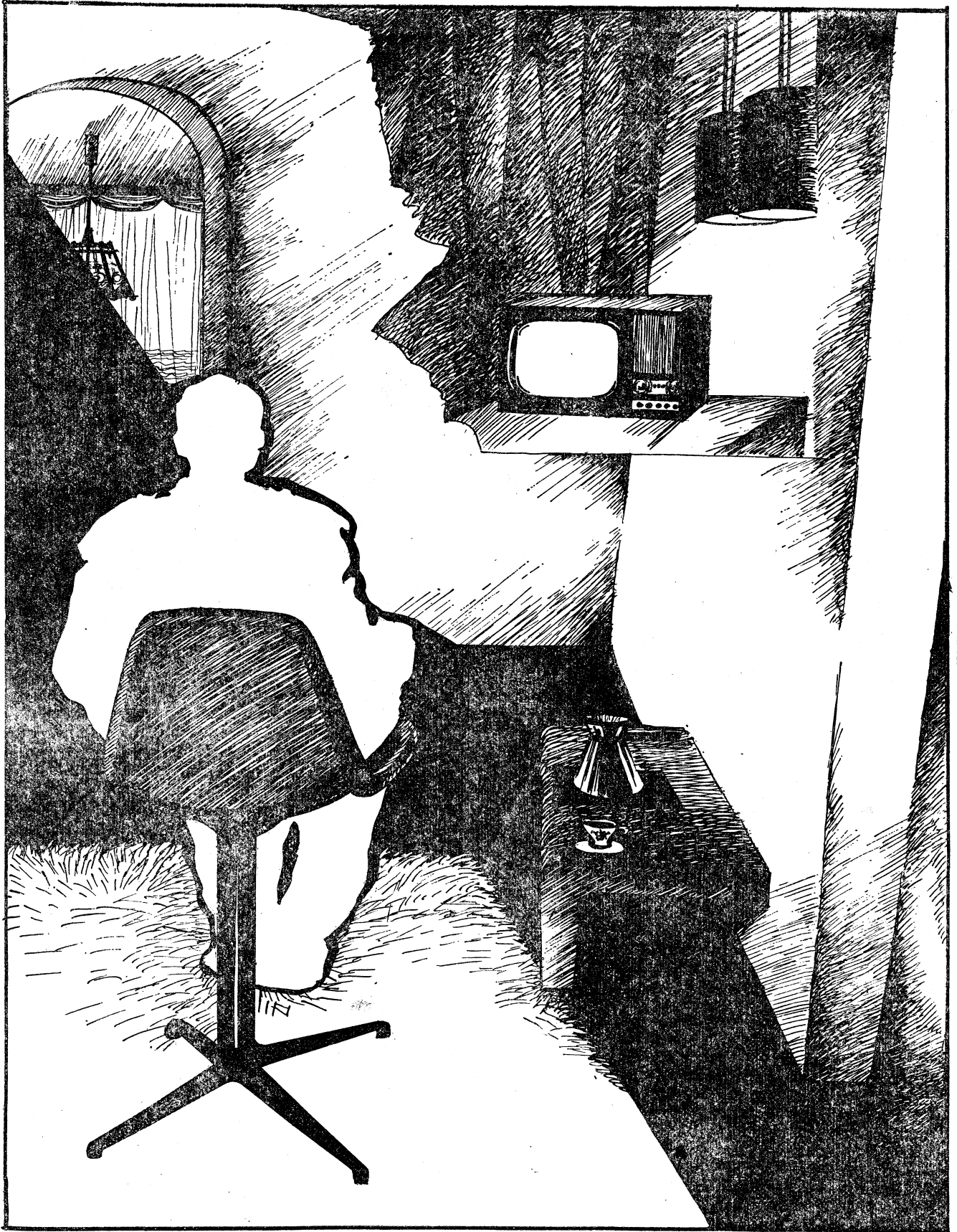
— Простите, я ошиблась дверью, я думала, здесь буфет, — громко говорю я, собирая с пола свои болящие, разбитые в кровь члены. — Вы не подскажите, как туда пройти?

— О, вы решительно не правы, решительно рано, Дмитрий Петрович! — кокетливо произносит она.

Они, как два Наполеона Бонапарта из соседствующих палат, не слышат и не замечают моих расшаркиваний.

— Извините, я думала, здесь живой уголок, — громче и на октаву ниже говорю я, презрительно кривя губы. Мне хочется взять увесистую логарифмическую линейку и нащелкать шефа по рукам, а потом зажать ее голову между колен и тем же предметом научить ее жить.

— К сожалению... — и шеф театрально вздыхает, и ириво похлопывает ее пятерней по браслету.

Значит, и меня готовы не пожалеть? И мою, увенчанную, вскружить?

— Дочери демонических красавиц бывают безжалостны. Наследственность, ничего не поделаешь... — обворожительно изрекает она и кокетливо отбрасывает с плеч обесцвеченные перекисью локоны.

— Эй, вы! Я ошиблась дверью, черт возьми! — ору я. — Ау! В какой аудитории у вас висит подлинник великого Леонардо? Такая улыбающаяся дамочка, не помню имени-отчества?

Они не видят и не слышат меня. Я хватаюсь за голову, желая убедиться, что на мне нет шапки-невидимки, и нащупываю здоровенную шишку над левым ухом.

— А пошли вы к... — с досадой говорю я и выхожу в коридор, сотрясая храм захлопнутой дверью.

Через двадцать минут она появляется. Почти-тельность к шефу спадает с ее лица, как паранджа.

— Извини, мы разбирали вторую главу и увлеклись. Старик закапывается вглубь, как крот.

Я жду, что она скажет:

— Сейчас подойдет Юра, давай подождем его.

Я мечтала попасть на этот ежегодно-традиционно скучный день рождения вовсе не затем, чтобы пожелать имениннице всяких благ и еще полсотни таких же унылых празднеств. Я мечтала об этом дне в надежде увидеть Юру и любоваться им целый вечер! Но она говорит:

— Ну, полный вперед! А не то сжуют все вместе со скатертью, ни черта нам не оставят, с них станется.

Мы долго тащимся по сумрачным галереям окраин в замерзшем троллейбусе. Я вытаскиваю из сумки растрепанный «Зарубежный детектив», который мне пришлось выклянчивать целую неделю, рабски прислуживая хозяину.

— Держи, я достала для Юры Агату Кристи.

Ах, как мне хочется, чтобы она спросила:

— Можно, я скажу Юре, что это я достала ему Агату?

Так спросила бы я, очутившись на ее месте. Только я, и никто другой не посмел бы совершать для Юры благоденствия! И любую Юрину просьбу, и улажить, и уластить — только я! Но ей не хочется поступаться в моих глазах ни одной из добродетелей. А тем более, что Юра любит ее вовсе не за мелкие радости.

— О'кэй, велю Юре расцеловать тебя, — снисходительно говорит она, бросая хитроумную англичанку в мешок с жанровой сценой из нравов штата «Монтана».

— Ну где же Юра, черт возьми? — хочет выкрикнуть мой язык, что подвешен к моей страждущей душе как батоло и готов трезвонить о Юре день и ночь. Я безжалостно закусываю его зубами, чтобы он не исторг из меня ни звука. словно в насмешку, она начинает пересказывать мне нуднейший кафедральный конфликт. Я молча выслушиваю и лишний раз убеждаюсь в ее принципиальности: всякий раз она принципиально занимает сторону шефа и грудью сдерживает натиск злопыхателей.

На троллейбусном вираже мой проклятый язык вырывается на свободу:

— А почему Юра не пошел с нами? — вопрошает мой проклятый язык. Как я мечтаю, чтобы она сказала: «Он придет прямо туда». Но она говорит:

— Решил поваляться дома и сочинил себе температуру.

Юры не будет! Мой нос в отчаянии примерзает к стеклу. Трехмесячное ожидание, это дерево надежды, так долго растущее внутри меня, вымахавшее до небес, падает, как подрубленное. Я не увижу Юру! Вместо Юры — паноптикум пресных обжор, жующих, причмокивающих, хрумкающих, хлюпающих напитков, излагающих с набитым ртом бородастые анекдоты, чтоб им подавится своими непечатными резюме!..

И вот мы вливаемся в празднество. Адская какофония: вопит музыка, шипят и плюются маслом сковородки с пирогами, громяхают аккорды сдвинутых винных сосудов, визжат вилки, тренькают ложки. Из жерла бутылки с шампанским с треском вылетает пробка и метко устремляется сквозь форточку в мироздание. Все поздравляют хозяйку, аргументируют текущий момент и вспоминают минувшее.

Она кладет яблоко на указательный палец, удар кулаком — и половинки яблока с хрустом разлетаются в стороны. Номер идет на бис. Этому трюку ее научил студент-вечерник, директор магазина «Фрукты-овощи». Она пленительна. Она, как всегда, нравится мужчинам. Особенно почтенному родственнику именинницы со сморщенным, как стиральная доска, лицом, доступному именуемому себя Иго-рехой. Он ловко подхватывает половинку яблока и осторожно жует вставными зубами. Другая половинка достается признанному застольному остро-сло-ву Сереже, под салаты он острит так себе, а под горячее — сокрушительно, и теперь нежно припечатывает к ее щеке напоенные, и сытые, и чуть-чуть при-тупившиеся от сытости уста. Он так же похож на Юру, как пуговица на звезду. И пуговица-то — не от праздничного платья, а от какой-нибудь гостиничной наволочки, вся пожелтевшая и застиранная.

Мы встречаемся с ней глазами в зеркале на стене. Вокруг ее шеи обвилась, как дрессированная змея, Сережина рука. Я смотрю на нее почти с ненавистью. Она отвечает мне обезоруживающей улыбкой. Вероятно, она хочет сказать мне:

— Не могу же я послать его по твоему любимому адресу. Он чуткий и отзывчивый товарищ, а таких не посылают, таких — выдвигают.

Я вливаю в стакан с шампанским водку и пиво — коктейль «Последний день Помпеи». Я залпом выпиваю его. Мои потроха превращаются в ансамбль песни и пляски. Я страстно жду пирогов с грибами. Раз уж мне не суждено было насладиться созерцанием Юры, пусть мой желудок насладится любимыми пирогами. Сначала я официально попрошу три пирога, потом, улучив момент, подброшу себе четвертый и пятый, а если удастся, то проглочу с шестого по двенадцатый...

Я удираю из гостей по-английски. Я обнаруживаю себя в унылом чреве замерзшего троллейбуса. Он пуст, он проглотил только меня, но вместе со мной — двузвучную сумму пирогов с грибами, прочной каменной кладкой лежащих во мне от кишок до ушей. На всех заснеженных окнах троллейбуса отпечатан след ступни величиною с мою ладонь, сверху пять пальчиков, любимая детсадовская шутка, а рука примерзла к последнему окну на задней площадке и качается, прищелкивая пальцами в такт езде. Я отдираю руку от стекла, запикиваю в карман и вы-

брасываю на снег. Один за другим я выплевываю под колеса троллейбуса проклятые пироги.

Улица, на которой я очутилась, кажется мне знакомой, но я никак не могу припомнить ее названия. Я бегу по ней и пою во все горло: «Люди гибнут за металл, за-а металл...» И качусь по обледеневшему асфальту, и ветер раздувает мой опустевший желудок, как парус. Возле их дома я падаю, и от моего австрийского сапога отлетает каблук. Я подбираю его и с величайшим наслаждением начинаю хромать. Вверх — вниз, вверх — вниз, как на качелях. Мимо погруженного в зимнюю спячку киоска с красно-голубым кружочком «Пепси-кола», мимо недостроенного дома напротив...

Я дохрамываю до скамейки перед подъездом и опускаюсь в снежную перину. Дом спит. Жалкие жертвы цивилизации! Они надыхались выхлопными газами, и души их закоптились. Сейчас я отскоблю их снегом! И я швыряю снег в их окно, но горсть снега рассыпается, не долетев до цели. Я научу их просыпаться не от скрежета будильника, а от крика петуха — пусть вспомнят о своем родстве с живыми тварями, пусть подскочат в постели, пусть раскокают скорлупу потолка! Оттянув шарф, чтобы не стеснять дыхания, я оглушительно кричу:

— Ку-кар-р-ре-кууу!.. — но мой клич замерзает в воздухе.

И тогда я поднимаюсь и перехожу на ту сторону улицы. Я отчаянно хромаю, я взлетаю вверх и вниз, как на качелях. Я подхожу к недостроенному дому, погребенному под снегом и тишиной, поднимаюсь по лестнице, оставляя левой ногой четкий след австрийского сапога — треугольник и крошечный кружок каблука, а правой ногой — след турецкой туфли с загнутым носом. Я припадаю к бойнице окна и, сложив пальцы пистолетом, трижды стреляю в дверь их подъезда. Потом я громко пою победный марш из оперы «Аида», а потом — дуэт Альфреда и Виолетты из четвертого акта: «По-о-кинем край мы, где так стра-да-ли...»

Она ждет меня внизу. Она терпеливо ждет, когда же я, наконец, охрипну и перестану оглашать окрестности шедеврами итальянской оперной классики. Захлопнув рот, я спускаюсь и покидаю недостроенный дом навсегда.

Рука об руку, мы поднимаемся к ним в квартиру. Я сбрасываю на пол шубу, раздираю молнии на сапогах и расшвыриваю их в разные стороны. Она молча ставит мои сапоги на полку для обуви, а шуба вспарывает под потолок и застывает на вешалке.

С тщательностью угрозыска обследовав стену, я щелчком выключателем и озаряю комнату светом. Я наблюдаю самое восхитительное зрелище во Времени и Пространстве: я наблюдаю Юру. Он спит, растянувшись на софе, а рядом валяется раскрытый на середине детектив. Сименон. Избранное. Я щупаю его лоб. Никакой температуры! От прикосновения моей руки Юра просыпается.

— Это ты? — сонно говорит он. — Надралась, как собака, а мне некому поднести лекарство.

— Я явилась не раньше, чем кончились пироги с грибами, — сурово говорю я. — Хочешь болеть неизвестной болезнью — болей, а меня не впутывай, а вдруг она — заразная и с летальным исходом?

— Сейчас вскипачу тебе молоко, выпьешь молока с медом, авось полегчает, — говорит она и мчится в кухню.

Я сбрасываю на пол недочитанный детектив и усаживаюсь на софу рядом с Юрой.

— Сейчас я открою тебе страшную тайну! — говорю я. — Ужасающую тайну! Сотрясающую до... до... ну до чего они сотрясают, черт возьми? В общем, я обманывала тебя целых четыре года. Я делала вид, что я — это Она, а на самом деле я — это Я! Мне надоело быть ей, господи боже, до чего надоело! Я терпеть не могу наш институт. У меня рвотный рефлекс на него, да, да! Я ненавижу шефа! Ты слышишь меня или нет? — я тормошу Юру за плечо. — У меня немеет рука, когда я ставлю зачет всяким кретинам, которым лень открыть книгу. Товаровед, замдиректора галантерейной базы... подумаешь, хоззява жизни! Да пошли они! И плевать мне на эту аспирантуру. Я хочу быть художником. Разуй глаза!

Юра приоткрывает на минуту глаза, и под его взглядом я чувствую себя застиранной пуговицей с гостиничной наволочки.

— Я целовалась с Сережей, — чуть с меньшим пылом говорю я. — Помнишь, тот, который вечно рассказывает старые анекдоты? И собираюсь с ним встретиться, если ты не перестанешь ухлестывать за шефской кофеваркой. Я не хочу так жить. Я не могу больше ни минуты! Ты слышал?

— Не слышал, у меня в ушах вечная музыка, — говорит Юра сквозь сон. — У меня температура, а ты пришла и развопилась. Могу я спокойно поболеть в дареном кооперативе или придется наскребать на собственный?

И вдруг я с ужасом замечаю, что мое тело становится прозрачным. Сквозь меня видно софу, на которой я сижу, и узор ковра, которым она застелена, становится все ярче и четче. Я начинаю терять свои очертания, я становлюсь все меньше, меньше, меньше... и, наконец, совсем исчезаю!

Зато она всю гремит в кухне кастрюлями и бутылками.

Она!

Моя прекрасная маска на карнавале!

Моя белокурая овечья шкура, что вдруг ожила и вероломно украла у меня плоть!

Сейчас она подкрепит пошатнувшееся Юрино здоровье молоком с медом и пырнет к нему под бочок, чтобы утром проснуться, сделать зарядку, подхватить портфель с монографией шефа, которую она никогда и не вынимает, и отправиться в институт.

А кого ей теперь бояться?

ПАВЕЛ

КАЛМЫКОВ

ШКОЛА

МАСТЕРОВ

КАРТИНКИ А. КОРОТКИА

ИЛИ ИСТОРИИ
КОРОЛЯТНИКА

В тот же миг Журиг выскользнул за дверь и запер ее на крючок.

— Э-э... Журиг! Ты что ж это делаешь? Попробуй, скажи теперь, что ты мне не Журиг! Такие хитрецы только у нас в Тании водятся...

— Сами ловите мышей! — сказал Журиг. — А я пошел за полицией.

— Ну, вот что, если не откроешь сейчас же, я твоего котенка задушу. Считаю до трех: раз, два, три... Уже душу!..

Журиг откинул крючок и бросился наутек. Но далеко не убежал. Шпион бегал куда быстрее.

— Запомни, — гневно сказал Агент № 49, — никто еще меня не обхитрил. Это я тебе специально попался. В кошки-мышки играл с тобой. Поиграли и — хватит! Больше не убежишь...

И вот Журиг с Мурсом снова сидят в чулане. А шпион с удовольствием разлегался на кровати и стал размышлять:

— Как же я тебя вывезу за границу?.. Если будешь смиренным — замаскирую под свою дочку. А можно прикрепить тебе бороду, надеть кандалы, а пограничникам сказать, будто везу бешеного старика. А будешь упрямым, вообще напою сонным зельем и повезу в гробу, как мертвеца. Ладно, утро вечера мудренее... Наконец-то я высплюсь... — И Агент заснул шпионским сном, без храпа и сопения.

А Журиг в чулане прошептал на ухо котенку:

— Чего тебе-то пропадать? Иди домой, Мурсичек... — и осторожно забросил его на окошко. Но Мурсиг, верный кот, никуда не пошел. Улегся на окошке и тихо любовался природой.

Гольга еще часа три ездил по лесу, изодрал все чулки и ноги, но никого так и не нашел. Лошади уже надоело лазить по кустам, она остановилась и стала собирать зубами ягоды с веток. Гольга тоже съел ягоду и вздохнул: «Да-а...»

И кто-то ответил ему знакомым голосом:

— Да!

Гольга огляделся. Никого. Еще раз огляделся. Опять никого. А лошадь почему-то удивленно смотрит на куст. Посмотрел и Гольга — и вдруг увидел, что это не просто куст, а замаскированный дом! А высоко над землей — прикрытое ветками окошко, и в окошке сидит черный котенок!

Гольга влез на лошадь ногами и заглянул внутрь.

— Журиг... — позвал он.

— Тс-с!

— Держи уздечку! Скорей.

— Ой, застрял...

— Пролезешь. Голова пролезла — весь пролезешь.

Но тут Мурсиг взял да прыгнул с подоконника вниз. Не на улицу, а в чулан. Журиг хотел лезть обратно, да Гольга не пустил:

— Пускай подождет, ничего не будет. Мы за ним с полицией вернемся.

И Журиг с Гольгой поехали домой.

Агент № 49, услышав какой-то шорох, подошел к двери чулана и спросил:

— Э! Ты еще здесь?

— Да! — ответил котенок.

— Ну, правильно, куда ты денешься. Есть хочешь?

— Да!

— Конечно, как не хотеть. Ну, хоти дальше.

— Да!

Тут шпион заподозрил что-то неладное и открыл дверь. И увидел только маленького котенка, который смотрел на него и говорил: «Да». Агент хотел пнуть

Едва шпион ускакал, как дом окружили лесные хулиганы на конях. С ними была рыжая принцесса Лита! Атаман с пистолетом в руке ворвался в хижину и крикнул:

— Черт возьми! Мы опоздали. Он уже смылся!

— В погоню!.. — приказала Лита.

Журиг с Гольгой мчались на зиторенговой лошади по лесной дороге. Шпион нагонял их. Журиг сорвал гроздь желудей и одним попал передодетой лошади в глаз. Лошадь затормозила, завертелась на месте, но, получив сапогами по животу, поскокала дальше с зажмуренным глазом. Расстояние сокращалось. Желудей больше не было.

— Я задержу его, — сказал Гольга и на всем ходу соскочил с лошади. Не удержался на ногах, упал. Шпион только хлестнул его плеткой и пронесся мимо...

И вдруг в воздухе просвистел аркан, шпион вылетел из седла, трахнулся об землю и потерял сознание.

Журиг плохо ездил верхом. А если бы и хорошо, разве мог бы он спасти свою шкуру и бросить шкуру друга? Журиг развернул коня и увидел, что Агент № 49 лежит на дороге, рядом отряхивается Гольга, а вокруг сидят на лошадях хулиганы, у атамана в волосах — черное перо. И тут же красуется на лошади принцесса Лита, и у нее такое же вороново перо — знак хулиганской власти! Журиг аж рот открыл.

— Привяжите этого к ветке за руки и за ноги, — приказала Лита, кивнув на шпиона.

Хулиганы ловко выполнили приказание.

— Ваше высочество, — сказал атаман, — рядом полиция. Нам надо уходить.

— Идите, — сказала Лита. — Спасибо всем.

— Не за что, — сказал атаман. — Мы благородные хулиганы, всегда рады помочь. А этот тип нам давно мешался, — атаман показал на шпиона, висящего в позе ленивца.

Хулиганы вскочили на лошадей и бесшумно уехали.

— Вы умеете хранить тайны? — спросила Лита.

— Умеем, — признались королевичи.

— Клянитесь.

— Клянусь, — сказал Гольга.

— Молчу до гроба! — поклялся Журиг.

— Я — дочь короля хулиганов. Твоя, Журичек, двоюродная сестра.

— Мама моя королева!.. — у Журига от потрясения все остальные слова вылетели из головы.

Лита выпутала из волос черное перо и спрятала в рукаве:

— Кто проболтается — смерть!

В это время из-за кустов раздался голос:

— Агент № 49, ты окружен!

— Сдавайся! — кричал кто-то в рупор.

Из кустов вышли полицейские.

— А где Агент? — удивился толстенький начальник. — Он не мог никуда уйти.

— Вон он висит, — показал Журиг. — Мы его привязали.

Агент как раз очнулся и ничего не понимал. А Журиг с увлечением рассказывал, как соскочил с коня, залез на дерево, как Агент полез следом, как Гольга привязал шпиону сначала ноги, а потом руки. А Лита, по его словам, подъехала потом. (В этом месте Журиг посмотрел на сестру, и она тихонько кивнула.)

— Поехали! — весело сказал начальник полиции.

— Не поеду без котенка! — заупрямился Журиг. Но тут увидел, что по дороге он сам бежит, котенок, черный, родной! Мурсиг!..

...Пока происходили эти события, Доля и Крижа изобрели (в уме) систему «тили-бом». Надо, придумали они, провести от ШМП до отделения полиции трубу, а в этой трубе протянуть струну. В Школе за струну подергаешь — в полиции зазвонит колокольчик. Специальным кодом можно передавать все, что угодно. Надежней и быстрее, чем почтовые голуби. И даже лучше, чем почтовые попугаи.

А дазборгский богат господин Марг — маленький, пузатый, носатый и пучеглазый — так надеялся на Агента № 491. Марг думал, что вот украдет шпион Журига — все короли испугаются и заберут своих детей из Школы. И Здрана снова станет воевать, чего Маргу и надо.

А тут ему донесли, что Агенту пришел каюк.

— Хорошо же... — зловеще прошептал господин Марг. Очень зловеще.

И стал готовить заговор.

И вот наступил долгожданный родительский день. С раннего утра вся Школа Мудрых Правителей была взволнована. Волновался профессор Ифаноф, волновались учителя, волновались принцессы и принцы. Самые нетерпеливые сидели на заборе и смотрели на дорогу. Завидев издали карету, они кричали: «Едут, едут!», и все сразу бросали свои дела и бежали смотреть, кто там приехал.

Карета подъезжала, из нее выходила величественная дама — королева и немного растерянно смотрела на толпу встречающих, выискивая глазами своего ребенка. Вся толпа разочарованно гудела «у-у-у...», и лишь один принц с радостным криком бросался к маме на шею, а потом хватал ее за руку и уводил в укромный уголок парка.

(Нет, конечно, по правилам королевских приличий принц должен был отдать королеве поклон, а потом поцеловать ей руку. А уж целоваться вовсе и не должен был лезть. Но какие могут быть приличия, когда к тебе приехала твоя мама, а ты по ней страшно соскучился!..)

В укромном уголке величественная королева могла быть просто мамой.

— Ну, как ты тут? — спрашивала она, присев осторожно на край скамейки.

— Да, ничего, нормально, — отвечал принц.

— Кормят-то хорошо? А вот тебе привезла ананасовое желе, твоё любимое... На-ко вот, поешь.

И принц, конечно, ел ананасовое желе и рассказывал маме о здешней жизни. А мама не могла налюбоваться на сына, вздыхая про себя, что вот он вроде бы загорел да вроде бы подрос, да как будто окреп, что у него страшная царапина на руке, а ноги в синяках, как побитые яблоки...

— Чулки не носишь. Порвал, небось?

— Ага, — соглашался сын, не уточняя, сколько порвал и куда потом девал.

— ...А у нас заговор недавно раскрыли. Отец наш первого министра казнил. Да вот с Керманией воюем потихоньку. А так все по-старому живем... Значит, не скучно тут у вас? А то я хотела карлика-шута прислать.

— Да не, не надо!

Кареты все прибывали и прибывали. К Миже приехал из Врандзии Зерёша Четвертый. К принцу Доле прискакал его самостоятельный папа Доля Второй. Приехал гордый отец гордого Гольги.

К принцессе Дамаре Пуркунтской родители не приехали, зато приехала бабушка-колдунья. Эту бабушку все придворные в Пуркунтии боялись, она ходила по дворцу с клюкой и говорила всем правду. Увидит министра финансов, уставится в него правым глазом (на левом у нее беломо было) и грозит клюкой: «Обкрадываешь казну, мошенник!.. Жди, повесят тебя ногами в крапиву!» И придворные старались не попадаться ей на глаз. А вот Дамара бабушку любила, и бабушка ей песни старинные пела, и сказки рассказывала, и гаданья-заклинанья разные. Если верить Дамаре, — даже колдовать ее немножко научила, и подарила волшебное кольцо (кто знает, может, и правда: кольцо Дамара всем показывала). А в этот раз бабушка привезла Дамарочке старинный портрет, у которого была своя таинственная история.

К близнецам Фиде и Вете приехала мама из Коллантии. Привезла волка:

— Вот. Привезла. Не ест без вас ничего, лежит и смотрит. А ночью воет на весь дворец, просто жуть... Совсем ослаб, уже и стоять не может.

Ветя и Фидя обнимались с тощим волком, а он поскуливал, вилял хвостом и все хотел облизать братьям щеки. Ветя поцеловал его в нос.

— Тьфу! — сказала королева. — Целуется еще с ним.

— Да он чистый! — в один голос сказали братья. Волка звали Шарик, тьфу, то есть, Жариг. Он был совсем ручной волк, почти как собака. Только умнее. Собаки ведь чем умнее, тем меньше лают. А Жариг вообще не умел лаять, такой был умный.

Дома, в Коллантии, братья оставили целый зверинец. Сколько слез было при расставании! А теперь у них в Школе зверинец собрался: Мурсиг, Муля, Чим и вот еще Жариг.

К чернокожему Криже Крокодилу не приехали, зато пришло по почте письмо, написанное на листе какого-то растения. Крижа сразу стал счастливым.

— Дай почитать — попросил завистливый Журиг.

Крижа дал. Журиг смотрел на письмо, смотрел и ничего не понял. Какие-то закорючки...

— А что тут написано?

— Ничего! — с улыбкой ответил Крижа. — Мой отец писать не умеет.

— А зачем тогда письмо?..

— Чтоб мне приятно было.

К Журигу тоже никто не приехал. Напрасно он просидел целый день на заборе. И к рыжей принцессе Лите не приехали. Зато сама Лита с утра куда-то запропала, а к вечеру вернулась и совсем не грустная.

Девчонкам попривозили всяких обновок и украшений, долго слышались их аханья:

— Ах, какая прелесть! Тебе так идет... Дай померить! А мне идет? А дашь поносить?..

Женщины, чего вы от них хотите.

Вечером в здании Барламенда состоялось родителское собрание на высшем уровне.

Профессор Ифанов никогда раньше не думал, что бывает столько королей и королев сразу. Думал, не бывает. А оказалось,—бывает. В глазах у профессора рябило от горностаевых мантий, и короны сливались в сплошной золотой частокол.

Профессор рассказывал, какие у него ученики, и всех хвалил.

Тут из частоккола вынырнул какой-то недоверчивый король.

— Не может быть,—сказал он,—чтобы все ученики были хорошими. Плохие обязательно тоже бывают. Вы, наверное, обманываете.

— Я не обманываю,—сказал Ифанов.—Плохие ученики бывают, когда учиться неинтересно. А у нас интересно.

— А если ученик дурак? — не сдавался недоверчивый король.

— Ваши величества,—обратился Ифанов к залу,—у кого из вас дети дураки, прошу поднять руки. Вот видите, дураков нет.

— А денег хватает? — спросил кто-то.

— Хватает-хватает,—ответил Ифанов.

— Не может быть! — снова поднялся недоверчивый король.—Так не бывает, чтобы денег хватало.

— Можно, я о деньгах? — вмешался глава правительства Здраны.—Если хотите знать, ваши величества, денег у нас полно. Всего два месяца мы ни с кем не воюем, а со всеми торгуем. И уже так разбогатели, что улицы бульжником вымостили, а по ночам на площади фонари зажигаем. А скоро вообще больницу бесплатную откроем, вот такушки!

Короли сразу зашумели, запереговаривались. А король Врандзии Зереша Четвертый воскликнул:

— Слушайте, как вас там, вам все равно деньги девать некуда, займите мне десять миллионов!.. Я потом хоть двадцать раз отдам — позарез деньги нужны!..

— Извините, ваше величество,—сказал глава правительства Здраны,—у нас такой закон, воюющим странам денег не занимать.

— Да я скоро бросаю воевать, слово короля! С Избанией довоюю и брошу!..

— Нет уж, ваше величество, вы уж сначала бросьте.

Делать нечего, нашел Зереша в зале избанского короля Фазю Девятого, подали они друг другу мизинцы и сказали: «Мирись, мирись и больше не дерись». Неприятели стали приятелями.

Как назло, пока Зереша Четвертый мирился, король Идалии нечаянно толкнул гордого Гольгиного отца. И Гольгин отец не стал слушать извинений, сразу объявил Идалии войну. А Зереша Четвертый был Гольгиному отцу союзник, и теперь он тоже втягивался в войну с Идалией.

— Ладно,—махнул рукой король Врандзии,—шут с ними, с десятью миллионами. Зачем мне деньги, если не воевать. А Идалию я и так в порошок сотру.

— Это еще вопрос, кто кого во что сотрет! — вскочил король Идалии и кинул Зереше через весь зал перчатку — вызов на дуэль. Зереша перчатку поймал, и оба пошли на улицу драться на шпагах.

Собрание продолжалось. Стали выступать разные короли. Одни говорили коротко, другие длинно, одни умно, другие не очень. Некоторые вообще по бумажке читали. А под конец слово взял рыжий король Англии. Он многозначительно всех оглядел и сказал:

— А известно ли вам, коллеги, что сегодня в Дазборге видели хулиганского короля?

Зал ахнул.

— Как?!

— Кто?!

— Где?!

— Видели,—продолжал английский король,—но

(212)

не обращали внимания, потому что принимали его за меня. Хулиган допустил только одну ошибку: он попался мне на глаза! Иду я сегодня мимо парикмахерской, гляжу через витрину, а там — он!! Точная моя копия и одет так же, негодяй! Куда глядит полиция?..

Глава правительства Здраны закашлялся. Вернее, притворился, что закашлялся, потому что смеяться над королями недипломатично.

— Я хочу утешить ваше величество,—сказал он,—полиция смотрит, куда надо... А в парикмахерской витрине стоит большое зеркало, в котором видит свое отражение...

Короли все засмеялись.

— Ничего смешного! — сказал обиженно английский король.—Вам тут смешно, а меня, может, подменить хотят. Меня, может, уже подменили!.. Вы уверены, коллеги, что перед вами — я, а не проклятый хулиган комедию ломает? Я лично уже ни в чем не уверен и больше из Англии — ни ногой!..

После собрания короли стали разъезжаться. Всех ждали государственные дела. Лишь Гольгин отец заехал к сыну в Школу и сказал:

— Ты вот что, сын, ты с Фалеригом, который из Идалии, не играй. И вообще можешь ему морду набить, я его отцу сегодня войну объявил. А с Мижей играй, у нас с ними военный союз.

А Гольга гордо ответил, что будет дружить с кем хочет, а отец пусть сам за свои ссоры отвечает. Отец дал сыну крепкого подзатыльника и сказал: «Весь в меня!» — и уехал.

...Буквально через несколько дней у знатных дам всей Бланеды вышли из моды высокие прически. А вошли просто длинные волосы с челкой.

Когда-то города Дазборга вообще не было. Люди жили, а города не было. А потом мимо проезжал Простуженный Рыцарь и сказал: «Чего вы ждете? Вокруг враги наступают! Давайте построим крепость, место самое подходящее!» И люди построили себе маленькую крепость из серого камня.

Когда стало тесно, построили еще одну большую стену, из белого камня. Стал Дазборг большой крепостью. Время идет — город растет. Третью стену построили, из красных кирпичей. Еще сто лет пройдет — четвертую надо строить. «Нет уж, хватит,—решили горожане.—Так никаких стен не напасешься. Пускай смотрят — будем привыкать жить без стен».

И в самом деле привыкли. Стал город расти вширь, а все три стены — Белая, Серая и Красная — внутри остались.

Теперь, если я скажу, что оружейные мастерские в Дазборге располагались под Белой стеной, вам сразу будет ясно, где это.

Так вот, на втором этаже одной из оружейных мастерских было открыто окно. У окна, подперев кучерявую голову руками, сидел хозяин, глядя на улицу и лениво думал.

Проехала телега с толстой грязью на колесах. «Угольщик», — подумал хозяин мастерской. Пробежала компания мальчишек. «Пороть их надо», — поду-

«Салтан»-89

мал хозяин мастерской. Донесся запах свежих булочек. «Скоро ужин»,— подумал хозяин мастерской.

И тут он разглядел низенькую такую пузатую фигуру. В тот же миг хозяин мастерской, гремя башмаками, слетел по лестнице на первый этаж, раздвинул пошире шторы на окнах, разогнал подзатыльниками попавшихся подмастерьев, глянул в зеркало— хороша ли улыбка— и вышел на крыльцо. Встречать.

Тот, ради кого он так суетился, был еще за полквартала. Зубастая улыбка хозяина светила ему, как путеводная звезда.

— Добро пожаловать, господин Марг!— пропел хозяин нежным голосом, неожиданным для такого большого человека, и скрючился так, что пузатый коротышка мог глядеть на него сверху вниз. Будь у хозяина хвост, он завилал бы перед посетителем пособачьи.

— Милости прошу!..

Господин Марг вошел.

— Хотите заказать что-нибудь? Или выбрать из готового? Есть кинжалы тамазской стали. Желаете шпагу по руке? Легкую и острую, как рыба косточка...

Не слушая хозяина, господин Марг остановился у витрины с подсвечниками и самоварами.

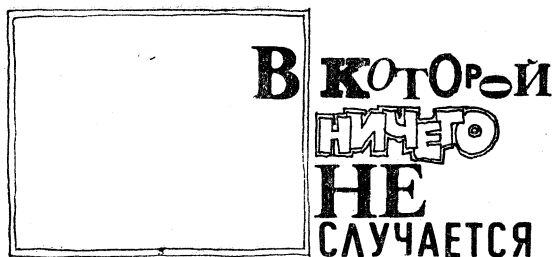
— Не стыдно?— спросил он.— Лучшая оружейная мастерская превратилась в хозтоварный магазин?

Хозяин запнулся, подыскивая ответ. Дело в том, что когда Здрана перестала воевать, спрос на оружие упал. Пришлось перейти частью на мирную продукцию— не закрывать же мастерскую?

— Господин Марг, это подмастерья набивают руку. А для вас лучшие мастера готовы превзойти себя! Вам угодно охотничье ружье? Пару пистолетов?

— Что ж, — усмехнулся господин Марг, — детали заказа обсудим без свидетелей.

Хозяин повел выгодного заказчика на второй этаж, в свою гостиную. От волнения хозяин совсем забыл, что в гостиной натирает паркет младший подмастерье по имени Никида. Когда обсуждались «детали заказа», Никида находился под диваном, куда полез доставать щетку. Там, под диваном, он и узнал о ЗАГОВОРЕ.

Уж кто умеет спать, так это коты. Уж что-что, а спать они мастера. И черный Мурсиг, несмотря на молодость, тоже был мастер по этому делу. Уляжется удобненько, завернется сам в себя— и пока. Хоть день напролет, с перерывом только на обед. Еще и улыбается во сне.

Правда, проявить полностью свое спательное дарование у Мурса не было случая. Не давал Муня. Гомункулюс считал, что спящие коты затем и существуют, чтобы их дразнить. Для начала можно подкрасться и дернуть за усы. Или свистнуть в ухо. Или укусить за хвост. И спрятаться. А потом снова подкрасться...

И так, покуда кот в гневе не вскочит и не погонится за гомункулюсом. А Муня, довольный,— наутек: с кровати на кровать, потом на стол, на полку, на камин! А кот мчит за ним, как прицеп, вихрем по тумбочкам, на шкаф, на подоконник! Все гремит, все падает,

(23) Муня в восторге визжит и кидает в кота чем попало. А когда Мурсиг его вот-вот настигнет, гомункулюс забирается по веревке на потолок и корчит оттуда обидные рожи. Кот по веревкам лазить еще не умеет— сидит внизу, переминаясь с лапы на лапу, и от злости машет хвостом. Но вредный Муня спускаться не собирается, и Мурсиг, махнув хвостом в последний раз, отправляется спать.

Зато ночью у котенка случилась бессонница. Он бродил и бродил бесцельно по палатам, и не с кем было время провести. Муня спал в зале на люстре. Попугай Чим вообще улетел. Ветя и Фидя сделали ему клетку, а он обиделся, перегрыз прутья и улетел.

— Может, еще вернется?— надеялись опечаленные близнецы.

— На Южные Острова он вернется,— ответил Крижа Крокодил,— если орел по дороге не съест.

В старшем классе изящный и лохматый маэстро Зиторенго проводил урок культуры для девочек. Мальчишки подглядывали в окна.

Маэстро повязал свою накидку, будто юбку.

— В руке у меня, сударыни, избанский веер. Каждая дама должна с ним ловко обращаться, не только обмахиваться и отгонять мух. На веерах дамы разговаривают, и мужчинам этот тайный язык знать не положено.

Принцессы захихикали. Маэстро улыбнулся:

— Как-то в молодости мне довелось скрываться при избанском дворе под видом приезжей герцогини. Королевская полиция искала меня как сочинителя вредных песенок по всей стране, а я жил у короля под носом и как-то даже танцевал с ним менуэт...— Маэстро сделал несколько танцевальных па.— Ладно, менуэт мы разучим в другой раз, а сейчас не будем отвлекаться...

И маэстро изящно обмахнулся веером.

У среднего класса шел урок техники. В мастерской стоял железный визг и лязг, и для королевичей не было музыки приятней...

Однажды в Школу Мудрых Правителей пришли в гости городские. Дазборгские мальчишки с улицы оружейников. Можно спросить: чего же это они раньше не приходили-не приходили, а теперь пришли? И можно ответить: не приходили, потому что дела не было, а теперь оказалось важное дело.

Перелезли, городские через ограду и пошли искать принцев, для пушей уверенности засунув руки в карманы. (Когда уверенности не хватает, надо всегда держать руки в карманах.) Самый уверенный и самый главный— Нигида— шагал впереди. А самый маленький— Икорёжа— плелся сзади. Он держал в кармане только одну руку. В другой руке у него было ведро.

— Эй, парень!— крикнул Нигида какому-то мальчишке,— иди-ка сюда. Где тут у вас принцы?

— Ну, я принц,— с вызовом ответил мальчишка. Нигида сделал критическое лицо и сказал:

— Ври.

— Кто врет? Я вру?! Насмехаться? Я тебе понасмеюсь!..

И не успел Нигида удивиться, как покотился по земле в обнимку с самым настоящим принцем. Конечно, это был Гольга, раз он так не стерпел.

Вокруг стали собираться болельщики. Все давали полезные советы:

- Так его!..
- Давай его!
- На лопатки его!..

Разнимать борющихся никто не пытался, потому что руки и ноги их так перепутались — не разобрать, где чья. Разнимешь, а потом окажется у одного две левых ноги, а у другого обе — правые, и то на месте рук... Пусть сами разбираются.

Слышалось пыхтение:

— Это я-то не принц?! Я тебе покажу, какой я не принц!..

Боролись Гольга с Нигидой, боролись и, наконец, устали. Прямо так, не расцепляясь, сели отдыхать.

— Слышь, Нигида, — сказали городские, — тут говорят, он и вправду принц...

— А корона у него есть? — спросил Нигида.

— Есть, — ответил Гольга, сердито шмыгая носом. — В чемодане лежит.

— Покажешь?

— Пошли.

И они встали и пошли во дворец. И вся толпа болельщиков за ними — смотреть, как Гольга корону будет показывать.

Городские все оглядывались по сторонам.

— А ничего тут у вас... Парк хороший. Ручей есть, можно запруду сделать.

— Не успели еще, — ответили королевичи.

— А в конный турнир играет?

— Лошадей мало.

— Да не на лошадях — друг на друге?.. Нет? Научим.

— ...Что это у вас за ведро? — поинтересовался любопытный Журиг.

— Это мы вам что-то принесли, — сказал маленький Икореза.

— А что там?

— Птичка.

— А ведро зачем?

— Кусается! Вчера как цапнула, до крови... — Икореза вынул из кармана перевязанный палец и показал всем.

— А давай откроем, — предложил Журиг.

— А-а, улетит.

— Тогда в палате.

Журиг забежал вперед и сделал изысканный жест: — Милости просим во дворец!

Городских еще никогда не приглашали во дворцы, но они засунули руки поглубже в карманы и уверенно вошли.

В палате Гольга принялся распоряжаться:

— Ведро сюда! Окно закрыть! Малышня, брысь отсюда!

— У-у-у... нам тоже интересно! — запротестовали младшеклассники.

— Пусть смотрят, — вступился Мижя.

Девчонок Гольга тоже хотел выгнать, но их, к сожалению, и так никого не было. Кроме Литы, а ей было можно.

— Внимание!

Журиг изобразил шваброй по столу барабанную дробь.

— Приготовились... Открывай!

Икореза снял крышку с ведра, оттуда под крики восторга вылетело пестрое ЧЕРТ-ТЕ-ЧТО и вразмашку залетало по комнате. А потом взмыло под потолок и по-хозяйски уселось в висевшее там кольцо. Королевичи хором воскликнули:

— Чим!.. Это же Чим! Где вы его нашли?

— Да на помойке, — сказал Икореза. — Иду вчера, вижу — вороны кого-то бьют. Я в них кирпичом, они —

в стороны, а там чучело валяется. Я его домой принес, а оно меня укусило. А Нигида говорит, это, наверно, из королевского интерната... Ну, и вот.

Попугай Чим был обшарпан до безобразия. Он поправлял клювом оставшиеся перья и жалел в этот момент, что еще не умеет говорить. А то бы он все сказал, что у него на душе накопилось...

Городские гостили до вечера. Рассказывали про свою работу, про свои игры, про свою улицу, про то, как с ткачами враждуют.

Гольга достал из чемодана свою корону и отковырял один рубин Нигиде на память. А Нигида подарил Гольге маленький кинжал по имени Кенжик, который сам выковал.

Нигида вообще был очень талантливым человеком. Он даже умел шевелить одним ухом, одной бровью и одним глазом.

Уже перед уходом городские сказали, наконец, самое главное. То, для чего пришли.

— В общем, это... Там против вас заговор затевают. Ну, против вашей Школы.

— Какой заговор? Зачем?

— Точно мы сами пока не знаем. Решили предупредить на всякий случай. Ну, мы пошли. Если что узнаем, — дадим знать. Мы еще придем.

ИНСТРУКЦИЯ: Как научиться шевелить левым глазом по способу Нигиды. Берешь палец, ставишь его напротив правого глаза. Потом, глядя на палец, то подносишь палец поближе к глазу, то отодвигаешь подальше. Немного тренировки — и можно обходиться без пальца.

В среду вечером Нигида зашел в аптеку будто бы по делу. То есть по делу, но будто бы по другому делу.

— Господин аптекарь, а, господин аптекарь! А сколько стоит бальзам от бородавок?

— Два золотых флакон, — ответил аптекарь. — Хочешь купить?

— Да нет, я только спросить. А то мачеху бородавки заели, совсем жаба стала, — объяснил Нигида, убедительно двигая глазом.

— Папа! — раздался крик из подсобной комнаты. — А где у нас сулема?

Это сын аптекаря — Глим — по плану отвлекал отца.

— На полке! — крикнул аптекарь. — В зеленой склянке!

— На какой?.. Они тут все зеленые!

— На крайней, балбес! Ладно, не трогай ничего, сейчас сам приду.

— Значит, два золотых? Спасибо, господин аптекарь, до свидания, — сказал Нигида и направился к двери.

Аптекарь пошел давать подзатыльников сыну, а Нигида, хлопнув для отвода ушей дверью, тихо спрятавшись в шкаф. Теперь оставалось ждать. В шкафу было пыльно. Наверно, Нигида не дышал. Если бы дышал, то расчихался бы. Вот уже колокол прозвонил девять часов, и аптекарь пошел закрывать ставни.

— Аптека закрыта,— сказал он какому-то запоздалому посетителю.— За ночные услуги плата двойная.

— Тысячекратная,— сказал посетитель, бесцеремонно входя.— Тысяча золотых за маленькую ночную услугу.

— Какую услугу? — спросил аптекарь совсем другим голосом. Он узнал посетителя.

(Нигида у себя в шкафу тоже его узнал. По голосу).

— Есть что-нибудь от живота? — спросил посетитель.

— Есть пилюли. Больной живот через день поправится.

— Болван! Мне надо наоборот, чтобы не поправлялся, чтобы похудел!

— О, простите, господин Марг! Тогда вот эти пилюли... По одной каждый вечер вместо ужина.

— Давайте. Теперь о деле. Кто в доме постоянный?

— Никого... Только сын.

— Отшлите его куда-нибудь. Подальше и подольше.

— Глим! Э-э-э... Возьми-ка ушные капли да снеси их по адресу... э-э... Улица Далекая, девять.

— Сейчас, что ли? — ужаснулся Глим.— Через весь город идти?! Я спать хочу...

— Ничего, не маленький. Фонарь возьми. Глим ушел.

— Чего же изволит господин Марг?

— Пустяков. Сейчас сюда придут люди и назовут пароль: «Моя прабабушка болеет». Мы с ними кое о чем побеседуем в вашей подсобной комнате и тихо разойдемся. Тысяча, как обещано, ага?

— Ага,— ответил аптекарь, заколдованный словом «тысяча».

В дверь постучались.

— Кто там? — спросил аптекарь.

— Откройте... Моя прабабушка болеет...

За полчаса еще человек восемь пришли пожаловаться на больных прабабушек. Голоса их — не прабабушек, а «правнуков» — были Нигиде хорошо знакомы, особенно один голос — нигидиново хозяина.

Другие принадлежали соседям — тоже хозяевам оружейных мастерских.

— Все в сборе,— сказал наконец господин Марг. Нигида приотворил дверцу шкафа и прислушался.

— Итак, господа, нас с вами постигла тяжелая катастрофа под названием «МИР». Здрана не воюет. Никому не нужны ваши замечательные ружья и сабли.

И вы сами никому не нужны. Доходы наши уменьшаются и скоро уменьшатся до сплошных убытков. Как выкручиваться? Некоторые тут уже выпускают самовары и подсвечники. Во-первых, позор, а во-вторых, это не выход. Ну, в каждом доме по самовару будет. А потом что?.. Ничего! Голодная жизнь, если не голодная смерть. Подмастерья скоро начнут разбегаться...

— Уже разбегаются... — уныло подтвердил кто-то. — Уходят в ткачи. А что делать?!

— Действовать! — сказал Марг.— Устранять причину!..

— Какую?

— Не догадываетесь? — усмехнулся Марг.— МИР-то этот на чем держится? На королевском интернате!.. На этом корольянике!.. Если с интернатом что-то случится, ну, беда какая-нибудь, то что будет?

— Что?..

— Тыфу!.. ВОЙ-НА будет, милые! Война со всеми сразу! И тогда подлые мануфактурщики по-другому запоют! А правительства запросят оружия, пороха...

А мы — всегда пожалуйста, только денежки давай. Покуда Бланеда воюет, наша профессия в большом почете!..

Пора сказать, что господин Марг — этот пузатенький носатый коротышка с покатою лысиной и глазами навывучку — не делал оружия, не торговал порохом.

(215) Он был владельцем всех кладбищ и похоронных бюро, на его фабрике изготовляли гробы. Ходили слухи, что он помогает умирать некоторым своим клиентам. Он сказочно богател во время войны или эпидемии чумы.

Перейдя на шепот, господин Марг посвящал оружейников в детали своего плана. Чтобы расслышать детали, Нигида совсем вылез из шкафа и все равно всего не расслышал.

— Что ж, господа, сдавайте деньги на общее дело. Вот аптекарю заплатить надо, он даст нам яду.

— Я ни при чем! — запротестовал аптекарь.— Я с вами не заговаривался! Я не участвую!..

— Участвуете, участвуете. Куда вы денетесь? Вам прямая выгода: на войне много лекарств потребуется, а?

И аптекарь понял, что никуда он не денется...

Заговорщики выходили из аптеки поодиночке, с промежутками в несколько минут. Пристроившись в темноте за одним из них, выскользнул и Нигида.

И со всех ног побежал в полицейский участок. Там дежурил молодой полицейский, он нигидиново рассказал сразу поверил и послал к аптеке оперативную команду. Господина Марга арестовали прямо на улице и привезли в милицию.

Гробовщик ничуть не испугался, с дежурным полицейским и разговаривать не стал, а потребовал вызвать начальника. А начальник, как пришел, так сразу принялся извиняться перед Маргом.

— Что вы извиняетесь? — удивился дежурный.— Он же преступник. Он же Здрану предаст!.. От него аптекой пахнет...

— Вас не спрашивают. Чем хочу, тем и пахну,— высокомерно сказал Марг.— Не знаю никаких заговоров, зашел лекарство от живота купить, вдруг — хватают... Меня — хватают!!

— Конечно, господин Марг, это ошибка! — сказал начальник.— Примите наши извинения, сейчас мы доставим вас домой. Виновного накажем. Молод еще, усерден... Не знает, что такое «живот болит»... Болит-то сильно?

— Не болит, а растет,— поправил Марг.— А вы, усердный юноша, когда без работы останетесь, приходите — могилы копать возьму. Мне нужны усердные. Что касается мальчика, — он посмотрел на Нигиду, выкатив свои глаза дальше, чем наполовину, — я на него не сержусь. Детская фантазия... Пусть идет домой.

Нигида выскочил из полиции, но домой не пошел. Он вообще не знал, куда идти.

Раннее-раннее утро. Лес и туман — еще неизвестно, что гуще. Сквозь лес и туман пробирается холодный от росы Нигида.

— Ты куда идешь? — вдруг спросил чей-то невыспавшийся голос, и чья-то рука схватила Нигиду за штаны.

— За грибами,— соврал Нигида.

— А лукошко где?

— А я сразу ем,— заврался Нигида. И решил сказать правду: — Дяденька полицейский, пропусти! Я друзей спасаю!

Полицейский опять не поверил и рассердился: — Проваливай, проваливай! — и надрал Нигиде ухо. Нигида засунул руки в карманы и хмуро побрел по дороге прочь. Ему было очень плохо. Вдруг прямо перед ним из тумана появилась лошадь. На ногах у лошади были тапочки (все хулиганские лошади ходят в тапочках), а на спине — рыжая девчонка, которая смотрела на Нигиду сердито. А Нигида узнал ее и обрадовался:

— Ты принцесса?.. Тревога!.. — и рассказал все, как было и как есть.

— Иди в город, и никому больше ни слова, — сказала Лица.

— Эй, а ты куда? — крикнул Нигида.

Принцесса поскакала совсем в другую сторону...

...Самое страшное происходило в час дня на дзборгском базаре. Там завхоз Гослоф ПОКУПАЛ КАПУСТУ. И не заметил, что какой-то нищий насыпал в бочку горсть порошка. (Нищий этот был вовсе не нищий. У него было целых сто золотых, полученных за это гнусное дело, и еще двести ему обещали).

Но по дороге в Школу на телегу с завхозом вдруг напали хулиганы и всю капусту отобрали. Вместе с бочкой.

Завхоз был очень недоволен, а профессор, узнав о происшествии, даже с каким-то облегчением сказал: — Ну, и шут с ней, с капустой. Это даже хорошо, что ее теперь нету.

— Почему? — удивился завхоз.

И профессор Ифаноф сказал секретным шепотом:

— Даже замечательно!.. А то сегодняшний борщ не пошел бы на пользу...

А ночью в город Дзборг въехала группа всадников. Как темные бесшумные призраки, неслись они по безлюдным мостовым. Одинокий полицейский, завидев их, в ужасе бросился бежать.

— СТОЙ! — приказал ему властный голос.

Огромные фигуры всадников окружили полицейского.

— ГДЕ ДОМ ГРОВОВЩИКА МАРГА?

— 3-а у-у-углом... налево... Второй дом..

Так же бесшумно всадники исчезли за углом.

...И больше никто страшного гробовщика не видел.

Стыдно признаться, что это уже конец. КОНЕЦ ЗАГОВОРА. А повесть еще можно читать дальше.

Когда будет совсем конец, я вам скажу.

Девочки спросили маэстро Зиторенго: бывают ли привидения?

— Портреты, — сказал маэстро. — Портреты — разве это не призраки? Холст, покрытый тонким слоем краски. А посмотришь — живой человек, прямо в глаза глядит и о чем-то думает. Грустит про себя. А на самом деле, может, умер давно...

Маэстро и сам рисовал портреты. Приведет кого-нибудь в свою комнату, усадит в кресло и рисует. Час рисует, два рисует... Глаза у маэстро блестят, щеки горят, волосы лохмаче обычного... Это — вдохновение! Уже натурщик устанет сидеть, а Зиторенго готов рисовать хоть сутки напролет. С трудом успо-

216
ковившись, он отложит кисти. Придет в палату девочек и долго смотрит на портрет дамариной прабабушки. А насмотревшись, возвращается к себе и все, что нарисовал, соскабливает ножом. И потом полночи играет что-то тихое на своей виолончели. Что было у него на холсте — никто не видел... А ведь рисовал маэстро Зиторенго здорово. Особенно лошадей.

Может быть, это портрет дамариной прабабушки так на него действовал? Очень может...

Как-то вечером Дамара рассказала историю этого портрета.

— В общем, моя прабабушка была колдунья и кра-савица. Многие знаменитые художники пробовали нарисовать ее портрет, но ничего не выходило. Двое даже утопились с отчаяния. Тогда она говорит: «Да не надо мне никакого портрета. Пускай последний попытается — и все». А последний художник был сам немало колдун. Ну и вот. Приготовил он специальные заколдованные краски и стал рисовать. Рисует и смотрит на нее серьезно и пристально. Колдунья говорит ему: «Ты медленно рисуешь, художник. Я успею состариться». А художник ничего не отвечал. Он тайно любил колдунью, но не выдавал себя ни единым словом. Лишь когда портрет был закончен, он сказал: «Госпожа моя! Смотрите, как в зеркало, в этот портрет». И ушел, не взяв денег. И больше никогда ничего не рисовал. Только вот этот портрет остался. Иногда колдунья надевала белое платье и вплетала в волосы цветы, как на портрете. Сидит перед ним и смотрит так пристально и не мигая. И портрет, правда, становится ее отражением... Она улыбнется — портрет улыбнется. Она подмигнет — портрет подмигивает. Потом портрет начинает шевелить губами, и колдунья шепчет следом... Так несколько часов глядят они друг другу в глаза. Потом колдунья со стоном отходит, падает на кровать и засыпает...

И вот, прошло много лет. И когда охотились на ведьм, колдунью сожгли на костре, хоть она и была королевской крови. Ее выдали придворные старухи за то, что она не стареет, и красота ее не проходит. Ну, заодно хотели сжечь и портрет. А он не горит!.. Хотели изрезать в клочки — тоже не вышло!.. Нож краску только сверху царапает, а потом царапины заживают. Хотели закрасить лицо колдунье, но свежая краска высыхает и отваливается, а портрету хоть бы что... Ладно, думают, закопаем в землю. А моя бабушка, только она тогда еще маленькая была, украла у них портрет и в чулане спрятала. Прошло семьдесят лет, все про портрет забыли. А недавно мы в новый дворец переезжали, вещи собирали, я и нашла его. Весь пыльный, в паутине... Во дворце увидели, стали ахать: «Какая красота!..» А бабушка мне все про него по секрету рассказала. Только, девочки, я вам тоже по секрету...

Девочки пообещали хранить тайну. Они тоже попробовали смотреть в портрет. Все сразу. Прекрасная девушка смотрела на них своими колдовскими глазами, и, казалось, в ее глазах отражается трепет свечи, а уголки губ чуть шевелятся... Вот-вот улыбнется!

Однажды портрет стащили из девчачьей палаты мальчишки, хотели вызвать ведьму. (Про ведьму они сами догадались, никто им не говорил!). В полночь поставили перед портретом кружку с водой, положили кусок хлеба и соль: «ХЛЕБ, СОЛЬ, ВОДА. ВЕДЬМА, ИДИ СЮДА!» Открывается дверь, входит ВЕДЬМА... В белом платье, цветы в волосах... И начинает ругаться! К огорчению, это оказалась просто Дамара.

А еще как-то раз девочки спросили про привидения у профессора Ифанофа. Бывают они, или нет? (Будто не знали, что еще как бывают!)

— Похоже, что бывают, — ответил профессор. — Был у меня граф знакомый. Однорукий — другую ему в битве отрубили. И как-то мы с этим графом спрятались в подвале замка от врагов. Я вижу — а у него

рука вместо отрубленной появилась. Только не настоящая, а такая, полупрозрачная... Шевелить ею граф мог, а вот шпагу взять — нет. Зато сквозь стену мог просовываться. Когда мы выбрались на волю, — рука исчезла... А когда граф умер, пошли слухи, что по замку бродит его привидение. Я не видел, но, наверно, и вправду бродит. Раз может быть рука, — должны быть и целые привидения. Вроде как человек, только вместо тела — скопление частиц света... Я думаю, в будущем, когда у науки будет время, она разберется. И тогда любой человек сможет стать привидением.

Через несколько дней после этого разговора Привидение Тихого Гостя объявило девочкам, что уходит.

— Почему? — спросили девочки.

— Потому. Я был Привидением, таинственным страхом. А теперь — я что?.. Облако частиц! Дурак он, ваш профессор. Я ухожу. Я так больше не могу!.. И не отговаривайте...

— Но куда?

— На север. В Жотлантию. Там, говорят, много привидений.

— Много, — подтвердила Лита. — Говорят...

— Вот. Заведу себе привиденческого котенка. А может, женюсь на привиденихе. И будут у нас привиденята... — И оно ушло.

Королевичи устроили на ручье запруду. Похоже, в этом месте и прежде была запруда — так удобно разлилась вода. Получилось небольшое море по имени Море (по-русски и по-бланедски одинаково).

Чтобы в Море никто не утонул, Доля Длинный и Крижа Крокодил хотели изобрести систему «антиутопия». Постелить на дно Моря сетку, которая по тревоге поднималась бы вверх, вместе с рыбами, лягушками и утопающими. Но так и не изобрели. Хорошо, что был в старшем классе королевич с острова Грид — Зажа. Зажа плавал лучше даже, чем дельфины. Потому что дельфины не умеют ногами вперед, а Зажа умел и научил всех принцев плавать.

А принцессы в Море не купались. На Бланеде в то время еще купальни не изобрели.

А еще в Море водились русалки. Их как-то Мижа видел. Идет он это теплой ночью по тропинке. Насекомые какие-то в траве попискивают. Вдруг слышит — с Моря плеск доносится и тонкий смех. Мижа пробрался сквозь кусты и видит: в Море, прямо посередине лунной дорожки плещутся две русалки. Мокрые такие, некрупные, величиной с девочку...

— Эй! — окликнул их Мижа.

А они взвизгнули и унырнули.

Потом Миже кто верил, кто не верил. Журиг говорил, что это у Мижи был лунный удар. Вроде солнечного, только хуже. А принцессы вообще над Мижиным рассказом смеялись.

Как-то на улице шел дождь. Принцы сидели дома. Волк Жариг тоже лежал тут, опустив голову на лапы, и грустно моргал. Мурсиг спал, завернувшись сам в себя, и даже Муня его не тревожил. И вообще была осень.

(217)

— Удава, что ли, девочкам через трубу запустить? — подумал вслух Журиг.

(Это Журиг недавно простукивал стенки, искал клад, а нашел переговорную трубу, ведущую в палату принцесс.)

— Да где его взять, удава...

— Я могу привезти с каникул, — отозвался Крижа Крокодил.

— А сейчас что делать? — сказали Ветя с Фидей. — Давай, мы ужей в лесу наловим?

— Эй, мужчины! — раздался голос из трубы.

— Чего?

— Хи-хи! Ничего! Проверка связи.

— Устарело! — сказал в трубу Журиг. И, подумав, добавил: — Рыжая!

— Сам рыжий! — ответила труба. — Приходите сейчас к нам?

— А что делать?

— Истории рассказывать. У нас камин горит...

Хорошо сидеть в тепле и уюте, глядеть на огонь и слушать истории. Особенно, если за окном темно, дождливо и холодно.

...История первая, рассказанная Надажей Избанской.

«У одного старика была прирученная змея. И вот старик умер, родственники его похоронили, а змею отдали в зоопарк. Приходят на могилу, на поминки. Видят: в земле — дырка. Думают, что такое? Копнули лопатой, и дырка глубже стала. Раскопали землю — и в гробу дырка... Открывают гроб — лежит мертвец, а на груди у него дохлая змея свернулась...»

...История вторая, рассказанная Журигом.

«В старом доме на чердаке жили девочка и мама. А из пола у них торчал ЧЕРНЫЙ КРЮК. Девочка об него все время спотыкалась и все говорила: «Мама, давай выкрутим ЧЕРНЫЙ КРЮК!» А мама отвечала: «Нет, дочка, нельзя». Однажды мама собралась на базар и говорит: «Дочка, играй во что хочешь, только не выкручивай из пола ЧЕРНЫЙ КРЮК». И ушла. А девочка стала играть в куклы, танцевать, ну и запнулась об этот крюк. Так больно-больно!.. Рассердилась, взяла и выкрутила... И тут раздался страшный гром, весь дом задрожал, потом все стихло и — тяжелые шаги по лестнице «ТОП! ТОП!» И к девочкиной двери подходят. И страшный-страшный голос говорит: «Девочка, девочка! Это ты выкрутила черный крюк? А у нас люстра обвалилась...»

...История третья, опять рассказанная Журигом.

«У нас в Тании как-то было два переворота за одну ночь. Вечером короля Гарла свергли враги, но он спасся, собрал верных людей и под утро снова захватил власть. Утром смотрит — а его сын куда-то пропал. Король еще один переворот устроил, ну все перевернул, весь дворец — нигде нету. Послал на поиск полицию.

А принц со слугою на лодке сбежали на остров. Там у нас много островов, все нормальные, а один — Проклятый. На нем люди пропадают. Туда они и пошли. Лодку привязали и пошли в лес. Погода такая хорошая. Ягоды, грибы... Вороны чирикают. Идут они, идут и выходят на поляну. Посередине поляны — бугор, а в бугре — пещера. Принц говорит:

— Всё. В этой пещере будем жить.

— А вдруг там медведи?

Принц говорит:

— А я им в глаз ножом, они и разбегутся.

Ну, ладно, полезли в пещеру. И вдруг дикий крик:

— А-а-а-а!.. Шмяк! Шмяк! — вылетели из пещеры, как из пушки, и в дерево впечатались. И в лепешку.

А полицейские сыщики с собаками уже все остров обшарили и добрались до Проклятого. А там лодка привязана. Собаки сразу — носы в землю и — по следу в лес. Сыщики за ними. Прибегают на поляну с пещерой. Валяется нож принца, а на деревьях отпечатки

«Алиса»-89

нашлепаны — много старых и два свежих. Что делать?... В пещеру лезть никто не хочет. Собаки тоже не идут, скулят и упираются. Тогда поставил министр полиции вокруг часовых, а сам поехал королю Гарлу докладывать:

— Ваше величество, принц расшибся в лепешку по неизвестным причинам.

А король ему:

— Раз так, хоть сам расшибись в лепешку, но пока всего не узнаешь, чтоб я тебя не видел! Казню!

Стал министр думать. Время идет, толку нет. Часовые поляну стерегут, никто из пещеры не выходит. Только под землей иногда такое будто урчание слышится: «У-у-у...» Наконец пришел к министру один алхимик и говорит: «Я могу узнать, что там в пещере. Мне только живая крыса нужна». Министр обрадовался и приказал крысу выдать. Алхимик взял крысу за хвост, покрутил и закинул в пещеру. Потом — такой свист: «Фиу-шлёл!» — крыса в дерево влипла. Тогда алхимик от дерева крысиный глаз отковырял и положил в раствор.

— В этом глазу сохранилось изображение, которое крыса видела перед смертью.

Прополоскал он глаз специальными веществами, вынул из него то-о-енькую пленочку, сунул ее под микроскоп и стал смотреть. Все ждут. Как вдруг у алхимика волосы зашевелились и прямо на глазах поседел. Все на него уставились, а он молча встал, пленочку из-под микроскопа вынул и бросил в огонь. Тут министр опомнился и кричит:

— Что-о?! Что ты там видел?!

Алхимик вылил свои растворы и хрипло отвечает:

— ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НЕ ДОЛЖНО ЭТОГО ЗНАТЬ!...

У-у-х-х... Вот это история так история! Красавица Надажа Избанская только не дослушала — уснула. «Пускай спит», — решили все и тихонько укрыли спящую красавицу одеялом. Потом пришли одеяло к матрасу (чтобы не сползло) и так же тихонько вынесли кровать с Надажей в коридор. А Надажа так и не проснулась. То есть утром она, конечно, проснулась, но это уж я не буду описывать.

Всего ведь не опишешь.

Как, например, Журиг эксперимент проводил по кверхупяточному загоранию. Если пятки загорят, мечтал Журиг, на них будет грязи не видно.

Как на уроках политики правила выдуманным государством. И хорошо, что государство было выдуманное, потому что начинающие правители то и дело доводили его до беды.

Как сплетница-ябеда принцесса Зонечка нашла у Литы под матрасом черное перо, и как Литя, Гольга и Журиг заставили ее держать язык за зубами.

Как девочки устраивали у себя в палате демонстрацию моделей одежды, а завхоз Гослоф думал, куда это девались его болотные сапоги.

Как девочки наконец услышали в камине таинственный вой и две ночи дрожали от страха, а потом мастер Дзаблин вытащил из дымохода бутылочное горлышко — хитрое воющее устройство Доли Длинного и Крижи Крокодила.

Как Доля и Крижа Крокодил изобрели рогатку с пружинной из конского волоса, и как потом королевичи учились вставлять стекла, и все лошади ходили без хвостов, и Литина лошадь тоже. Литя хотела всех поубивать, а потом привязала к орызку хвоста пучок разноцветных шелковых лент, и ее лошадь долго разглядывала хвост и удивлялась.

Как в Школе разыгралась война из-за молочного киселя (одни его любили, а другие ненавидели), и какие бои кипели на Суше и на Море. И как кисельники выкрали у врагов близнеца Ветю, а подсунули своего разведчика близнеца Фидю. Как в решающем сражении кисельников разгромили, и лишь Журиг со знаменем взобрался по водосточной трубе на самую крышу, и никто не мог его достать... А он смотрел,

как по небу плывут простоквашные облака, видел вдали колючие башни Дазборга и думал, что это защита от драконов...

Кстати, о драконах.

Как известно, драконы эти, огнедышащие чудеса-юдеса, часто неосторожны с огнем, и от этого возникают пожары. Известные изобретатели в уме Доля Длинный и Крижа Крокодил предложили для борьбы с пожарами вывести чудо-юдо огнедушашее. И назвать его ОГНЕДУШИТЕЛЬ.

Драконы вылупляются из каменных яиц. Высиживает яйцо папа. Мам у них не бывает. Свежевылупившиеся дракончики очень милы: чешуя серебристая, а перепончатые крылышки похожи на прозрачный зонтик.

Лирическое отступление

Песня, которую пел один трехголовый дракон (на три голоса)

Как можно одной головой обходиться?
Кто скажет, что можно, — тому вы не верьте.
Отрубит случайно какой-нибудь рыцарь —
И будешь ходить безголовым до смерти.

ПРИПЕВ:

Дракон трехголовый в три раза храбрее
(поскольку бояться в три раза стыднее),
Жует и глотает в три раза быстрее
И, самое главное, — втрое умнее.

И мы повторять не устанем слова:

Одна голова — это не голова!

Не слушайте всяких там, слушайте нас:

Одна — ерунда, а вот три — в самый раз!

Одна всех мудрее, и любит ромашки,

Другая глупа, но стихи сочиняет...

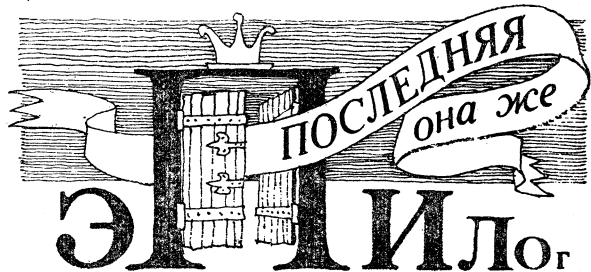
Допустим, две спят или режутся в шашки,

А третья дежурит, покой охраняет.

ПРИПЕВ:

Поэтому мы повторяем слова...

и т. д.

Большие события начинаются с маленьких событий. В Тании случился очередной переворот. Событие маленькое. Но к власти на этот раз пришел маршал, который раньше верно служил всем королям, а теперь сам решил покоролевствовать.

— Уж я наведу порядок в Тании! — грозился он.

И начал с того, что все каменные дома переоборудовал в тюрьмы, чтобы сажать недовольных. Очень скоро все недовольные сидели по тюрьмам, а которые не сидели — притворялись довольными.

— Я навел порядок в Тании! — хвастался маршал. — И на всей Бланеде наведу! И начну со Здраны!.. Мы тут нищенствуем, а они — третий год в мире, и такое богатство! Я им покажу!..

И объявил Здране войну.

Здрана давно следила за маршалом, и к войне была готова. Да уж больно не хотелось воевать... Но напрасно министр мира и сам глава правительства пытались договориться с королем-маршалом, — предлагали ему большой откуп, только бы отложить войну...

— Я — не дипломат, я — военный, — отрубил маршал. — Сказал: «Война!», значит, война! Все ваши богатства и так будут моими...

...Профессору Ифанову приснился страшный сон. Ему снилось, что понаехали короли и разобрали своих детей. И дворец снова оказался заброшенным. И вода ручья понемногу размывает запруды, и джунгли постепенно переползают со второго этажа на первый, и дорожки парка зарастают травой и кустами... И среди этой заброшенности бродит Плачущее Привидение — сам Ифанов... Профессор проснулся с болью в сердце и сказал:

— Ну, ладно, сон. А если — вещий?..

А короли действительно съезжались в Дазборг. Их сразу принимал глава правительства Здрана.

— Я бы помог, о чем разговор... — сказал король Избании Фазя Девятый, стесняясь посмотреть главе правительства в глаза. — Да я сам с Врандзией воюю. Я приехал Надаженку из Школы забрать. Временно... Пока вы с Танией справитесь...

— Я бы, конечно, за вас вступился, — заверил главу правительства король Врандзии Зерёша Четвертый. — Но вы сами видите, третий год с Избанией сражаюсь. Все войска заняты — ни полка свободного...

— Да-да, понимаю, — кивал глава правительства. — Если вы за принцем Мижей, — то не стесняйтесь... Не один вы. Все принцев забирают...

В школьном дворце стоял необыкновенный шум: по палатам с ремнем в руке гонялся за сыном Гольгин отец.

— Не поеду! — кричал Гольга, кидая в отца стулья и загораживаясь кроватями. (Нехорошо кидаться стульями, но в гольгиной семье это было привычным делом).

— Поедешь! — кричал отец, отбивая стулья ремнем.

— Не поеду никуда! — кричал Гольга, обрушивая на папу шкаф.

— Куда ты денешься! — кричал отец, уклоняясь от шкафа и хватая гольгин башмак.

— Не поеду! — кричал Гольга, и в одном башмаке вылетел в окно.

— Поедешь! — взревел король, вылетая следом.

— ...Здравствуйте, дорогой союзник! — поприветствовал его Зерёша Четвертый.

— Привет... — буркнул Гольгин отец и погрозил сыну ремнем: — А ну, слезай с дерева, паршивец! Не хочет ехать домой... — пожаловался он Зерёше. — Прижился тут... Упрямый — весь в меня!

— Я вот тоже за своим, — сказал Зерёша. — Что-то не встречает... Ваш-то — здоровый лоб вымахал, почти с отца, а по деревьям лазит...

Гольга как раз соскочил с дерева и бросился во дворец. Отец махнул рукой, надел и застегнул свой ремень:

— Вот еще... За тобой гоняться!.. Поедешь, как миленький.

— ФИГУШКИ!.. — слышался Гольгин голос, и во дворце стали захлопываться двери и ставни.

...Из Дазборга подъезжали кареты с остальными королями. Но дворец не открывался ни для кого. Он стал неприступной крепостью.

Короли стучались и звали свои чада, сложив ладошки в рупор:

— Миж!..

— Дамара!

— Кена!

— Фофочка!.. Это же я, твой папочка!

Открылось окно на втором этаже, и показался Миж.

(219)

— Миж!.. — кричал Зерёша Четвертый. — Поехали домой! Мама ждет!

— Не могу! — ответил Миж. — В другой раз!

— Какой другой раз?.. Война же!.. А в плен попадешь — ты же за всю Врандзию заложник!

В это время король Избании Фазя Девятый кричал своей дочери, которую увидел в другом окне:

— Надаженка!.. Ты с ума сошла? Здрана в опасности!

— Значит, надо заступиться, — сказала из окна Надажа.

— Но я же занят!.. Я с Врандзией воюю... — объяснял Фазя Девятый.

— ...Я же с Избанией воюю. — оправдывался перед сыном Зерёша Четвертый, кивая на Фазю, — вон, с ним.

— Значит, не надо воевать, — отвечали дети.

— Ну, знаешь ли... — рассердился Зерёша. — Это пока не твое дело. Он первый полез. Подрастешь — и сам будешь воевать.

— Не буду! — сказал Миж.

Переговоры до вчерашнего не привели ни к чему. Королевичи не хотели предавать свою Школу, своего профессора, всю Здрану. И... Журига. Журигу-то некуда было ехать: его мама сидела в тюрьме.

Гольгин отец предлагал штурмовать дворец. Вышибить дверь — и дело с концом... Но дверь была очень крепкая, а двероломной машины у королев не было. Кто-то нашел за сараями лестницу — ее приставили к окну второго этажа. Покуда спорили — кому первому лезть, лестницу втащили в окно принцы...

Вместо того, чтобы ехать в гостиницу, короли расположились вокруг дворца лагерем, жгли костры. Король Англии пожертвовал в общий костер здорового кабана.

— Сам добыл на охоте, — похвастался он.

Ночь была теплая, звездная и историческая... Во дворце совещались королевичи; под стеной у костра — короли.

— Вообще, конечно, жалко эту Здрану, — рассуждали короли, глядя на огонь и вороша угли. — Поэты у них расплодился, художники... Дороги хорошие, удобные. Кабаны вкусные... Одна такая страна, конечно, нужна... А этот солдафон из Тании Здрану захватит — и ведь не остановится...

Словом, ближе к рассвету короли сдались. Решили оказать Здране военную помощь. Фазя и Зерёша помирились (не обещаю, что навсегда, но помирились). Признаюсь, по этому случаю все короли хлебнули малость вина. Есть такое Пуркунтское вино — только для королев. Зерёша Четвертый в ту ночь подружился с королем Пуркунтии.

— ...Ты меня уважаешь-шь? Я тебя уважаю-жаю... — признался король Пуркунтии. — Хочешь, за наследника твоего... Дамарку отдам? Она красивая!.. А в приданое — полкоролевства!

— ...Да с радостью! — ответил Зерёша. — Вот только еще сына спрошу... Сейчас такое время, надо спрашивать. Полкоролевства — за это уважаю...

— А я уважаю сына, — вмешался Гольгин отец. — Вот, уж не он меня, а я его слушаю. Такому можно доверить королевство. Таким и Бланеду можно доверить...

И все с ним согласилось: «Пусть доучиваются. И — доверим!»

Верьте, читатели, мне без опаски:

Не было в мире правдивее сказки!

В ней нету почти что ни слова вранья,

И все так и было, как выдумал я.

Кто может — поверьте, а кто не поверит, —

Пускай на Бланеду летит и проверит.

...Кстати, вернется — расскажет о том,

Как же и что же там было потом.

А у меня — ВСЕ.

«Аэлита»-89

СЧАСТЬЕ

Анатолий ФИСЕНКО

- Боюсь, опоздали — пульс нитевидный.
 - Введи камфару.
 - Они вытащили его и лишь потом позвонили!
- Это надо было сделать вначале...

В начале жизни, когда окружающее только начало имена, главными для меня стали не отец с матерью, а воспитатели детского дома, который располагался на окраине Н-ска и был не лучше и не хуже других подобных учреждений. Жилось нам относительно неплохо, но иногда накатывалась обида от кажущейся неполноценности — мы становились вспыльчивыми, уединялись, чтобы никто не видел наших слез. Такое чаще случалось при появлении новых или «старых» родителей.

Однажды это произошло со мной.

Прекрасно помню то яркое февральское утро: мороз серебрил заиндеветые окна, а во дворе на ветвях лип распушили перья озябшие снегири. Я устроился на подоконнике и рассеянно возил карандашами по бумаге, искоса наблюдая за высоким мужчиной у ворот. Он топтался среди сугробов, снег густо лежал на его плечах и шапке — именно таким мне представлялся Дед Мороз. Вдруг я ощутил на себе пристальный взгляд, обернулся — заведующая.

— Там внизу... К тебе.

Наверно, она успела накинуть пальтишко, потому что во дворе я не ощутил холода.

Это стоял отец. Сияло солнце, сверкал снег, и в этом удивительном мире не было никого счастливей нас. Вскоре я стал забывать о детском доме и лишь иногда вздрагивал ночами от странного чувства нереальности, от смутных воспоминаний, еще вторгавшихся в сны.

Счастье — короткое слово, но вмещает и походы в лес, и уютные вечера за шахматами, и долгие беседы о минувшем и будущем. Порой казалось, что отцу известно про меня все, когда же я расспрашивал о нем, мы вдруг спешили в парк, на стадион или еще куда-нибудь, где было не до расспросов.

Лишь об одном я тогда жалел: что его работа в институте занимала слишком много времени, которого и так не хватало, чтобы наверстывать горькие годы одиночества. Даже ночами, просыпаясь, я видел его склонившимся над чертежами и книгами. А как-то утром, собираясь, он обнял меня и долго молчал. Последние недели он был задумчивее обычного, теперь же его лицо, бледное и растерянное, поразило меня.

— Оставайся, — предложил я, — сходим в кино.

Он грустно улыбнулся:

— Когда вернусь.

И погиб при взрыве лаборатории.

Неправда, что годы лечат — просто к боли привыкают.

- ...Привыкают, а я не могу видеть умирающего.
- Мы врачи. Похоже, он слышит — веко дрогнуло.
- Показалось. Иди, отдохни.
- После.

(220)

После одиннадцатилетки я поступил в институт и, как отец, занялся биофизикой. Ученые знают, что под воздействием электричества на определенные участки мозга вспоминаются минувшие события. Но активна лишь незначительная часть клеток. Назначение остальных — тайна. А я доказал: именно они аккумулируют прошлое, и в него можно проникнуть, используя их энергию.

И настал миг, когда за мной, отсекая настоящее, сомкнулись створки хронокамеры. А потом... Узкая улица, запыленная снегом. Фонари, слепо озирающие улицу. Ветер, радужными блестками осыпающий фонари. И я, знающий под размеренный скрип снега, что воспитательница ведет нас завтракать, а потом я устроюсь у окна и стану рисовать белую сказку. Но случайная витрина отразила высокого мужчину с моим лицом. Время повернуло вспять, и теперь я стал гостем в нем.

Я восторженно бродил по Н-ску, разглядывая полузабытый город, а перед концом контрольного срока оказался на его окраине. Все дороги ведут в Рим, а все пути моего прошлого сошлись у детского дома. Я смотрел на него, забыв о времени, а оно забыло обо мне: специально прозвенели часы на городской башне, но снежинки продолжали таять на моем лице. Что-то случилось в хронокамере, это предусматривалось, требовалось просто переждать, поэтому я по заранее подготовленной «легенде» устроился на работу по специальности, обзавелся друзьями — и ждал, ждал, ждал, но тоскливыми бесконечными ночами все чаще возвращались цветные воспоминания детства, а если и подступал долгожданный сон, то чтобы показать страдающего от великого одиночества мальчишку, ждущего чуда возле морозного окна. Я понимал, что, отправившись к нему, замкну элементарную «петлю времени», но крепнущая догадка о судьбе отца постепенно стала уверенностью: именно мне предстоит путь до руин горящей лаборатории. И вновь настало последнее утро, когда из подъезда выбежал мальчишка в распахнутом пальто, замер и, словно очнувшись, бросился ко мне. Не помня себя, я подхватил его на руки!

— Здравствуй, сынок. Вот мы и встретились!

— ...Встретились с неизбежностью — остались секунды. Нас вряд ли проинформируют, что взорвалось в лаборатории.

— Говорят, напоследок вспоминается вся жизнь, но чтобы умирали с улыбкой... Что ему видится, доктор! Прошлое!

— Или грядущее. Или несбывшиеся мечты. Кто знает? Подсознание порой рождает странные образы. Точно одно — ему достались счастливые сны...

АЭЛИТА-89

Фантастика «Уральского слепопыта»

СОДЕРЖАНИЕ

1. В. Малов. Под Солнцем Матроса Скжирка. Повесть	2
2. А. Больных. Видеть звезды. Повесть	27
3. А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Жук в муравейнике. Сценарий	55
4. А. Ульяновский. Колесо	87
5. Н. Копылов. Невидимки	94
6. Л. Арабесков. Конкурс мистера Гопкинса	101
7. С. Другаль. Язычники. Повесть	105
8. В. Васильев. Садовая, 7	172
9. Л. Смирнова. Багровые пятна	174
10. Т. Титова. Было море звезд	181
11. Н. Резанова. Вид с горы	183
12. Н. Леонов. Некролог	187
13. Ю. Блохин. Банзай	189
14. П. Калмыков. Школа мудрых правителей. Повесть-сказка	191
15. А. Фисенко. Счастье	220

«Аэлита»-89

Фантастика под микроскопом

Обзор ответов на викторину-89

Виталий БУГРОВ, Ольга Князева

Итак, 14-я наша викторина...

Ее статистика не в нашу пользу. Участники викторины с восторгом приняли новшества, количество же отвечающих (в прошлом году их было 346 человек) пошло на убыль. Притом очень резко. На тур 1-А отвечали нынче 130 человек, 115 — на тур 1-Б. (Добавим в скобках, что женщин среди участников викторины-89 около 9 %, а школьников и учащихся ПТУ — около 38 %).

Нас, впрочем, почти не удивил этот спад. Дело тут вовсе не в сложности самой викторины.

Сложное, насыщенное событиями время переживает наша страна, а с нею — все, кого волнуют ее судьбы, в том числе, разумеется, и любители НФ. Нам и самим-то все труднее отказываться от ежедневного просмотра газет и теленовостей, от чтения все увеличивающегося минимума периодики, не имеющей к НФ никакого видимого отношения; оттого мы прекрасно понимаем и ничуть не в обиду на наших читателей, на избыток свободного времени не жаловавшихся и прежде. Однако сами от викторин покамест все-таки не отказываемся — тем более, что к этому в самой категорической форме призывают нас и читатели. В том числе и те, кто внешне в ней не участвуют.

Подобрать эпиграфы к обзору на этот раз нам помогли М. Захаров (д. Заречье Тульской обл.), К. Киреев (Куйбышев), В. Колядин (Рязань), Н. Ломоносова (Краматорск), К. Максимов (Киров), Р. Масленников (Кострома), В. Подымов (Липецк), В. Полуэктов (Ленинск КазССР), В. Почиталин (Орск), О. Федоркин (Мытищи), Н. Шахова (Благовещенск), А. Яковлев (Ульяновск).

Тур I-A

— С прискорбием вынужден признать, что не читал этих книг, — произнес Морган, усвоив предложенную информацию. — Если бы читал, то, надо думать, многое далось бы мне легче.

А. Кларк. Фонтаны рая

Вопросы этого тура наиболее традиционны для наших викторин. В последние годы мы начали использовать их в качестве стартовой площадки для разнообразных рефератов, это должно было повториться и в нынешней викторине — но, к сожалению, не повторилось. А в результате тур неизбежно был сведен к разнонаправленным скучноватым раскопкам курганов НФ в поисках единственно верных однозначных ответов. Что ж, извлечем урок на будущее...

1-А. «ОБЛАЧИВШИСЬ, Я ВСТАЛ ПЕРЕД БОЛЬШИМ ЗЕРКАЛОМ. ЗРЕЛИЩЕ БЫЛО СТРАШНОВАТОЕ, НО Я ОСТАЛСЯ ДОВОЛЕН. ХВОСТ ТЯНУЛ МОЕ ТУЛОВИЩЕ НАЗАД И КНИЗУ, ОТЧЕГО ПОХОДКА У МЕНЯ

СТАЛА УТИНОЙ, ВПЕРЕВАЛКУ, НО ЭТО ТОЛЬКО УСИЛИВАЛО СХОДСТВО С ЯЩЕРОМ». ОТКУДА ВЗЯТ ОТРЫВОК?

Мезозойского ящера трудно счесть красавцем с любой точки зрения.

Г. Гор. Странник и время

Заметим вскользь: возможно, Г. Гор и прав — но не упустил ли он из виду точку зрения самого ящера? Заметим также, что, быть может, эпиграфом здесь лучше смотрелась бы цитата из рассказа «Исключение из правил» Д. Биленкина: «Мимходом он посмотрел на себя в зеркало. Оттуда на него глянула чудовищная маска. Монстр, да и только...» — не дублирую она столь разительно ситуацию, намеченную вопросом.

Вопрос же оказался самым легким в туре: для 61 участника викторины не составило тайны, что в нем использован рассказ Г. Гаррисона «Ремонтник» (в другом переводе — «Мастер на все руки»).

1-Б. «ВОЗМОЖНО, ВЫ ЕЩЕ ПОМНИТЕ, КАК БЫЛ УДИВЛЕН МИР, КОГДА ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА

МАРС ОБНАРУЖИЛА СЛЕДЫ НЕ ОДНОЙ, А ДВУХ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ». ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭТА ЦИТАТА!

— Для нас это пока тайна. Теоретики разработали любопытную гипотезу, но проверить ее оказались не в силах.

В. Головачев. Владыки

«У Вейнбаума в рассказе «Марсианская одиссея» было найдено на Марсе две цивилизации, — пишет 7-классник Сергей Крамич (п/о Коробы Могилевской обл.). — Но там не было этих слов. Что-то староватое и не наше». Верно, не наше. Однако не столь уж и старенькое. Цитата в вопросе взята из рассказа А. Кларка «Юпитер Пять» — опубликовался он неоднократно, но узнали его лишь 7 участников викторины.

2-А. «— КОШМАР! НА ЧТО МНЕ СДАЛСЯ СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК!.. МНЕ И В ДВАДЦАТОМ БЫЛО НЕПЛОХО. А ЗДЕСЬ МЫ БУДЕМ ИМЕТЬ МАССУ НЕПРИЯТНОСТЕЙ. ЭТО Я ВАМ ТОЧНО ГОВОРЮ...» ЧЬИ ЭТО СЛОВА И ОТКУДА ВЗЯТЫ!

— Вот здорово! — удивилась она. — Здесь снимается исторический кинофильм.

— Нет, — спокойно ответил Клим. — Это не кино.

— А что это?

— Это... это, по-моему, семнадцатый век.

М. Михеев. Год тысяча шестьсот...

В отличие от героев повести М. Михеева, боцман Птуха (чьи слова приведены в этом, как выяснилось, самом каверзном вопросе тура) и его товарищи блуждают все-таки не во времени, а в пространстве. Происходит это в романе М. Зуева-Ордынца «Сказание о граде Ново-Китеже». А дознались до этого лишь 3 участника викторины, в том числе — Г. Лукин (с. Семеновка Целиноградской обл.), автор вопроса. Вот вам, кстати, и ответ на другой вопрос, который часто всплывает в ваших письмах: нельзя ли как-нибудь поощрять тех, чьи задания используются в викторинах? А это разве не поощрение — возможность отвечать на свой собственный вопрос?

2-Б. «ЕДИНСТВЕННОЕ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ВРЕМЕНЕМ И ЛЮБЫМ ИЗ ТРЕХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО НАШЕ СОЗНАНИЕ ДВИЖЕТСЯ ПО НЕМУ». ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭТА ЦИТАТА!

— И все это из-за Эйнштейна, — шуточно вздохнул профессор Иванов. — До начала нашего века со временем все было просто.

Я. Бялецкий. Абсолютное время

Если по большому счету, так ли уж и прав профессор Иванов? Ведь цитата в вопросе взята из романа Г. Уэллса «Машина времени», вышедшего еще в 1895 году... Роман этот популярен и сегодня — не случайно указали на него 60 наших читателей. Кстати, кое-кто из них подсказывает нам, что в качестве эпиграфа к одной из глав цитата из Уэллса использована А. и Б. Стругацкими в повести «Понедельник начинается в субботу»...

3-А. «БЛАСТЕРЫ — ЭТО ЛУЧИ ПОЛНОГО УНИЧОЖЕНИЯ, КОТОРЫЕ УСТРАНЯЮТ С ПУТИ КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ НЕПОКОРНЫЕ МЕТЕОРИТЫ, КОГДА С ТЕМИ НЕ СПРАВЛЯЮТСЯ ОТРАЖАТЕЛИ. СОЗДАВАЛИ ИХ НЕ ДЛЯ ВОЕННЫХ ЦЕЛЕЙ, НО ОНИ ВПОЛНЕ МОГЛИ СЛУЖИТЬ ОРУЖИЕМ». ГДЕ МОЖНО НАЙТИ ЭТО ОПИСАНИЕ!

— Излучатель! Собственно,

в первую очередь это инструмент. М. Пухов. Человек с пустой кобурой

Увы, история рода человеческого показывает: все, что могло служить оружием, в конце концов им становилось, и судьба бластеров — не исключение: ныне это — едва ли не самое популярное оружие уже и в советской фантастике... Цитата же, как свидетельствуют 35 участников викторины, взята из известного рассказа М. Лейнстера «Первый контакт» (с ним в свое время полемизировал И. Ефремов в повести «Сердце Змеи»).

«Судя по тому, как автор подробно объясняет, для чего они, собственно, нужны, эти самые бластеры, — размышляет Н. Булатова (Тамбов), — можно предположить, что он же их впервые и придумал...»

Вопрос к эрудитам: так ли это?

3-Б. «ФОКУСНИК ЩЕЛКНУЛ ПАЛЬЦАМИ, ДОСТАЛ ИЗ ВОЗДУХА ЧЕРНУЮ КОРОБОЧКУ, РАЗДЕЛИЛ ЕЕ НА ДВЕ ЧАСТИ И РАЗВЕЛ ИХ ВО ВЕСЬ РАЗМАХ. РАДУГА ПОВИСЛА НАД КОРЗИНОЙ, И В ВОЗДУХЕ ЗАПАХЛО СВЕЖЕСТЬЮ, МЕЛКИЕ КАПЛИ ПРОХЛАДНОГО ДОЖДИКА УВЛАЖНИЛИ ВИНОГРАД». ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭТА СЦЕНА!

— Фокусы! — спросил он. — Знаю я эти фокусы!

Б. Штерн. Фокусники

И читатели наши — тоже знают. Правда, все-таки далеко не все: рассказ С. Другалы «Экзамен» узнали 22 участника викторины.

4-А. «ПОМНЮ, В ОДНОЙ СТАРОЙ КНИГЕ БЫЛА СМЕШНАЯ ИСТОРИЯ О ГОЛОМ ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ НЕНАРОКОМ ЗАХЛОПНУЛ ЗА СОБОЙ ДВЕРЬ...» О КАКОЙ «СТАРОЙ КНИГЕ» РЕЧЬ — И В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ!

Какой идиот подsunул этому жестяному чуду Ильфа и Петрова!

А. Валентинов. Микки

«Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова весьма популярны в НФ: об этой «старой книге» — по свидетельству В. Колядина (Рязань) — вспоминаешь, когда читаешь, к примеру, «Анюту» Л. Агеева, «О, марсиане!» Г. Шаха, «Алгоритм успеха» В. Савченко...

«Старую книгу» опознали 53 наших читателей. Источник же цитаты — рассказ Д. Биленкина «Гениальный дом» — определили лишь четверо. В том числе — 10-классник из Калуги В. Черников.

4-Б. «— КАК ТЕБЕ ПРАВИТСЯ МОЯ ОБНОВКА! — СМЕЯЛСЯ СОКРАТ. — Я ТРУДИЛСЯ НАД НЕЙ ВСЮ НОЧЬ. И ЗДОРОВО ПРОГОЛОДАЛСЯ». ИЗВЕСТЕН ЛИ ВАМ ДАННЫЙ СОКРАТ!

— И кто только придумывает всем этим агрегатам такие названия! — буркнул Андрей. — Тоже мне, «ЭРАЗМ»!

В. Шефнер.
Дезушка у обрыва

«Лобастый афинский мудрец Сократ довольно часто появляется в фантастике, — пишет В. Молчанов (Пермь). — Его имя присваивают, как правило, положительным персонажам — библиотекарю (Р. Брэдбери. Лучезарный Феникс), старому ученому Саянову (А. Дмитрук. Дорога к источнику), философу-астроному (В. Бережной. Эфемериды любви). Есть и кот Сократ (А. Шалимов. Гость), и Сократ-робот (А. Громова. Поединок с собой), и СОКРАТ-компьютер — в рассказе О. Неффа «Лентяй», из него и приведен отрывок в задании. А в повести М. Маркова «Ошибка физиолога Нью» на целой странице идет спор — кто красивее: Сократ или Аполлон? И решено — Сократ!»

К столь исчерпывающему ответу нам осталось только добавить, что рассказ О. Неффа назвали 43 участника викторины. И что имя компьютера являет собой аббревиатуру (отсюда — прописные буквы) его характеристики: СуперОрганический Кибернетический Регенерационный Анэлектрический Тахионный.

5-А. «— СКОЛЬКО ВАМ СЕЙЧАС!

— СКОЛЬКО СЕЙЧАС! — ОН ПОДНЯЛ ГОЛОВУ И УПЕРСЯ ВЗГЛЯДОМ В НИЗКИЙ ПОТОЛОК. — КОГДА НАЧАЛАСЬ ЭТА ЗАВАРУХА, БЫЛО ПЯТЬДЕСЯТ. С ТЕХ ПОР ПРОШЛО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ, ЗНАЧИТ ПРИМЕРНО ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ ИЛИ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕМЬ». ОТКУДА ЭТОТ ДИАЛОГ!

Нет, граждане, время — это вам не пространство.

В. Савченко. Встречники

Воистину так: много чего приключается со временем в фантастике! Впрочем, и с пространством — если подумать — тоже.

Героя, для которого двадцать лет «сжалось» до шестнадцати или семнадцати, 7 наших читателей отыскали в рассказе С. Гансовского «Кристалл».

5-Б. «ПО ПЕСКУ ИДТИ БЫЛО ТРУДНО. ПОЧЕМУ ЭТО В КОСМОСЕ

ТАК МНОГО ПЛАНЕТ, НА КОТОРЫХ НЕТ НИЧЕГО, КРОМЕ ПЕСКА!» ГДЕ ПРИВЕДЕНО СТОЛЬ МЕТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ!

Почти все цивилизации при моделировании миров проходят через этап вот таких песчаных планет. Тут какая-то закономерность. Или люди думают, что проще песка уже нет ничего на свете!

**В. Колупаев.
Седьмая модель**

Типичная ситуация «яйца или курицы»: обилие песчаных планет в фантастике рождает соображения, подобные приведенным выше, — или же это и впрямь убежденность фантастов в конечной простоте песка ведет к моделированию все новых «Песчанок»?

По поводу же вопроса викторины процитируем детективно настроенного 10-классника Алексея Горобца (Находка Приморского края):

«На этот вопрос не ответить грех. Можно исходить даже из дедуктивного метода. Какого цвета песок? Оранжевого. Следовательно, как будут называться планеты, с учетом того, что у них нет возвышенностей и впадин? Шаром, оранжевым шаром. Осталось только найти автора. Но это еще легче. Открываем «Юный техник» за 1986 г., № 11 и видим: «Оранжевый шар» А. Константинова».

Так или иначе, но правильно на этот вопрос ответили 45 читателей.

6-А. «КСИЛЛЫ, КАК ПРАВИЛО, СТРОЯТ ПО ОДНОМУ ОБРАЗЦУ. ОНИ ИМЕЮТ ФОРМУ ДИСКА, ДИАМЕТР ИХ КОЛЕБЛЕТСЯ ОТ 15 ДО 150 МЕТРОВ, А ТОЛЩИНА В СЕРЕДИНЕ — ОТ 2 ДО 18 МЕТРОВ». ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭТА ЦИТАТА!

По-настоящему изучить ксиллы я смог лишь после того, как нашел крупные пласты. Впрочем, все о ксилле, конечно же, узнать еще предстоит.

А. Ромов. Голубой ксилл

Похоже, действительно — предстает. Ибо вот вам — еще одна версия, о которой нет-нет да и вспоминали отвечающие: «Сутки спустя Биранделли обнаружил у себя в постели ксилла — крохотного, похожего на репейной зверька, с такими же, только ядовитыми колючками... Но не будем интриговать: зверек обитает в рассказе Д. Биленкина «Тихий звон колокольчика».

А ксилл как средство передвижения 24 участника викторины нашли в романе Ф. Карсака «Пришельцы ниоткуда».

1989-й... 1989-й?!

Краткая хроника событий, «запланированных» фантастами

Хроника этого года значительно обильнее, чем предыдущего. Трудно сказать — почему. Год-то отнюдь не «круглый»... Быть может, просто скрупулезнее оказались наши добровольные помощники? По шесть событий нынешнего года, намеченных фантастами, нашли В. Гуревич (Комсомольск-на-Амуре) и А. Почув (Донской Тульской обл.), по пять — А. Дороднов (Ульяновск) и В. Молчанов (Пермь), по четыре — Н. Дмитриева (Донецк) и В. Сиземов (Новосибирск), внесли свою лепту и другие наши читатели. Мы признательны вам, друзья, за это традиционное внимание к датам грядущих происшествий. Из обязательных-то заданий викторины вопрос «о событиях» давно уж выведен, поскольку же расставаться с ним откровенно не хочется — надеяться нам и впредь остается лишь на эти добровольные ваши взносы в общую копилку...

1989. ЯНВАРЬ. Обнародованы секретные протоколы, свидетельствующие, что под прикрытием киносьемок Институт лучшей энергии (США) опробовал на острове в Южных морях лазерное оружие (Б. Лукин. Загадка острова Мельпомены. 1986).

1989. Родился Эвальд Молчанов, в будущем — космонавт-коммуникатор (В. Головачев. Великан на дороге. 1978).

1989. НАЧАЛО ФЕВРАЛЯ. В результате успешно завершившегося эксперимента перешли в другое измерение супруги Полли и Питер Хорн — чтобы увидеть истинный облик своего сына Пая, родившегося в виде голубой пирамидки (Р. Брэдбери. А ребенок — завтра. Рус. перевод — 1972).

1989. На корабле с ионным двигателем стартовала экспедиция к Плутону (Л. Найвен. Дождусь. Рус. перевод — 1971).

1989. Трассы времяходов фирмы «Вести из Грядущего» коварно блокировали пираты из конкурирующей компании (М. и Л. Немченко. Ехал король воевать... 1969).

1989, 12 МАЯ. Исполнилось 10 лет с того дня, когда в одном из зоопарков в качестве донора для диковинного экспоната — клопа — добровольно поселился размноженный «обывателиус вульгарис» 20-х годов Присыпкин (В. Маяковский. Клоп. 1929).

1989. Психологи Гарвардского университета провели секретное исследование «Проект Барсум»: подопытным группам населения внушалось, что человечество вступило в контакт с веземной цивилизацией, а отдельным индивидуумам — и их непосредственное участие в общении с инопланетянами (А. Кларк. Космическая одиссея 2001 года. Рус. перевод — 1970).

1989, 20 ИЮНЯ. Стартовали корабли экспедиции, призванной обследовать трассу Земля — Бета Кассиопеи, и среди них — «Диана», чей экипаж впервые составила супружеская пара (Г. Анфилов. В конце пути. 1959).

1989. На Уране издан основанный на личных наблюдениях трактат местного ученого «Жизнь людей», ставший вскоре популярным и на Марсе с Венерой, а в 2012 году переведенный и на Земле (А. Моруа. Из «Жизни людей». Рус. перевод — 1967).

1989, 20 ИЮЛЯ. На Земле появились «Золотые корабли». Пытаясь уничтожить их, люди взорвали все свои ядерные заряды и тем самым убили всякую жизнь на планете (Я. Вейс. Несгибаемый человеческий дух. Рус. перевод — 1988).

1989. Прекращен выпуск фотобумаги, на которой — задолго до полетов на Венеру — был снят венерианский, по мнению специалистов, пейзаж (Д. Биленкин. Все образы мира. 1979).

1989. Бургундское нынешнего урожая обречено стать со временем самым старым и дорогим — что, впрочем, вполне естественно (Е. Велтистов. Ноктюрн пустоты. 1982).

1989. Через 12 лет после старта вернулся на Землю космонавт Ильин — пионер Космоса, считавшийся погибшим (В. Савченко. Навстречу звездам. 1955).

1989, 13 СЕНТЯБРЯ. Доктор Эдмундо Скотто уснул и заморозил на 100 лет преподавателя истории Альмейду (А. Бийо Касарес. Встреча. Рус. перевод — 1973).

1989, 16 СЕНТЯБРЯ. В день празднования 200-летия американской Конституции взорван корабль с экспедицией, возвращающейся с Марса; погиб последний бело-головый орел — национальный символ США (Л. Райноу. Год последнего орла. 1970. Рус. перевод — 1972).

1989. По сообщению Далай-ламы, высоко в горах Тибета укрылись от контактов с землянами «звездные люди» — инопланетяне (М. Гребенюк. Парадокс времени. 1979).

1989. В США создано министерство паранормальных дел, призванное контролировать, изучать и использовать для общего блага необычные способности отдельных индивидуумов (Б. Дэннелс. Специальному помощнику директора. Рус. перевод — 1973).

1989. С помощью Службы Времени разъехались по разным эпохам, получив из-за несовместимости характеров «абсолютный развод», супруги Тропинины (Ю. Никитин. Абсолютный развод. 1985).

1989. Посланцы Земли впервые высадились на Марсе, положив начало марсианскому летосчислению (А. Кларк. Преступление на Марсе. Рус. перевод — 1969).

1989. Физик Оскар Линг получил Нобелевскую премию (О. Нефф. Портонское зелье. Рус. перевод — 1987).

1989. КОНЕЦ ГОДА. Токсикологу Алексею Шукину выдано удостоверение экспорта по безопасности — для работы в создающемся Международном комитете по разоружению (В. Бабенко. Встреча. 1986).

Кроме того, по-прежнему продолжают спать, замерзнув во льдах и снегах, герои книг «33 марта» В. Мелентьева (1957), «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафроновых (1958), «Прыжок в послезавтра» П. Воронина (1970), «Завещание каменного века» Д. Сергеева (1971) и многих других.

Кроме того, по-прежнему же находятся в пути туда и обратно многочисленные путешественники во времени...

6-Б. «ТРИСТА ЛЕТ НАЗАД ГРУППА БЕЖАВШИХ С ЗЕМЛИ АВАНТЮРИСТОВ... УЧРЕДИЛА НА НЕПТУНЕ СВОЮ КОЛОНИЮ...» ГДЕ ПРИВЕДЕНА ЭТА ВЕРСИЯ НАЧАЛА КОЛОНИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ НЕПТУН!

— Ох, уж мне эти космические истории! — вздохнул он, садясь в лифт.

И. Варшавский. Неядяки

Историю, приведенную нами, 20 участников викторины отыскали в рассказе С. Снегова «Эксперимент профессора Брантинга».

7-А. НЕ ВСТРЕЧАЛСЯ ЛИ ВАМ В НФ «МЕТОД КАСПАР-КАРПОВА»?

— Это как понимать!.. Это что — издевательство! Это мы куда заехали!

А. Шалин. Заблудились

Ни иронии, ни тем более издевательства — ни-ни!.. Тем более, что никакого отношения к шахматам «метод Каспаро-Карпова» не имеет, ибо означает систему жесткого кодирования на кристаллическую квазибиомассу. Да и появился онный метод — когда нынешнего, во всяком случае, владельца шахматной короны уж точно не было еще и на свете. Ведь «заехали»-то мы в хрестоматийную повесть А. и Б. Стругацких «Полдень, XXII век (Возвращение)» — в ее главы «Загадка задней ноги» и «Свечи перед пультом», до выхода книги печатавшиеся в виде отдельных рассказов еще в 1961 году.

Вот о развитой интуиции Стругацких, безмерной их чуткости к будущим событиям — да, об этом очень даже всерьез (и не без эмоций) рассуждают отдельные наши читатели из числа тех 27-ми, которых, похоже, не очень и удивил наш вопрос.

7-Б. КТО ТАКОЙ — И ГДЕ ПРОЖИВАЕТ — СИННИТИ КОМАЦУ!

— Зачем ты назвал себя Данте Уэллсом!

В. Зегальский. Приключения в кольцах Сатурна

В одном из писем читаем: «Ну, насколько мне известно, Синити Комацу — японский писатель-фантаст, значит и проживать он, вроде бы, должен в Японии! Но... вопрос, вероятно, с подвохом, и поэтому нет уверенности, что где-нибудь в созданной писателями Вселенной не живет еще один человек с таким же именем — возле Альфы Центавра или в созвездии Кассиопеи...»

Значительно ближе! «Крупнейший специалист по истории роботики» (увы: вовсе не писатель-фантаст) проживает в Антарктидбурге — со ссылкой на повесть «Остров ржавого лейтенанта» К. Булычева нам сообщили об этом 12 читателей. Кстати... Надеемся, вы заметили ошибку в процитированном нами письме? Ибо, конечно же, знаете, что Синити Хоси и Саке Комацу — это два разных писателя.

Ко всему этому присовокупим вслед за В. Молчановым, что в повести В. Бережного «Космический Гольфстрим» проживает еще и Саке Мацу. Тоже не писатель, а космонавт.

8-А. «ПОЧЕМУ ОН ПЕРЕДАЕТ МУЗЫКУ! — СПРОСИЛ МЕНЯ НАЧ-ГРУППЫ ЗАПЧАСТЕЙ. «А ТЫ УВЕРЕН, ЧТО ЭТО ТОЛЬКО МУЗЫКА!» — СКАЗАЛ Я ЕМУ». ОТКУДА ВЗЯТ ЭТОТ ДИАЛОГ!

— Музыка, — ответил он. — В большинстве это музыка, и ее можно понять...

М. Грешнов.

О чем говорят тюльпаны

Лишь 8 читателей (среди них — 8-классница Наташа Чернышева из поселка Кулянск-Узловая Харьковской обл.) определили точное местонахождение нашего диалога — рас-

сказ В. Григорьева «Сервис Максим» — такая программа». Кое-кто из отвечавших называл рассказ Б. Лукина «Загадка острова Мельпомены», где налицо похожие фразы. А 6 участников викторины (в том числе 7-классник Сергей Соболев из Липецка), не обязательно принося точный ответ, прямо увязали наш вопрос с конкурсами по рисунку, которые в середине 60-х годов проводил журнал «Техника — молодежи». На иллюстрации, открывшей первый из этих конкурсов, была подпись в виде диалога («Почему они передают музыку?» — «А ты уверен, что это только музыка?»). Журнал опубликовал тогда только рассказ Б. Лукина. Ну, а среди соискателей — поступивших на конкурс 500 работ — был, очевидно, и рассказ В. Григорьева.

8-Б «ПРОФЕССОР ПЕТРОВ ВЫСКАЗАЛ СВОИ СОМНЕНИЯ НАСЧЕТ ЭЛЬБЕРФЕЛЬДСКИХ ЛОШАДЕЙ, КОТОРЫЕ ЯКОБЫ УМЕЛИ НЕ ТОЛЬКО СЧИТАТЬ, НО ДАЖЕ ВОЗВОДИТЬ В СТЕПЕНЬ И ИЗВЛЕКАТЬ КОРНИ; ВЕДЬ ДАЖЕ СРЕДНИЙ ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК НЕ УМЕЕТ ИЗВЛЕКАТЬ КОРНИ, ЗАМЕТИЛ УЧЕНЫЙ». ГДЕ ПРИВЕДЕНА ЭТА ВЕРСИЯ НАЧАЛА КОЛОНИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ НЕПТУН!

Если бы лошадь научили играть на рояле, она от этого не стала бы человеком. Она так и осталась бы лошадкой.

Веркор. Люди или животные!

Только из-за нехватки места удерживаемся мы от экспрессивного эссе (с непременным упоминанием и благородных гуингингмов Д. Свифта, и бестолковых псевдохомо П. Буля), на которое прямехонько выводят и эпиграф из Веркора, и «профессор Петров», которого в романе К. Чапека «Война с саламандрами» отыскали лишь 7 участников викторины...

9-А. «Я ОТПРАВИЛСЯ В ЕЕ КОМНАТУ И ПОСМОТРЕЛ ВДОЛЬ ЦАРАПИНЫ, КОТОРУЮ ПРОВЕЛ НА ПОДКОННИКЕ... И Я УВИДЕЛ... НА БАШНЕ РАЗВЕВАЛИСЬ ДВА ФЛАГА. БУДЬ ТАМ ОДИН ФЛАГ, ЭТО МОГЛО ОКАЗАТЬСЯ ПРОСТОЙ СЛУЧАЙНОСТЬЮ, НО ДВА ЯВНО ОЗНАЧАЛИ СИГНАЛ...» КОМУ И В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ЭТОТ СИГНАЛ ПРЕДНАЗНАЧАЛСЯ!

Ведь если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно!

В. Маяковский. Послушайте!

Будучи дневным эквивалентом проекторного луча, этот сигнал адресован зрячим в романе Д. Уиндэма «День триффидов» — в разной степени полно сообщили нам о том 23 читателя.

9-Б. «— НЕТ, НО У МЕНЯ ВОЗНИКАЮТ СОМНЕНИЯ. ПОЧЕМУ У ОДНИХ ЖИВОТНЫХ ВОСЕМЬ НОГ, У ДРУГИХ — ШЕСТЬ, А ТРЕТЬИ ОБХОДЯТСЯ ЧЕТЫРЬМЯ» ГДЕ ПРОЗВУЧАЛА ЭТА МУДРАЯ РЕПЛИКА!

— Я просил бы вас растолковать мне, что к чему. Признаться, подняв этот чертов вопрос, вы заставили меня поволноваться...
А. Кларк. Фонтаны рая

Пожалуй, лишь заглянув — подобно 48 участникам викторины — в рассказ Р. Сильверберга «Звероловы», можно в полной мере понять неоцененную экипажем звездолета истинную мудрость реплики капитана Гаса...

10-А, Б. ИЗ КАКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЗЯТЫ СЛЕДУЮЩИЕ ФРАЗЫ...

Приятно для разнообразия убедиться в том, что люди еще способны запомнить существенные детали.

Р. Шекли. Терапия

Не повторяя самих фраз (способных занять добрую треть журнальной колонки), перечислим произведения, из которых они взяты. Вариант «А»: а) «Дом в тысячу этажей» Я. Вайсса (правильно указал 51 читатель); б) «Аэлита» А. Толстого (30); в) «Прогулка» Р. Шекли (10); г) «Лилит» Л. Обуховой (13). Вариант «Б»: а) «На перекрестках времени» Е. Войскунского и И. Лукодянова (8); б) «Мир Алисы» С. Люндвала (16); в) «Лунная бомба» А. Платонова (8);

г) «Завтра утром за чаем» С. Вольфа (12).

Тур II-А,Б

— Можно бы и догадаться, — произнес банкир сокрушенным тоном, — что все это описано в одном из технических приложений, куда я не удосужился заглянуть...
А. Кларк. Фонтаны рая

Увы, в том-то и дело, что почти нет их у нас, этих «технических приложений»: критических, литературоведческих, в особенности же — библиографических работ по фантастике! Потому-то в рамках викторины и предложили мы любителям библиографических изысканий (а таковых среди наших читателей — немало, мы лишний раз с удовольствием убедились в этом!) задание вполне серьезное: исследовать творчество известного советского писателя-фантаста Дмитрия Александровича Биленкина (1933—1987).

Исследовать по двум направлениям: А) художественные произведения писателя (НФ повести и рассказы, опубликованные в авторских и коллективных сборниках, в журналах и газетах); Б) его выступления по проблемам фантастики (статьи, беседы и интервью, заметки, рецензии на НФ книги).

Варианты, как и предполагалось, оказались неравноценными.

Вариант «А» выбрал 141 наш читатель. Общими усилиями отвечавшие зарегистрировали 161 название; сюда вошли и те семь, под которыми издавались произведения П. Багряка. Автора, как многим известно, реально не существовавшего: то был псевдоним писателя-содружества, в которое входил и Д. А. Биленкин.

В варианте «Б» (его разрабаты-

вали 20 человек) подлежащих учету позиций оказалось примерно втрое меньше. Естественно, каждая из них при начислении очков нам пришлось оценить в 0,3 балла — втрое выше, чем в варианте «А».

«Зря вы не обговорили принцип построения библиографии», — посетовал Л. Абдулин, предвидя наши ослобления и с оценкой, и с использованием (сведением в единое целое) собранных материалов.

Что ж, предложи мы какое-либо единообразное (алфавитное или хронологическое) построение материала — с обработкой и прежде всего оценкой было бы действительно проще. Однако об упущении этом не жалеем, поскольку имеем теперь основательный задел для того, чтобы достаточно быстро подготовить библиографический указатель любого типа.

Сознательно — чтобы не отпугнуть тех, кто библиографией никогда прежде не занимался (и прежде всего — школьников, хотя и среди них обнаружили едва ли не самые настоящие «профи!») — не потребовали мы полного описания каждого произведения, указания всех — по возможности — его публикаций. Рассчитывали, что уж матерье-то фэны непременно не подведут и с лихвой снабдят нас необходимой информацией — и, в общем, не ошиблись.

Единственное, пожалуй, о чем жалеем — не догадались в варианте «Б» к выступлениям самого писателя присовокупить и статьи о нем, отзывы о его произведениях. Опасались слишком большой нагрузки на участников викторины, оказался же явный недобор: читатели словно бы не заметили акцента на местных публикациях, мы получили сведений о них едва ли не меньше, чем имеем в собственной картотеке. Урок на будущее!

А в общем-то, вполне довольны мы и этим первым коллективным нашим библиографическим «блином»...

ИТОГИ ВИКТОРИНЫ-89

Победителями очередной нашей викторины стали в группе взрослых читатели, набравшие в целом свыше 45 очков: Л. Абдулин (ст. Безречная Читинской обл.; 51,5 балла), В. Молчанов (Пермь; 48,3), Л. Манжетов (Москва; 48,2), В. Сиземов (Новосибирск; 47,8), Е. Жирнов (Мурманск; 46,5), С. Лифанов (Горький; 45,6), Ю. Ковалев (Тбилиси; 45,4) и В. Гуревич (Комсомольск-на-Амуре; 45,3).

В группе школьников стали победителями те, кто набрал свыше 25 очков: Артур Купоренков (Москва, 7 кл.; 37,0), Сергей Легеза (Павлоград Днепропетровской обл., 10 кл.; 35,3), В. Черников (Калуга, 10 кл.; 26,1), Кирилл Пенкин (Мурманск, 10 кл.; 26,0), Рихард Ерумс

(Рига, 10 кл.; 25,5) и Алексей Бокий (Севастополь, 9 кл.; 25,5).

Начиная с этой викторины, в отдельную группу мы выделили читателей, которые, не попадая в списки призеров, тем не менее три года подряд упорно стремились к победе. Лидеры среди взрослых в этой группе — В. Чашечников (Сумы; 1987 г. — 31,0; 1988 г. — 40,6; 1989 г. — 42,5; всего — 114,1) и Н. Ломоносова (Краматорск Донецкой обл.; 40,0 + 30,5 + 38,8 = 109,3), а среди школьников — Георгий Ляпин (Челябинск, 10 кл.; 17,5 + 25,0 + 22,0 = 64,5) и Игорь Овчинников (Ступино Московской обл., 10 кл.; 3,0 + 22,0 + 18,9 = 43,9).

Названным здесь читателям высылаются книги с автографами советских писателей-фантастов.

Тур II-B

КРУИЗ «ЗЕМЛЯ — ЗЕМЛЯ» ПО СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЕ. КАКОЕ МАКСИМАЛЬНОЕ ЧИСЛО ПЛАНЕТ, ИХ СПУТНИКОВ, АСТЕРОИДОВ И КОМЕТ ВЫ СУМЕЕТЕ ПОСЕТИТЬ В КОМПАНИИ С ГЕРОЯМИ НФ? ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ СЧИТАЕТСЯ КОНЦОМ КРУИЗА; ДРУГИЕ НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА МОЖНО ПОСЕЩАТЬ НЕОДНОКРАТНО. НО КАЖДОЕ ИЗ НИХ (А ТАКЖЕ И ЛЮБОЕ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ!) ИДЕТ В ЗАЧЕТ ЛИШЬ ОДНАЖДЫ.

Мой корабль чертил зигзаги
от звезды к звезде...

В. Потапов.
Он назвал ее Удивлением

Да, немало зигзагов. поначертили в своих ответах те 27 участников викторины, что выбрали этот вариант! Многие при этом откровенно третиrowали предложенные нами ограничения и, к примеру, весьма выгодно путешествовали в поясе астероидов с персонажами **одного и того же произведения**... Из крайне малого числа законченных и притом корректных, отвечающих обуслов-

А ВАША ОЦЕНКА?

Как и в прошлом году, предлагаем читателям оценить произведения, составившие наш сборник фантастики.

На последней странице декабрьского выпуска «Аэлиты-89» помещено оглавление всей книги. Произведения, в нее вошедшие, пронумерованы.

Просим вас переписать на открытке (с пометкой: «Аэлита-89») эти номера — от 1 до 15. И каждому произведению (указывать их названия, авторов не обязательно) — воздать должное.

Предлагаем все ту же пятибалльную систему:

- 5 — в восторге; отличное произведение!
- 4 — хорошее, добротное, нужное; правильно сделали, что напечатали;
- 3 — не возражаю против публикации, но... можно было и не печатать; перечитывать, во всяком случае, не буду;
- 2 — вызывает массу замечаний: недоделанное, сырое произведение; автор и редакция слишком поторопились с публикацией;
- 1 — категорически против публикации; зря потрачена бумага, занято чужое место!

Открытку с оценкой «Аэлиты-89» просим отослать на адрес редакции не позднее, чем через месяц после получения этого номера.

ленным требованиям маршрутов выделим два: 9 объектов Солнечной системы «посетил» В. Юрьев (Энгельс Саратовской обл.) и... 16 — шестнадцать!! — А. Песков (с. Сюкеево ТатАССР).

Приводим эту самую длинную цепочку; поясним, что названия новых для путешественника и, значит, идущих в зачет космических объектов выделены шрифтом, а в скобках поименованы: спутник по полету, автор, произведение. Итак... Космический круиз:

Земля — Европа (водолаз; М. Пухов. Звездный лидер); Европа — Ио (Акимов; С. Сухинов. Возвращение к звездам); Ио — Марс (раскачик; П. Курков. Короткий свет луча земного...); Марс — Фобос (Грегг; П. Андерсон. Сокровища марсианской короны); Фобос — Фазтон (фазты; А. Казанцев. Фазты); Фазтон — Венера (фазтонцы; Г. Мартынов. Сестра Земли); Венера — кольцо Сатурна (м-р Килиманджаро; А. Донов. Алмазный дым); кольца Сатурна — Марс (Быков; А. и Б. Стругацкий. Стажеры); Марс — Луна (Алиса; К. Булычев. Девочка с Земли); Луна — Юпитер (Цянь; Г. Гуревич. Функция Шорина); Юпитер — Ганимед (роботы XX; А. Азимов. Нечаянная победа); Ганимед — Каллисто (Уайтфилд; А. Азимов. Коварная Каллисто); Каллисто — Титан (Нортон; С. Павлов. Лунная радуга); Титан — Япет (Тобольский; С. Павлов. Мягкие зеркала); Япет — Марс (Боумен; А. Кларк. Космическая одиссея 2001 года); Марс — пояс астероидов (Пахарь; В. Пирожников. На пажитях небесных); пояс астероидов — Меркурий (Пауэлл; А. Азимов. Я, робот); Меркурий — Солнце (огненные вихри; Э. Гамильтон. Дети Солнца); Солнце — Земля (Икар; Г. Альтов. Икар и Дедал).

Мы уверены: посмотрев на эту цепочку, каждый участник нашего космического круиза сумеет сам разобраться в просчетах собственного маршрута. А поскольку каждый идущий в зачет небесный объект после сопоставления с туром II-A оценен нами в 1,0 балла — всякий, чья цепочка корректна, может сам оценить собственные успехи.

Тур III.

Какие темы! История гуманизма... Роль рационального и чувственного... Миф о Христе... Великолепные темы.

Л. Панасенко.
Садовники Солнца

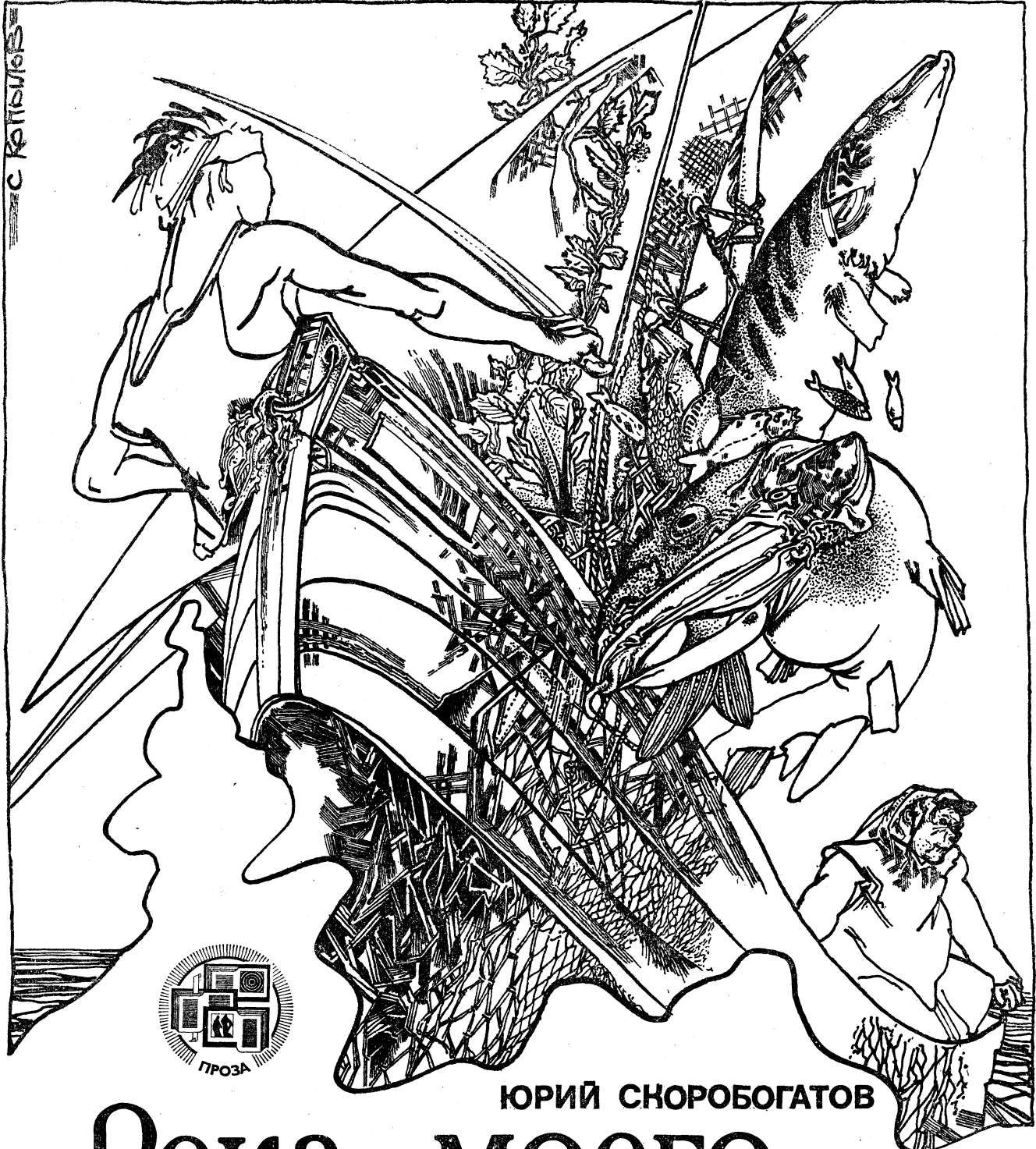
Примерно так полагали и мы, формируя этот тур, и, по-видимому, не очень уж и ошиблись, поскольку

получили 115 рефератов по 1-му вопросу, 19 — по 2-му и 39 — по 3-му. Лучшие из них (и одновременно очень хочется — вышедшие из-под пера тех, кто на страницах журнала еще не выступал) обязательно напечатать в будущем году.

О конкретной части первых двух вопросов тура. Не повторяя здесь приведенные в них отрывки, отметим, что первый взят, разумеется же, из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». По-прежнему оставаясь весьма и весьма высокопрестижной, книга эта, многократно и большими тиражами переизданная в последние годы, наконец-то перестала быть сверхнедоступной: 77 участников викторины верно определили источник цитаты об Иисусе Христе. Второй отрывок — о Колумбе — вызвал, как мы и ожидали, значительные затруднения: «Таинственный незнакомец» М. Твена оказался известен лишь полтора десяткам отвечавших.

Что касается третьего вопроса, то, как и его автор (а также 23 участника викторины), общее в произведениях «Город» К. Саймака, «Планта обезьян» П. Буля и «Башня Мозга» З. Юрьева мы усматриваем в том, что нашу — человеческую — цивилизацию сменяет в них, увы, нечеловеческая: псы, обезьяны, роботы...

В заключение хотим рассеять недоумение читателей, не обнаруживших даже упоминания (разве что — вскользь) о туре I-B. Обзор его подготовлен, но, к сожалению, не поместился на отведенных нам страницах, и потому будет опубликован в одном из первых номеров будущего года.

С. КОРОБОГОВ

ЮРИЙ СКОРОБОГОВ

Река моего детства

РЫБАЛКА С НИКИШКОЙ

Никишка ладился рыбачить. Я стоял поодаль и завидовал. Начинался серый сонливый вечер. Для рыбалки хорошее время. Но полая вода подступила к самому яру, подтачивая желтую глину, и поэтому не клевало. Здесь ничего не наловишь, на тот берег надо, в затоны...

Я завидовал Никишке, что есть у него лодка и вентеря. Он их укладывал в лодку. Латаные, неумело сметанные, но все-таки... Пять штук. В такую мутную пору, да с толком если поставить их, самая снасть.

В те годы сети, бредни, вентеря не считались браконьерскими снастями. Они были средством пропитания, подспорьем в хозяйстве. Любая рыбалка, хоть на простейшую удочку, считалась не забавой, а делом хоть и простым, но ответственным. И не для собственного удовольствия торчал я в этот майский вечер на Иртыше, снимая с несклеванных червяков мохнатый ил. Дома давно не ели ничего ни мясного, ни рыбного.

Никишка щелчком отправил окурок в реку и, проследив, как его стремительно уносит, спросил:

— Гребсти-та, поди, умешь?

— Спрашивашь...

— А со мной на рыболов хошь?

— Спрашивашь...

— Тогда сматывай закидушки в момент, пора бакена зажигать.

Плыть нужно было против течения километра четыре. По вешней воде работа не простая. Но лодка была бакенщицкая, легкая, весла, как пушинки, из ветлы, и управляться с ними я умел. Грести мог, хоть бросая мелко, без размаха, почти не прилагал усилий, но зато часто-часто, а хоть вынося далеко, загребая в пол-лопасты и делая рывок в самом конце. Этому научил меня брат Виктор, служивший до войны на морфлоте. С фронта Виктор пришел с покалеченной рукой. Надо было кормиться, и он выпросил у старшины бакенщиков дяди Гриши Погадаева старенькую «тоболку», проконопатил ее, просмолил. Рука у брата сгибалась плохо, и гребцом стал я. По недостатку сил освоился грести экономно. Два лета мы не бедствовали, не голодали, а потом пришлось вернуть лодку...

На полдороге я выдохся: за долгую зиму отвык. И ладони сразу натер, даже вздулась и лопнула одна мозоль.

Время от времени Никишкина голова закрывала солнце. И тогда он становился черным, совсем, как мои мысли о нем. Я все ждал, когда Никишка смелит меня на веслах, но он, судя по всему, и не думал делать этого. Я уже начинал жалеть, что связался с ним. Там, на берегу, все представлялось иначе. Не так несправедливо. Ругался я в душе на чем свет стоит. А ему хоть бы что. Попыхивает сигаркой себе на корме, делает вид, что правит. А чего править, я и без него не уведу куда не надо, и без того держу впритирку к самому берегу, где течение послабже. Ишь, хмырь,— накалялся я все больше.

Никишка вернулся в деревню не так давно. Появился тихо, с тремя чемоданами трофейного добра, с одной медалью, но без единого ранения. Толсторожий, кормленный, какой-то ртутный. Сержантские погоны спорол живо, а в гимнастерке не форсил. Как-то скоренько и без разгула женился. Вместе с

женой вскопал обширный целик, огородил её и засадил всякий зеленью. А на самом яру поставил в одно лето засыпушку. Неказистая получилась, зато без лишних расходов. А за красотой тогда не гнались, была бы теплой. Жена Никишкина не разгибала спины на огороде, пропалывая и поливая. Сам он в колхоз не пошел, устроился бакенщиком, будто калека безногий. Контузия у меня, оправдывался Никишка. А чего ж такой толстый?

Как бы там ни было, а хозяйство он справил быстро и жадно. Копил, где мог. Даже через Иртыш никого за так не перевезет, плату потребует. Вся деревня осуждала его за один случай. Переходили вот этой весной мужчина и женщина реку по льду. Уже совсем добрались до нашего берега, а лед возьми и тронься. Широкая полоса воды открылась перед ними. На берегу ахать начали: ведь потонут. Никишкина лодка самой ближней оказалась, исправная, и до дома, где весла, шага два. Так он разве стронулся с места? Дождался, когда те начали голосить и сультить: что хотите возьмите, только спасите. После того лишь позволил всем гуртом столкнуть лодку на воду. Но за весла сел сам. А у льдины еще раз удостоверился, спросил:

— А чё дашь?..

Такой вот был Никишка. Так звали его по-уличному. Но в тот вечер, когда уже одеревенела спина, не хотелось мне его даже Никишкой звать, одни обидные слова вертелись на языке.

Про себя загадал: если у переката не сядет на весла, брошу, заплыву подальше от берега и брошу весла, пусть назад несет течением, пусть высаживает меня и сам гребет. На перекате сильно било, едва-едва переполз его по сантиметрам. И тут мой рулевой направил лодку носом в берег. Я обрадовался, но рано.

— Отдохни,— сказал он.— Поди, умаялся.

Никишка смотрел ехидно. Я уже искал, что сказать такое напоследок обидное, чтобы хоть словом отомстить, но не успел.

— Ты не думай,— сказал он.— не за так гребешь. Вот зажгем бакена, вентеря поставим, а завтра улов разделим. Бабку Фросю обрадуешь. Я добра не забываю. Помню, как она выручила меня мукой на пасху. А я рыбой отплачу.

Возражать расхотелось, потому что теперь получалось, я вроде как работник. Это было не впервой. Прошлым летом дядя Гриша не раз брал меня грести в паре со своим племянником Витькой. Сплавлились с сетью, ловили нельм. Хорошо было. Против течения лодку цепляли к пароходу на буксир. А по течению уже на веслах. Добычу делил дядя Гриша на всех, на троих то есть, и еще на лодку, на сеть. И все равно выходило не обидно. Вкусная рыба нельма.

Конечно, вентеря не то что сплавная сеть на полтора метра, но и не закидушки. А поскольку нас двое, то хоть так, хоть эдак, но четвертая часть улова мне полагалась. Рискнуть можно. Поплевал я на саднящие ладони и снова взялся за весла. Ничего, убеждал я себя, это только кажется далеко. Глаза боится, а руки делают.

К тому времени, когда солнце провалилось за горизонт, мы уже зажгли фонарь на первом бакене. Белом, от левого берега самом дальнем. Теперь оставался пустяк: поставить вентеря. Воткнуть по два кола на каждый, да зажечь фонари еще на двух

бакенах, и все это — сплавляясь по сердитому течению.

На первом же вентере я убедился, что ставить он не мастак. Сразу выбрал место не то, в струе, где мусора валит лопатами. Я подсказал приткнуться крыло к протоке, к самой линии затопленных тальников. Такие тальники в мутной воде, как берег, рыба идет вдоль них. Эту науку мне тоже преподавал мой старший брат. Он прошлой весной у кого-то брал в долг вентеря. Мы с ним ставили, и я все запомнил.

Никишка одобрительно нукал, подчеркнуто уважительно спрашивал совета. А я, встав на скамейку, оглядывал затопленный берег и искал уловистое место. То за корягой, то в бывшей лошине, ставшей озером без берегов, излюбленном месте щучьих прысков, то на бывшей тропинке.

— Гля-ка, ты! — восхищался Никишка. — И верно углядел. Глазастый. Нет, гля-ка... самое место. Ну ты даешь, паря.

Домой вернулись с темнотой. Поужинал я зеленым злым луком, толченным со сметаной. Корова была у нас сухопарая, а молоко давала жирное.

— Ничего, бабушка, — говорил я по-взрослому. — Завтра будем с рыбой. Ты только, бабушка, разбуди с петухами. Как бы Никишка один не наладился.

— Небось, не наладится, — успокаивала бабушка. — Ты ить у него в гребцах. Только б в школу не опоздал.

— Успею. Ведь пораньше договорились. Ему керосин экономить надо. Это против течения плыть долго, а обратно мигом. Может, он хоть немного туда погребет. Здоровый же бугай.

Но мои надежды на Никишкину помощь не сбылись. Я прибежал на берег до свету, втайне опасаясь не застать лодку на месте. Нет, она стояла, привязанная цепью к толстому столбу, на замке. Я вычерпал досуха набравшуюся за ночь воду и долго мерз в старой бабушкиной фуфайке.

Никишка явился, сытно мурлыча под нос.

— Уже с почином? — удивился он.

— Ага.

Как нечто незначашее, я подвигал по дну лодки невеликого налимчика. Он попался на закидушки, которые я вчера, как ни устал, все же поставил по возвращении. Весенними и осенними ночами налимы только и ловятся.

Руки болели сильнее вчерашнего. Но я сцепил зубы. Надо было торопиться. Часов не имелось и у Никишки, оставалось полагаться только на солнце.

— А ты, паря, сильный, — одобрил Никишка. — Лето в гребцах поплаваешь, знашь сколь силы в руках накачаешь! Во! Кому хошь по сопатке надаешь.

У белого бакена мы оказались раньше вчерашнего. Никишка снял фонарь, погасил, погоревал, какую прорву керосина сожрал он за ночь, поставил его в особое гнездо в лодке. Но мне плавать было на керосин. И вообще на Никишку. Скорей бы проверить вентерь, верно ли я выбрал место, есть ли мне удача.

Пока я удерживал на течении лодку, упершись в дно веслом, Никишка поднял устье вентеря. Только поднял — вентерь чуть не вышибло из его толстопалых рук. Там ворочался налим. Настоящий. Что твой поросенок.

— В лодку его! В лодку, раззява! — орал я. — Да живой, а то все ободья переломает.

Но Никишка растерялся, короткие пальцы скользили ногтями по тугим узлам. Кинулся развязывать зубами. Налим будто ждал, хлестанул его по щеке хвостом. Никишка выматерился. А я не мог выпустить из рук весла.

Наконец управились. Никишка нервно похихикивал:

— Ты гля-ка, паря, а? Ведь это впервой поставил вентеря — и сразу же. Это сколько же наловить можно, а? У-у-у, гаденыш, — Никишка нешироким замехом, но крепко и с видимым удовольствием огрел, успокаивая налима, кормовым веслом, расплатился за оплеуху. А я уже правил к следующему вентерю. В нем оказалась широкая и нарядная щука, светлая, какие водятся в реке. Хорошая щука, но одна.

— Поди всех, какие попались, сожрала, — горевал Никишка.

В третьем вентере сидел еще один налим.

— И че они все по одному? — загорелся азартом бакенщик. — А ты, паря, хорошо расставил, ничего не скажу. Фартовый, видать, а?

Я гордо молчал. Я знал себе цену. А Никишка не умолкал:

— Ты гля-ка. Значит, че у нас получается? У нас получается, на лодку, на меня, как на хозяина, и на вентеря доля есть. Теперь на тебя ловить будем.

Меня удивила такая дележка до конца рыбалки, подумал: шутит. Но все равно, к четвертому вентерю лодку подводил с трепетом. Снасть оказалась пустой. Только в первом отсеке болтался окунишка. Наверное, только что с испуга влетел. От досады я даже сплюнул в реку, что считалось на рыбалке неприличным. Но потом увидел: у последнего обода светится дыра.

— Беда, — вздыхал Никишка. — Это вентерь такой гнилой. Вот беда-то.

Зашивал он дыру долго и неумело. Она оказалась в два его кулака. Это какая же была рыба, не иначе осетр.

Оставался еще один вентерь. Он стоял за последним бакеном. С фонарем у этого бакена провозились долго. Никишка там что-то исправлял, будто не мог этого сделать на берегу... В последней снасти рыбы было две, но мелочь: окунек и красноперка. Вентерь мы переставили подальше в затопленные кусты. Теперь быстрее домой. Лодка летела стрелой. Неважно, что лопнул еще один водяной пузырь на ладони. Главное, удача, да еще на таких кулемистых вентерях! Интересно, как Никишка разделит улов?

Причалили к нашему взвозу, вытянули лодку. Тетка Наталья, пришедшая за водой, сказала, что ребяташки давно ушли в школу. Значит, опоздал. Еще одна неприятность. Но семь бед — один ответ. Кормильцу много спишется. Я поглядел на Никишку. Он весь последний отрезок пути от пятого вентеря напряженно молчал. А тут и вовсе наспутился.

— Значит так, паря. Дед у вас на заимке. А у меня прибавление семейства. Опять же, че ты делал-то всего? Греб и только. По всему и получается, что забирать тебе окуней и подъязка. Вместе с твоим налимом буде четыре рыбины. А мне по справедливости остальные три. За вентеря я денежки живые платил, и немалые. А они вон рвутся, вентеря-то.

От слов таких я ошалел, задохнулся. Красноперку посчитать за подъязка! Четыре рыбины! Ну, кулацкая морда. А «морда» эта спокойненько сложил в

сачок двух налимов и шуку и пошagal вверх по взвозу. Сачок пузато расперло.

А я все сидел на борту лодки, и у меня у самого горла закипало что-то от слабости и обиды. И сказать в ответ на такую наглость нечего. Мы ведь как договаривались? А почти никак. Сколько-то он даст. А сколько? Вот он и дал.

Такие вот кулаки и были. Такие-то и зарезали Павлика Морозова. И я отчетливо представил Никишку с ножом в руках в лесу. Это ему говорят: «Бей сперва Пашку, а то убежит». Получилось правдиво.

Нанизав на прутик рыбешек, — ну и улов!.. — поплелся домой. Предстояло еще ответ в школе держать.

— Ты не того, паря, не дуйся, — крикнул Никишка от своего плетня. — Ты вечером приходи. Че поймал, на три части. А на уху тебе и этого хватит за глаза.

Я не ответил. Нашел дурака! Всем известно, что рыба хорошо ночами идет в вентеря, а не днем. А и поймается хорошо, как снова обманет? Нет уж, пускай сам гребет, контуженный. Рублем контуженный, вот что.

Это, определенно, успокоило и утвердило меня в своем мнении. Черт с ним, с Никишкой. Главное, у меня есть удача. И кое-что я умею. А все остальное — трин-трава.

Дядя Гриша, встретившись, спросил:

— На закидушки ли, че ли?

— С Никишкой рыбачил.

— А-а. В гребцы нанялся. А че, большой уж парень. Ну, ну.

Дядя Гриша смотрел не усмехаясь, не осуждая. Он все понял по моему виду, суровый и умный мужик дядя Гриша. И хорошо, что не лез со своими советами, как любят все взрослые, когда и так понятно.

— А ты и вправду большой уже, Юрка. И больше силы копи. Вот сойдет вода, снова на нельму пойдем. Ко мне гребцом-то не передумал? — и он усмехнулся лукаво и добро.

— Ладно, — сказал я силпо, удивляясь, когда это он предлагал мне в гребцы-то идти, и чему-то вдруг радуюсь...

ДАЛЕКИЙ ДЕНЬ ИЮЛЯ

У моего детства простые запахи сельского двора: лугового сена, парного молока, коровьего хлева. Без коровы на деревне в ту пору было не прожить. На крыше сарайки, за прогоном или на огороде в каждом дворе ставился на зиму стожок сена. Тереть его утром и вечером особым железным крюком и задавать корм корове — обычная мальчишеская работа. Если утром будет некогда, значит, надо приготовить охапку с вечера, чтобы бабушка не мучила свои старые, скрюченные трудом и болезнями руки.

Теребишь сено, а у самого книжка недочитанная ждет на подоконнике, или приятеля зовут на коньках кататься. Руки спешат, а глаза все равно остро шарят по охапочкам сухой травы, ищут, не мелькнет ли темно-красная, скорее коричневая сморщенная капелька.

Ага! Вот она. И еще одна, целая веточка. Это клубника, скошенная на лугу в июле, высохшая вместе с сеном. Возьмешь ягоду в рот, подождешь,

чтобы согрелась, чуть размякла от слюны. А потом уже начинаешь медленно жевать, растягивая удовольствие. В сельском послевоенном детстве сластей знали немного, были они непокупные, вроде ржаной кулаги, или березового сока, или корня солодки. Но выше всего — ягоды. А из ягод — клубника.

Конечно, у бабушки есть припасенный белый ситцевый мешочек со специально собранной сушеной полевой клубникой, но разве ее выпросишь в будни, она для праздника, для сладкого киселя. Да и не сравнится та, в мешочке, с этой — из стога...

Жуешь ягоды, заполняешь рот сладкой кислинкой, а в морозном хрустомком воздухе сквозь запах сена пробивается аромат клубники. Малина, конечно, пахнет нежнее, тоньше, но зато и аромат слабее. А клубничный — он все перебивает. Так что, на мой взгляд, нет на юге Западной Сибири ягоды вкуснее дикой луговой или полевой клубники. Именно полевой, вызревшей на палящем солнце, впитавшей зной, от зноя ставшей суше и запашистее. Не надо путать с лесной, выросшей в тени травы, крупной, а потому водянистой. И у таежной земляники тоже не той густоты запах и вкус, чем у ягоды, налившейся на пропекаемой гриве заиртышского луга.

Свежесобранная, очищенная и размятая в чашке со сметаной, полевая клубника обставит все другие ягоды сибирского поля и леса (а может, и не только сибирского). Вот, говорят еще княженика... Ягода-чемпион, говорят... Не пробовал, не знаю, а врать не берусь.

Сыщешь в сене ягоду, прожуешь и позабудешь, что там, в сарайке, уже, поди, Зорька мычит, корма просит, что ребятишки без тебя поделились на команды, игру начали, и про книжку тоже забудешь. Дышишь клубничным ароматом, а мысли уже далеко-далеко, в самом пекле июльском, в сенокосном полдне.

...Вспоминаю и не могу вспомнить работы более радостной и светлой, чем сенокос. Мы, мальчишки, были там каждое лето. Самые махонькие упрашивали матерей, братьев или дедов взять «покататься». Чуть подросший, способный усидеть в седле, уже становился работником. Даже на телеге с бочкой, на паре быков привозить воду из самого «сладкого» ледяного колодца — и за это начисляли сколько-то соток трудодня. Конечно, трудодни начисляли не нам самим, а взрослым прибавляли при расчете эти «палочки», а все равно — не «катался», а работал! И почему-то работа эта вспоминается праздником.

А более всего помнится один день.

...На заиртышских лугах метали стога. Специально подгадали, чтобы солнце так нещадно палило, того гляди, сено вспыхнет. И пусть по спинам и крупам лошадей бежал темными полосками пот, пусть у людей во рту шершавело и жгло — да разве в такую жару напьешься досыта! — пускай сухая сенная пыль сыпалась в глаза и рот, налипала к потным спинам, мы знали: уже в стогу будет всем сенам — сено!

А нас мужики поторапливали: «Давай, ребятишки, поворачивайся! Байгу делай, байгу!» Байги — это значит скачки, слово это степное, как говаривала моя бабушка, кыргызское; она всех степняков на казачий манер называла кыргызами. Степь лежала близко, казачьи станицы тут ставили в древние времена от набегов кочевников.

Делать байгу — интересно, но не в такое же пекло. Тут хоть бы просто не отстать, не дать повод для

насмешек, дескать, засоня, прогулял до зорьки сам, а теперь и лошадь не будит. «Прогулять до зорьки» было почему-то особенно стыдным. Какие нам, пацанье, гулянки... А главное, не сам стыд, главное опасение, что в другой раз на покос не возьмут.

Которым посамостоятельнее да физически покрепче, тем ребятам дают сено конными граблями сгребать, а если осият ручонки навильник на стог подавать, то уж и вовсе говорить нечего: мужик вырос. Но самая что ни на есть мальчишечья работа — копны возить.

Делалось таким образом. Надевают на лошадь хомут, вместо постромок или оглобел привязывают к гужу длинную веревку с петлей на конце. Надо на лошади объехать копну так, чтобы веревка обхватила ее самой серединой. Кто-нибудь из взрослых подправит веревку под копенное донце, а может, и палку для верности воткнет, чтобы не выскользнуло. Свободный конец веревки петлей вдевается в другой гуж. Получается — лошадь впряжена в копну, как в телегу. Теперь все это надо умело стронуть с места, чтобы и одонья от копны не осталось, и сама копна в петле ухватисто села, и лошадь упористо, не сбиваясь с шага, дотащила ее до стога. Не дай бог при этом на затаившийся пень от вырубленного куста налететь, на кочку наткнуться или иным путем «вывалить» копну. Тогда не оберешься стыда, суровых взглядов и тяжелого молчания, потому что снова ее не складешь, придется перетаскивать на вилах, а это потеря времени и сил, когда и так ладони у всех от спешки горят.

При сноровке же копна идет по кошенине, как по маслу. Подъедешь к стогу, выдернешь палку из гужа, змеей провьется за тобой веревка по стерне, вот тут и дается тебе миг удалый — мчись галопом к следующей копне. Можно даже и наперегонки. Наездишься вдосталь! К вечеру насытишься по горло.

В жару сленни и пауты такие кусачие, уж ни узда, ни хворостина лошади не указ. Забьется в тальники, не вытянешь. Надо слезать, обдирать бока, живот и спину об кусты, дергать повод, кричать и ругаться, как ругаются возчики. А потом так в поводу и поведешь, ступая босыми ногами по острым пенечкам скошенной травы, либо до ближайшей копны, либо до первого встречного, чтобы подсадил, помог влезть на костлявый лошадиный хребет: седла-то нам не давали, а самому прыгнуть — роста еще мало. А ездоки-приятели еще и посмеиваются: «С конем не справился... Тоже мне каза-а-а-а... А если бы на фронте?»

Война, фронт, о том, что каждый мальчишка — будущий солдат, — в ту пору помнили постоянно, дыхание недавней войны достигало своим полымем еще и тех лет.

Вот так и работали. К вечеру тощие ягодицы в кровь собьешь, так что купаться потом и мука, и наслаждение: отрадно в прохладной воде, но и щиплет же!..

Так вот, в памятный тот полдень палило немилосердно. Мужики спешили остервенело, подгоняли женщин и нас. Когда стога мечут, всегда поглядывают на небо: не дай бог натянется облачко, оно в тучу вырастет, гром грянет, и ливень. Дождь на незавершенный стог — нет на покосе большей незадачи. Тогда сметанное снова раскидывай, просушивай. Мало что работы много, так еще и сено вид, и вкус, и питательность теряет.

Облачко на небе тогда стояло. Глядеть на него побаивались, избегали взглядом, но помнили. «Байгу, ребятня! Байгу! Живей оборачивайся! Навались, казачата!»

Забыли и про обед.

А стог рос широкий, осанистый, вершинной под самое небо. И сама вершина эта уже начала обозначаться. Облачко все висело. Мужики и женщины лицами стали походить на негров от сеной пыли.

Но удивительно, что само сено оставалось сухим, зеленым, легким, душистым. Среди зимы оно сохранило в себе этот полдень, будет пахнуть июлем.

И вот уже мы заканчивали стаскивать копны с этого конца гривы. Юрка Ферулев, мой тезка, успел обогнать меня уже на один раз на своем гнедом пузатом коньке. Мне же дед Роман, вечно боявшийся за мою сохранность, выбрал сивого костистого мерина, который, видать, позабыл, как бегают наперегонки. Я и стегал, и понукал, а сивка мой ни в какую не брал в галоп, трюхал крупной, тряской рысью, хоть лопни. Правда, копну он с места брал с первого раза и дальше тянул ровно, крепко и часто переступая, подтаскивая к нужному месту сам, не дожидаясь повода, оставался на выбранном месте как вкопанный. В этой работе он знал все, скакать же ради моей потехи считал баловством, не своим делом.

И вот когда Юрка помчался мимо, лихо свистнув и крикнув: «Москва — Воронеж, хрен догонишь!», меня вдруг окликнул дед Роман, он сгребал сено на соседней гриве. Странно как-то позвал. Я едва услышал. И рукой махнул украдкой. Очень это на деда не походило, чудно так.

Я оглянулся и увидел, что двое ездоков уже подъехали к последним на этой стороне гривы копнам, дела мне тут больше не оставалось. «А», — сказал я себе и перемахнул через лягу, жирно чавкнувшую под ногами сивки грязью. Пахнуло болотной гнилью и дурной сыростью.

— Че, деда? Че звал? Некогда же...

— Тут... иди сюда... — звал дед, отступая в следующую лягу и уманивая меня рукой. Вид у него таинственный и испуганный. — Гли-ка! Ишь! Ишь!

Дед Роман показывал коричневым кривым пальцем на темную, почти масляную воду озерца. Я сердито тарашил глаза и в запале ничего не видел, кроме ленивых стрекоз, уснувших на глянцевые листья кувшинок. На берегу стрекошки кузнечики. В траве плюхнуло, наверное, лягушка, их тут пруд пруди.

— Ишь! Гли! — тыкал дед пальцем то в одну сторону, то в другую. Я видел только расходящиеся по воде круги.

И тут же вскрикнул сам: «Гля!» Из воды ровно кто палец высунул. Тут и там, и там... Высунул, будто, и снова спрятал. Слово бы дразнился. «Черт, что ли?» — оторопел я. Недалеко отсюда круглое, неимоверной глубины озерко называлось Чертовой ямкой, не зря поди...

— Ну, холера, ну, холера, — ругнулся дед и начал снимать штаны, разуваться. — Лезть надо...

Дед Роман разделся донага. Странно было видеть его задубелые от ветров и солнца руки и лицо и совершенно белое, уже старческое тело: сельские жители, а дед среди них особенно, не знали такой привычки — загорать. Дед погружал свое белое тело в черную, казавшуюся масляной воду, и становилось ошугимым его отвращение, его оторопь человека, панически боявшегося всякой «дикой» воды — в реке

или озере. Но тут дед Роман лез храбро. Воды, правда, оказалось всего по колено, зато в илстом дне проваливался глубоко, все равно выходило по пояс.

«Ты не лез!» — прикрикнул на меня, будто я мог в этой луже потонуть.

Я все еще не понимал до конца, что он затеял. И только когда дед ловко ухватил высунувшийся поблизости от него «палец» и швырнул его мне под ноги на берег, я наконец догадался, в чем дело. Возле меня в траве прыгала, раззевая зубастую пасть, ярко раскрашенная щурогайка.

— Я тоже хочу!

— Сиди! — цыкнул на меня дед.

Но когда он ухватил и бросил на берег еще один «палец», все упреждения пошли впустую. Вмиг я в трусишках. Ноги увязли в тине, и я ушел по грудь в теплую до противности воду. В ней, наверное, кишело пиявками и червяками, всякой кусачей тварью. Озерцо — метров двадцать на шесть—восемь — мы взбаламутили тут же. Я тоже только успевал хватать щурогаек. Даже проворнее деда.

— Хорошо, хорошо... Больше мути, больше... — одобрительно покрякивал дед Роман, не забывая ловить высывающиеся щучьи головы и швырять их подальше в траву.

Смеху было бы, если кто глянул бы со стороны, как наш дед нараскоряку шарахался по мутной воде, оступался и окунался в эту жижу, отчаянно ругаясь, и при этом, не выпуская из виду ни одну высунувшуюся из воды живность, даже исхитрился словить молодую лягушку, с отвращением и новой руганью отбросил ее подальше. Но сколь бы не сердился дед на словах, глаза его хитро посмеивались, а два прокуренных редких зуба справа и спереди победно поблескивали.

Успокоился дед Роман, когда перебуравил всю лужу на два раза в обе стороны, да еще трижды поперец.

— Ну всех поймали, а?

— Всех! — ликовал я, собирая в траве щурогаек и подсчитывая улов.

Чтобы унести рыбу, понадобилось на дедовой рубахе завязать рукава и воротник, получилась сумка, полная скользких, по локоть моей мальчишеской руки размером, как на подбор аккуратных щурогаек.

Так в наших сибирских краях называют молодых щучек. В этом возрасте они очень вкусны, особенно, если их зажарить на сковородке, полив сметаной. Чем щука больше израстает, тем она жестче.

Надо полагать, щурогайки оказались в этой луже не специально для нас. Попали в старицу с весенним половодьем, которое заливаает всю заиртышскую сторону. Поэтому на лугах здесь такое богатое сено, так много клубники, так сочен шавель и лук-слизун и свирепы комары. И вообще, за Иртышом — приволье.

А с щурогайками случилось вот такое несчастье. Нередко узкие, не имеющие выхода в реку старицы настолько высыхают, что рыба в них задыхается. Особенно, когда жара и нет дождей. Тогда они считают за благо глотнуть хотя бы нашего воздуха. Скорее всего, завтра бы они уснули и пропали. Сегодня же еще успели сослужить последнюю службу косарям, которым приварок ох как кстат!..

Вот было радости-то! Даже мой сивка соизволил несколько шагов проскакать махом. Видать, отдохнул в кустах, пока мы с рыбой управлялись, и наше настроение ему передалось.

Бригадир Пахандрин зло цыкнул на «бездельника», которого «черти не знамо где мотают, вместо того, чтобы делом заниматься». А я ему с лошади мокрую скользкую рубаху показываю, а в ней щурогайки шевелятся. «Вот!» — выдохнул я.

Уж и подивились мужики, а женщины и того более, пацаны же делали вид, что не верят ни единому моему слову, а сами умирали от зависти.

— Ну-ну, — милостливо хмыкнул старик Пахандрин, — в холодок спрячь.

Весь остаток дня ходил я в героях. А дед на дальней гриве долго еще белел нательной рубахой; когда же собрались, завершив стог, к балагану пообедать, подъехал, молча посмеиваясь в усы, густо посыпанные сединой. Он вообще, когда трезвый и не по делу, не любил говорить.

Потом снова работали до позднего вечера. Облако, немного испугав, уплыло на другие луга. Так что успели сметать в стога все копны. Устали. Женщины тихо собрались к лодке и уплыли домой на тот берег: им еще надо сбрызнуть увядший за день огород, спрворить ужин, подоить корову... Их рабочий день еще не скоро закончится.

Мужики и мы, ребята, остались на покосе, в балагане. В этот раз на ужин была отменная уха или, как иногда называют ее в наших местах, шерба. К выловленным на закидушки окунькам и ершам добавили молоденьких щучек. Кто едал, тот знает, какая получается уха! Особенно, если сбобрить ее огненным, домашней заготовки перцем, каким всегда славились Пахандрины. А реки, старицы, озера в те дальние годы еще не знали запаха мазута.

Примерно половину щурогаек переслали бабушке, пусть и она полакомится, остальное, как водится, — в общий котел. Ели, швыркали, торопясь и хваливая.

Вот это, может быть, больше всего и влекло нас на покос: настоящий теплый непромокаемый балаган человек на десять, ежевечерний костер и ужин из общего прокопченного казана, а потом чай на листьях ежевичника или смородинника... Общий стан, жилье, общая еда и дружная работа, где ты не «довесок», слезами умаливший взять «покататься», а совсем полноправный покосчик. Что может быть лучше в мальчишеском детстве! Да еще когда у тебя хоть на неделю — две, но свой конь!..

В тот палящий, долго не отходящий ко сну день, я, быть может, впервые в свои десять или одиннадцать лет понял, что тоже что-то значу на земле, не без пользы для людей существую.

...Нынче много пишут, говорят, спорят о профессиональной ориентации, о трудовом воспитании подростков. Мне кажется, спор этот бесконечен, если не обратиться к давно уже найденному и проверенному. Мальчишки все-таки должны работать рядом со взрослыми, лучше — с отцами, дедами, братьями. И делать работу не ради забавы или воспитательного процесса, а самым серьезным образом. Соленый и обильный пот детской работы на покосе в воспоминаниях уже зрелых лет становится сладким.

КОСОЙ ПАРУС

У самого того берега лодчонку били звереющие волны.

— Ну не окаянные ли... Да што они делают! Утопнут же... Ох задам, ох и задам же окаянному!

Тетя Валя металась по берегу, вставляла на цыпочки, приставив козырьком ко лбу ладони, и готова была чайкой лететь через Иртыш. Чтоб вызволить своего непутового сорванца Генку, который в паре с другим Генкой, Волковым, безуспешно боролся сейчас с осердившейся рекой.

Насколько было видно с этого берега, парнишки вдвоем уселись на весла, надеясь так побороть волны, ветер и течение. Но опыта управляться вот так с веслами и лодкой у них не хватало. От берега-то выгребли, но тут и попали реке в оханку, начала она с ними играть. Недобро, зверовато, с угрюмым велсьем.

Сегодня пришел ветер с северо-запада. Вал за валом гнал он стадами тяжелые тучи. Стыло стало и чужо на берегу. Хотелось в дом. Бывают в Сибири такие дни, когда даже летом хочется затопить печку и околованно глядеть на пляску пламени. И чтобы обжигала сохнущая прямо на теле рубашка. Никакое дело в такой день на улице не в радость.

Ветер к вечеру усилился. Наверное, ночью будет злой, холодный дождь. А после дождя надо ждать хорошего клева, изголодается ведь рыба, поди. В расчете на этот клев и съездил я только что за реку в луга. Заиртышные черви считались лучшими. Были они коричневые, верткие, тугие. И водились там в таком множестве, что из одной дернинки можно банку консервную набрать.

Уже и лодку перевернул на случай дождя, и весла убрал в огород, как тетя Валя Дикова прибежала всполошенная на берег.

— А я тебя ищу. Ребятишки уплыли за реку червей копать. А тут ишь ведь, что поднялось.

Интересно, я их там не видел. Лодка, правда, была причалена далеко в стороне. Наверное, баловались где-то сорванцы.

— Утопнут, холеры. Сплавай за ними, а? И этот еще старый дурак Пахандрин дал им лодку-то. Ведь перевернет, ей богу, перевернет. Гли, што деецца! Сплавай, миленький. Гли, как хлещет. У тебя и лодка... Я бы кого другого попросила, так некого. Мужики на покосе. Утопнут, ей бо утопнут, окаянные! Ты хороший парнишка, Юра...

«Хороший парнишка» Юра был всего ничего постарше «холеры» Генки. Но и то правда: у меня и лодка получше, и сам уже второе лето из нее не вылажу. Я уже внутренне согласился с Генкиной матерью и теперь только размышлял брать или не брать парус. При таком ветре с парусом намного быстрее. И заманчивее. И если что, будет легче отговориться, мол, спал парнишек, торопился.

Возле Покровской ветер северо-западный дует как раз против течения. Оттого при нем и волны высокие, ершистые, с белыми барашками. И мне идти было надо как раз по волне. Ну, а если мачта не выдержит, ломается? У нас на нее всегда надежда была плохая. Да и при подходе будет много мороки, не настолько свычно было мне бегать с парусом в такие волны.

И я еще раз посмотрел на лодку у того берега. Отсюда волны казались уже выше ее. И впрямь зальет. И ребятишки веслами невпопад колотят, видать совсем растерялись. И тетя Валя, соседка наша, над душой канючит. Она стоит высокая, крупная, у самой воды. Лицо бледное, а босые полные ноги красные от воды. И ветер треплет выцветшее платье. Кроме Ген-

ки у нее еще есть Нинка, чуть младше. Но сына она всегда жалеет больше.

Меня тетя Валя уже не просит. Видит, какие волны. Она думает, что я испугался. Как все покровские бабы, бури она боится панически. И посылать меня туда страшится. Но слепая материнская любовь толкает умолять хотя бы взглядом. И это мне понятно. И действует сильнее, чем самые лстыивые слова.

Я бегу в огород сперва за веслами и мачтой, потом за тяжелым рулоном паруса. Тетя Валя помогает перевернуть лодку и столкнуть на воду. При этом заходит почти по пояс в реку. Если бы было можно, она, наверное, так и шла бы до самого того берега. В лодку она не садится. К лучшему. Не умея ничего делать на воде, она бы только мешала.

Пока ветер у берега не так силен, я ставлю мачту, поднимаю парус. Он два раза хлопает, один раз больно бьет реей по ноге, потом надувается, и лодка прыгает с места в карьер.

Парус у нас косой. Каким всегда его рисуют по стихотворению: «А он, мятежный, ищет бури...» Это красиво, хорошо для управления, не требует сноровки и силы. А силы-то как раз у меня маловато. В этот раз спасло то, что ветер дул, не меняя направления. Я обмотал веревку, удерживающую рею, вокруг ноги. Барашки пенились у бортов. Лодка чуть-чуть переваливалась на волне, как подвыпивший мужик на большой дороге. Волны разевали пасти, будто хотели заглотив с кормы и лодку, и меня. А когда моя надежная «тоболка» ускользала, они зло шипели пеной.

Пока все складывалось хорошо. Но это и предвещало беду по нашим поверьям. На душе было пусто и звонко. Мысленно репетировал, что буду делать, когда подъеду к лодке с Генками. Спустить парус и подойти на веслах? Но пока спущу и возьму весла, моя посудина станет неуправляемой. Развернуть парус по ветру? И пусть болтается свободно? Но тогда начнет швырять и опрокинуться будет еще легче. Кажется, я сотворил глупость с этим парусом.

А лодка несется птицей. И все ближе к развязке. Парус натянут, как барабан. Его сделал брат Виктор, возвратившись с войны. Он отремонтировал вот эту бакеншицкую «тоболку» (как он объяснил, их так, мол, называют на реке Тобол). А вот грести ему было худо — пораненная в локте и согнутая правая рука почти не разгибалась. У меня грести по целым дням не могло хватить никаких сил. И тогда Виктор придумал парус.

Видать, с довоенных лет лежал у нас в доме полвик. Серый и гладкий. И только Виктор объяснил, что это самый настоящий брезент. Тот самый, из какого шьют паруса для больших кораблей. Поди, видел в кино?

Делать парус прямой, как на Стеньки Разина челнах, Виктор сразу отказался. Им плохо одному управлять. И смотрелся он не столь поэтично. А Виктор, как-никак, сколько-то шегалял перед войной в морской форме. Что ему рыбацкий парус!

Резать полвик бабка отказалась напрочь. Пришлось угол подогнуть. А сверху наставить кусок другой тряпки. Веревки по краям полотнищ вшили новые, честь честью. Для мачты я пожертвовал шест от скворечника. Благо, скворчата уже вылетели из гнезда.

— Сосновую бы мачту... Есть такие мачтовые сосны, понял?

Но где же в нашей березовой лесостепи найти

сухую сосновую жердь. Обошлись березовой. Получилось все равно ладно. Ах, с каким шиком ходили мы под нашим парусом! Такое было на Иртыше не заведено. Паруса мы знали только по кино. Один раз я видел в городе нарядную белую яхту на базе ОСВОДа. Она ходила галсами элегантно и надменно. Еще раз видел, как прошла по Иртышу вниз по течению большая лодка под широким прямым парусом. Бабушка сказала, что в таких лодках когда-то возили арбузы из Семипалатной. Ее муж, а мой дед Михаил, делал это не раз.

Когда веселый добрый ветер надувал выбеленный, вдруг оживший иной жизнью наш брезент, Виктор подмигивал мне ясным серым глазом и блеснул из-под гвардейских усов золотым зубом. Брат очень походил на деда Михаила — казака сибирской станции Покровской.

Хотелось петь. Хотелось в ватагу, чтоб из-за острова на стрежень. Хотелось шашку и пику и — в дальний путь. Наверное, это было наше родовое. Не зря в нас воедино слилась кровь двух стародавних и родовитых фамилий станции Покровской — Брагиных и Елугиных. А в этой станции испокон веку любимой песней была «По Дону гуляет казак молодой». И видно, есть своя закономерность, что эти строки я пишу на берегах далеких от Иртыша: у Берингова пролива, в заливе Лаврентия.

К парусу Виктор меня не подпускал. Но я все запомнил и учился втихомолку. Да и на объяснения брат не скупился. Учил не подставлять лодку бортом к волне, а держаться под углом. Тогда никакая волна не страшна. Учил грести, учил править. Учил жить. За два коротких лета узнал я столько, на что самому пришлось бы потратить не один год и отвечатъ немало бед.

В этот раз Виктора не было. Ему зачем-то нужно было съездить домой в город. Естественно, я тут же ухватился за парус. И вот мчался по воле ветра туда, где река уже расправлялась с двумя мальчишками, вздумавшими так легкомысленно к ней отнестись. Не пощадит и меня, если что...

Иртыш я пересек, считайте, мигом. Вот они, Генки. Выбились из сил. Бледные и зареванные. Пришибленные страхом перед взъярившейся рекой и неминуемой расправой дома. Увидев меня, они, и без того бестолково пытавшиеся удержать лодку кормой к волне, тут и вовсе побросали весла. Сдуру кинулись к борту, навстречу мне. И чуть не погубили себя этим сразу. Я заорал на них и погрозил кулаком. Генки опомнились. А потом перепугались еще больше. Лодка с парусом летела прямо на них.

Когда оставалось совсем уже близко, я все-таки бросил веревку, отпустил парус почти полностью по ветру. Лодка будто споткнулась и, оступившись, вильнула. Легким рулевым веслом сколько есть силы я подгрел корму к лодке с мальчишками. Я почти задел ее. Зато успел ухватить цепь, привинченную к носу той лодки.

Сначала меня чуть не сдернуло с седушки. Но этого я ожидал и левой рукой ухватился за борт. Потом той же левой ухватился за веревку, удерживающую рею, и потянул к себе, ловя ветер полным парусом. Теперь думал, что меня разорвет на две половинки. Уже хотел бросить цепь, так стало больно. Но вдруг стало легче — это лодка на буксире набрала ход.

Пока что все было правильным. Буксир стал пла-

вучим якорем и помогал удерживать обе лодки строго по ветру, в самом безопасном направлении. Это сейчас говорю про плавучий якорь, и почему все оказалось правильным. Тогда ни о чем таком не знал и не думал. Подходящее решение, наверное, подсказало чутье, инстинкт или что другое, что помогает выжить зверю и человеку в неведомом случае в дикой природе. Нужно только поддаться чутью, не мешать ему управлять собой.

Но держать лодку долго на буксире я не мог. Да и надо править, вести посудину к какому-то берегу. С горем пополам, пользуясь накатом, когда очередная волна чуть подбрасывала лодку с Генками ко мне, я подтянул ее к себе вплотную и даже дальше — к середине лодки. Теперь уже повеселевшие, Генки оба могли держаться за борт моей лодки, являясь живым буксирным канатом в четыре руки.

В их лодку полным-полно нахлестало воды. Понятно стало, почему они так беспомощно болтались среди волн. С превеликими страхами и слезами, под угрозой быть отдубасенными кормовым веслом, Генки перелезли в мою лодку. И свою за цепь держали уже отсюда. Теперь можно стало свободно править к берегу. Ближе всего к тому, который мы звали «заревой». Туда сподручнее и по ветру идти.

Причаливали с криками, промашками, суетой и до нитки мокрые. Воды набрал и в свою лодку, а вторую почти затопил. Волны бросались на берег, кидали лодки и лодками били нас. Кое-как втроем вычерпали воду, привязали чужую лодку к коряге, а свою приготовили в путь. Только после этого смог выдать каждому Генке по его заслуженному подзатыльнику. Дикову, как заводиле, покрепче. Волкову, как хилому, сопливному и реве, половинный. Оба кару восприняли молча.

На нашем берегу, у нашего взвоза все так же каменно, с ладонью козырьком стояла тетя Валя. Но, по-моему, уже с прутом в руке. Об этом я и сказал Генке. Тот криво улыбнулся. Его больше страшил отцовский солдатский ремень. Отец, конечно, придет сегодня с покоса.

— Так надо ж, орлы, домой, а?

Мокрые и синие «орлы» стучали зубами. Их ладони полопались от водяных мозолей. Н-да, не гребцы... И огня здесь нет: я уже не курил, а эти не успели начать. Да и все равно спички вымокли бы. Нет, надо домой. И надо все так же — под парусом. Снова под острым-острым углом к ветру. Пусть окажется много выше деревни, зато потом под берегом легче будет спуститься на веслах. Будет хоть дольше и дальше, но зато надежнее. Я отвечал теперь не только за себя. За себя-то не страшно, выгребу.

Вспоминаю, что чувствовал себя тогда много взрослее. Так, наверное, и положено при ответственности и самостоятельности.

Вечер шел совсем свинцовый. Обоих Генок для сугрева я заставил грести, хотя парус лодку шустро гнал. На ходу учил, как надо загребать при ветре, кому следить за направлением и как встречать волну. Учил всему, чему научился от брата.

До своего берега добрались без приключений. Опустили парус и стали сплавляться на веслах. Обрыв, хотя немного, защищал от пронзительного ветра. Тучи спрятали солнце и не показали, как оно прощальное с нами. Тучи утюжили степи и реку. Веяло древним.

Отчетливо казалось, что все это было. Когда-то,

возможно, давным-давно. И даже не в этой, не в моей жизни. Но почему-то помнилось. Так же судышко кралось под чужим берегом. Шла ватага на рисковое дело. В любой момент надо было ждать засады.

На обрыве показался силуэт.

— Генка! — крикнула тетя Валя от «красного» столба. — А ну, вылазь!

Генка смотрел умоляюще. И я все понял.

— Да мы уж, тетя Валя, до нашего взвоза поплывем. Тут приставать плохо. Тина тут. И ветер, а мы замерзли.

— При чем тут «ветер и замерзли»?.. — Тетя Валя не поверила, но послушалась. Сейчас право у меня. Как-никак отвел беду от сына. Она еще погрозилась и пошла домой по тропинке. Все так же в легком платье и босиком. И хворостину не бросила, как знак своей власти над неслухом-сыном.

Снова надвинулась тень желтого обрыва. Вода его подмывала, и он обваливался крупными кусками с шумным вздохом. Будто раздевался, обнажая спрятанные тайны. То ржавый штык, то сломанный приклад, а иногда скелеты...

— Вчера Вовка Родькин сказывал, тут снова кости вымыло. Один череп с волосами. Длинные такие и черные с прозеленью, — сказал Генка Волков, трусливо опасаясь накликать беду, вспоминая к ночи такие страсти.

Далеко за Покровскую, даже в прежних тех границах, уходили по берегу бугры и ямы — следы не то могил, не то жилья. Земля была богата следами давних битв. Мы находили даже обломки наконечников стрел, обломок заржавленной какой-то фузеи с одним курком и заряжавшейся со ствола, зеленые гильзы современных винтовочных патронов.

Но нам уже мало доставалось добрых трофеев. Вот брату Виктору повезло. Еще до войны нашел он с парнями шашку казачью. И оставил в сарайке, где жила корова. Я нашел эту шашку. Она была изрядно объедена ржавчиной и зазубрена. И все равно ею было славно воевать с бурьяном и рубить чащу. Это сырой хворост, ветки берез и таловых кустов. Сложишь плотным беремнем на чурку и рубишь. Получаются ветки равной длины, удобно в печку класть. Такие были наши дрова.

Но та сабля — еще не все. Главное показал Виктор сам. У него была, оказывается, еще одна шашка! Целая, с ножнами. Ни капельки не ржавая. Ее подняли со дна Иртыша. Была, видать, хорошо смазана. А ножны выцвели, иструхлявились.

— Что делать с ней будешь? — спрашивал я, распаленный фантазиями.

Брат недоуменно пожимал плечами. Он вырос уже, и было ему не до игр. А для дела? Для какого дела нужна была старая простая шашка? Ржавую он скорее всего перековал на ножики, необходимые в доме. Самым длинным бабка скоблила деревянные половицы. На ножики разошлась по друзьям и новая шашка. Даже поиграть с ней толком не дал.

— Кто же такой играет. В уме, паря?

Наверное, эти берега и напомнили пережитое не мной время, когда в Прииртышье со свистом и топотом гуляли на просторах рука об руку смерть с отвагой. И я по-взрослому покрикивал на Генку, морщившихся на вельсах от боли в ладонях.

— Терпи, казак, атаманом будешь!

Так и Виктор мне говорил, когда глотал я слезы,

умученный рекой и лодкой. На него я не роптал. Просто не имел права. Это ведь такое благо — иметь старшего брата. Это понятно лишь тому, кто рос в семье один и без отца.

Первое, чем одарил брат, вернувшись с войны, это были закидушки. Он их вынул из-под крыши, из-под боковой балки. Пять закидушек! И на них еще довоенные крючки: «стерляжья», «налимья», «окуневые», «заглотыши». Одна была из жилки и с грузилом из настоящего свинца. Грузило отлито в ложке. Такое никаким течением не снесет.

Я стал из пацанов самым богатым рыбаком. И никто не смел тронуть эти закидушки. Они были священные — от фронтовика. Но было это не долго. Однажды оставил на ночь и половины утром не досчитался. Снял их, видать, чужой, кому была непонятна святость подарка.

Еще Виктор научил ставить переметы. Дело нехитрое, снасть простая. Но он обеспечил крепкой кордовой ниткой для бечевы и крупными «язевыми» крючками. Снасть на язя. И показал, как брать этого язя саком, чтобы не сошел. Уж больно тонка губа у этой рыбы, большой навык нужен. И пришло время, когда я стал таскать язей ведрами домой. Из них такие вкусные пироги бабушка пекла. Язь и нельма — самая вкусная рыба для пирогов.

Но я, кажется, шибко отвлекся от косога паруса. А та история уж и кончилась. Тетя Валя терпеливо дождалась у взвоза, помогла вытащить лодку и перевернуть — в нее снова нахлестало воды. Генка Диков заранее начал шмыгать носом. А Генка Волков умчался вдруг, все бросив, как заяц, заросли лебеды в логу. Он раньше всех и вовремя заметил на обрыве свою мать, женщину суровую и заполошную.

Дикова Генку на верх повели под молчаливым конвоем. И только на обрыве тетя Валя заголосила: — Ах ты, варнак! Ах, окаянный! Да что же ты думаешь своей дурной башкой! Подумаешь, умрем без твоей рыбы...

И все в таком же духе, неинтересно.

А я сидел усталый, не имея никакого желания поднять и унести в огород тяжелый тюк паруса, так выручившего сегодня нас. Хотя нет, надо его сегодня домой. Ласточки летают к дождю низко, и на душе тоскливо — к плохой погоде. И ведь надо же: я был старше Генку всего на каких-нибудь пару лет. И для них, и вправду, рыбалка была еще забавой.

А мне в их возрасте без улова хоть домой не приходи: закидушками ловился ужин. И навалывали. Бывало, за день на закидушки по полведра. А если кому не везло, складывались все, отделяли от улова, чтобы и он — пришел домой кормильцем. С тех пор укоренилось правило — без добычи домой не приходиться.

А парус... Его вскоре распустили. И лодку вернули дяде Грише. И думается, не без настояния бабки с дедом. Потому что видели, как я однажды выпендриваться вышел в непогоду под парусом. И обломалась мачта. И лодку захлестнуло. И долго-долго выгребал на берег. Вымок и простудился. И вместо славы конфуз вышел. А не балуй!

Парус возвратили снова на пол. Было грустно глядеть на брезент, побывавший парусом недолго и снова ставший половиком. И швы остались, — как шрамы от былых походов. Такая судьба..

БРЕЗЕНТОВЫЕ БОТИНКИ

Старшие классы школы заканчивал в Омске. В старомодном и просторном здании, где когда-то была женская гимназия и в ней после революции училась моя мама. Только это и привлекало. Душа осталась в старенькой деревенской деревянной семилетке, в Покровской. Надо думать, с каким настроением туда я мчался каждые каникулы.

Однажды поехал весной. В городе уже тепло было, улицы раскисли. А в деревне, знал, еще снег, еще холодно. Да и ехать на открытой машине. Поэтому и взял под мышку валенки.

Автобусов тогда не было еще. Добирались на попутных. Их ждали на окраине, где начиналось шоссе на юг, вдоль правого берега через бывшие станицы сибирских казаков. Бывало, день прождешь и безуспешно. В тот раз повезло, вскоре подбрал грузовик. В кузове, заставленном железными бочками, было ветрено и сыро. Так уже замерзший, я быстро переобулся в валенки; ботинки и чемоданчик сунул куда-то, сам примостился, чтобы не дуло.

Накатанная дорога подмерзла, машине весело бежать, я предавался переживаниям предстоящей встречи со стариками, с приятелями детства. Время пролетело незаметно. Вот и наша улица, вот мосток. Как же дотянуться до кабины, чтобы постучать? Видя суету мою и безуспешность, один из парней-попутчиков пронзительно свистнул. Шофер притормозил, я подхватил чемоданчик, спрыгнул торопливо, боясь излишне задержать машину, расплатился и помахал на прощание, благодарный за помощь двум своим молчаливым попутчикам.

И только когда подходил к воротам своего дома, вспомнил — и сердце упало: ботинки! Метнулся к дороге — куда там, машина мелькнула далеким пятном. Ни номера ее не запомнил, ни откуда она, не знал. Теперь догадался, почему парни, с которыми за дорогу не обмолвился ни словом, в ответ переглянулись, улыбнулись. Неужели на ботинки позарились, не подсказали. Предстоящие каникулы сразу оказались испорченными. Мать только вчера купила ботинки. И покупала на всю весну и лето, а может, даже осень. Такие покупки при ее маленькой зарплате счетовода артели инвалидов делались с тяжелым вздохом, долгими наказаниями носить бережно, глядеть под ноги, не гонять футбол и так далее. Называется, поберег. От одних предстоящих попреков и слез с ума можно сойти. Не знаю, может и не было бы впереди всего этого. Но мне казалось так и отравляло жизнь.

Бабушка, человек бесконечно добрый, изливала на меня всю неиссякаемую любовь и моих терзаний не замечала. Пришлось рассказать самому. Она погоревала и согласилась:

— Где ту машину теперь сыщешь. Да разве скажут...

Еще погоревала и сказала деду:

— Надо идти, Роман.

И достала склеенную сахарницу из стеклянного шкафа — последнего свидетеля былых времен, а из сахарницы — тошенькую пачку зеленых трехрублевков. Потерянные ботинки стоили более ста рублей в старых деньгах — почти всю пенсию за пропавшего на фронте без вести отца. А хватит ли этих? Дед

деньги не стал пересчитывать, видеть, старики хорошо знали свою наличность.

Удивительно, как вообще деньги сыскались у них. В колхозе выдавали натурплату, да и сколько ее полагалось сторожу. Бабушка была когда-то пекарой в колхозе, но к тому времени работать не могла, а пенсии не было в колхозах. Дочери — тетя Катя и моя мать — деньгами тоже, знал, не помогали. Было стыдно вводить в трату стариков. Но, видимо, положение мне представлялось столь трагическим и безвыходным, что не стал протестовать.

В деревенском магазине ботинок нужных не сыскалось.

— Иди в Излыбашскую, — велела бабушка. Она так и не привыкла эту бывшую станцию называть по-новому. И то сказать, не везло селу на названия. В ту пору оно звалось Молотовом. И не сказала «езжай», сказала «иди». Это тоже от давних времен, когда сходить за восемнадцать километров считалось пустяком.

— Иди, — велела бабушка деду, — поди, не привыкать. Вспомни, как Юрка помирал. Небось тогда бегом бежал.

И она не приминула вспомнить случай, когда привезли меня им восьмимесячным и оставили расти. А я возьми и заболей. И лекарства нет, в район надо. А весна, распутица. И пошел дед пешком. А я уже, сказывала бабка, весь посинел, не чаяла, что до утра доживу. К утру принес дед лекарства, выходили внука...

И вот снова дед в дорогу, а я остался повеселевший, ждать. Его долго не было. Бабушка тоже переживала.

— Поди, холера, ишло бутылочку взял.

При этом она, передразнивая деда, произнесла «путиличку». Ее Роман был нерусский.

А если уж точнее, то был он дедом неродным нам. С родным, Михаилом, у меня в памяти связывается лишь фотография красавца-казака с шашкой и «георгием», да на сельском кладбище белый памятник, под которым лежат пятеро станичников, порубанных карателями колчаковского отряда генерала Анненкова. Рожицу, где это случилось, с тех пор зовут Убийшевой.

А Роман Иштван был пленным мадяром. Каким-то образом попал он к бабушке в работники. А когда промчалась буря гражданской войны, оказался он уже не в работниках, а в невенченных мужьях нашей бабушки Фроси. Не захотел возвращаться в свою Венгрию. Говорил, что нет у него там ни земли, ни дома, а тут новая жизнь, бедняцкая власть.

А я считал ко всему еще, судя по фотографии, красивой была в те годы сибирская казачка Ефросинья Брагина. Хоть и успела нарожать одиннадцать детей. Правда, в живых остались лишь Анна да Катерина. За отца они бывшего работника не считали, так и звали просто Романом. Мой двоюродный брат и сестра постарше звали — дед Роман. И только я звал — дедой. Он меня с малых лет вынянчил.

В колхозе Роман Иштван работал с самого его образования. И до самой смерти. В пору моего детства он был уже шибко старым, далеко за шестьдесят, и только сторожил. То скотину на заимке, то амбары, то сады. Это мне нравилось. Сторожу

полагалась берданка. Из нее учился я стрелять и добыл первого чирка.

Еще дед нравился тем, что умел виртуозно ругаться. В этом деле был он вторым в деревне. Ругался с выдумкой, а из-за акцента, от которого так и не смог избавиться, получалось это очень смешно.

Помню, у нас такой случай был. Перевозили с братом Виктором на лодке свежесрубленный тальник для плетня. Тальника было много, его вершины перегибались через борта и свисали к воде крыльями. Наверху восседал дед, крепко ухватившийся за охапки.

Было свежо, и под парусом перегруженная лодка бежала ходко. Но на середине Иртыша вдруг застала гроза. Порывом ветра сломало мачту, парус упал в воду, лодка потеряла управление. Ее стало бить водой, понесло течением. Дед перепугался не на шутку.

Он и без того панически боялся реки и подгонял нас плыть быстрее к берегу. А тут и вовсе. Со страху заговорил сначала на венгерском. Потом перешел на русский. На самый-самый, что ни на есть непечатный фольклор. Мы с Виктором до слез ухотались. А деду не до смеха. У него тоже слезы вот-вот брызнут. Но только слезы отчаянья.

Положение наше лишь с виду могло казаться страшным. На самом деле опасности никакой. Лодка держалась устойчиво, и кругом — сплошное дерево, на плаву удержит, утонуть невозможно, даже не умея плавать. Подняли мы парус в лодку, добрались на веслах, до самого берега посмеиваясь.

А на берегу уже и он сам смеялся с нами. На земле он враз подобрел и был готов простить наше к нему несерьезное отношение. Он любил нас и готов был простить нам вообще все. Для него, давно оторванного от родины и оставшегося бездетным, мы были самыми близкими, ради кого стоило жить. Для себя деда жить не умел. Всегда был безотказным. И на внуков не жаловался. Только огорчался, что редко приезжают в деревню.

Деда старательно работал, курил крепкий самопад, с донником, брил и стриг желающих: у него еще с первой империалистической имелся набор бритв, расчесок. И две машинки. Одна машинка, правда, уже советская. Брил и стриг бесплатно. Разве что оставит кто на столе мелочишку или рублевую бумажку. А находились и такие, кто приходил бриться его бритвами у нас дома. Дед не отказывал, но втайне обижался, высказывалось вроде недоверие к его рукам. А ведь столько он брил! Одна бритва, помню, совсем была сточена, и ею он дорожил свято.

Пил деда редко, но основательно. При этом никогда не бушевал, предоставляя бабке возможность выговорить все, что ей хочется, в другой раз будет некогда, и не таким он будет покладистым...

И вот я ждал деда с ботинками. Он явился поздно-поздно вечером. Вопреки предсказаниям бабушки — трезвый. Шел медленно от усталости. Ему и в этот раз пришлось прошагать в оба конца старыми ногами по раскисшему снегу: машины перестали ходить по такой дороге, а доброго шоссе еще тогда не построили.

И все же он улыбался: на плече его висели ботинки, связанные шнурками. Быстренько я их примерил и возликовал, они пришлись точно по ноге. Старики тоже тихо радовались. Я любовался бо-

тинками, гладил их... И тут мое сердце снова упало. Я снова был в отчаянии. Ботинки оказались не такие! У них только носки и задники кожаные, а сами все брезентовые. Ведь это же мать сразу увидит и поймает меня. А значит, все равно попадет, так или иначе много будет пролито слез.

— Неужели не было других?

— Не было, внучек, не было, — оправдывался дед.

Всю ночь я думал над своим положением, а утром надумал опыт. Разыскал баночку засохшего сапожного крема. Разогрел его и намазал ботинки им так, что брезент сквозь крем стал вовсе не виден. Издалека обувь ничем не отличалась от обычной кожаной. Только чуть более тусклой казалась.

Успокоенный, я с аппетитом навалился на горячие пельмени с холодным молоком, не спуская глаз с преображенных ботинок. Нет, ничего с первого раза не заметно. И мать не углядит. Надо будет держать их в углу потемнее.

Так и вышло. Ботинки, если и стояли дома, то в темном коридоре. Но вот чистить приходилось их namного чаще, чем привык, почти каждый день. Следил, чтобы сквозь жирный крем не проглянула предательская ткань.

Так мать ничего и не узнала...

Несколько лет спустя, я уже был студентом, уже охватила со всех сторон иная, нетерпеливая жизнь, она упорно и стремительно гнала меня по иным дорогам, которые почти и не пересекали Покровскую. Совершенно уже не хватало времени: то пошлют сажать кукурузу, то заготавливать веточный корм (в сельском хозяйстве планировали стремительный подъем), то на святое дело студентов — уборочную. А если вдруг выкраивалось время, то обнаруживалось, что куда интереснее поехать на каникулы к приятелю на Алтай, то свалится неизвестно из какого угла увлекательная научная работа. Конечно, я в Покровской бывал, но все мимоходом, случайно. И вдруг после весенней сессии непонятно почему неодолимо захотелось наведать стариков. Как раз выдали стипендию. И непонятно почему пришли на ум те брезентовые ботинки. Уж и мамы нет в живых, уже все должно было быльем порастить, а вот вспомнилось.

Тогда поехал в центр города, обошел несколько магазинов, пока не нашел ручную машинку для стрижки волос. Больше ничего не мог придумать для подарка деду Роману, а без подарка заявиться просто не мог.

Дед Роман, получив из моих рук новенькую машинку, сперва обсмотрел ее, подвигал ручками, прислушался к ходу ножей. Достал свою старенькую, которой давно был недоволен, а еще больше были недовольны клиенты, потому что за долгие годы жизни она потеряла несколько зубов и теперь иногда «рвала» и «дергала».

— Тугая... — со вздохом сказал дед Роман.

— Правда? А я пробовал, мне показалось мягкая на ходу. И «нолевка», как ты хотел...

— Нолевка, — сказал дед и почему-то снова вздохнул.

И я понял, что дело вовсе не в «тугости», а просто жаль ему свою старенькую. Было время, когда она да бритвы составляли все богатство деда, когда эта машинка была единственной на всю Покровскую,

и к деду шли подстригаться, как ныне ходят в парикмахерскую. Вот и сталь не выдержала, сносились, истерлась. А он сам живет и живет... И внук вот вырос, пусть не родной, а все же не забыл деда Романа, привез подарок... И жизнь такая прошла, что этому внуку, студенту, ничего не стоит купить в магазине машинку — хорошую, ловкую машинку, она пойдет по волосам, как по маслу... Ничего не скажешь, хорошая машинка...

Уже предательски заблестели «на мокром месте» все еще зоркие дедовы глаза, да он им не дал воли, кряхтя поднялся, и бормоча «вот спасибо, вот спасибо, внук, вот...», ушел в дом, убрать свой парикмахерский инструмент — не больно-то он теперь надобится...

То был сумасшедший день. Он гнал меня сперва на берег Иртыша, потом в огород, в Домашнюю рощу, в магазин, в клуб. Вот вспомнить, что делал, и не вспомнится — сплошная суета, мельтешенье. Вечером сидели в огаде, ужинали в прохладе варениками с творогом, оладьями. Говорили тихо, редко, о несущественном, вроде у всех у нас прорва времени.

Потом я умчался, у меня были свои дела. Они были связаны с соседской девчонкой Зиной, которая, как это всегда бывает, вдруг выросла и стала прехорошенькой.

Домой возвращались по росе. На углу, в лунной тени от плетня, мы долго прощались. Потом Зина тихо ушла.

А я еще побрел на берег Иртыша, вышел к школьному взвозу, к самому высокому обрыву, куда любили мы, старшеклассники, собираться поздними вечерами, потому что отсюда далеко-далеко виден Иртыш и его заречная пойма. Луна стояла высоко. От заиртышья стелила она к моим ногам серебристую дорожку. Не очень далеко пиликала гармошка, словно нарочно: «Снова замерло все до рассвета...»

В душе моей теснились странные чувства, они готовы были вырваться наружу, но, видимо, не знали каким способом; в словах, слезах или песне. Почему-то было невыразимо грустно, хотелось оплакать невозвратимое. Пахло полынью. Она перебивала память о запахе девичьих волос, будила иные воспоминания. Хотелось плакать — светло и чисто.

Домой вернулся берегом, по утоптанной вдоль берега тропинке. Выпил оставленную бабушкой кружку молока и завалился на постель, приготовленную, как и просил, на полу в сених. Здесь до боли знакомо пахло хлебом, сухим деревом, старой кожей. Сна — ни в одном глазу. Только подумал, как сон упал на меня: словно птица с неба.

...Утром прощался со стариками.

— И чо таку рань поднялся... Спал бы да спал. Ишко только коров погнажи.... Спи,— ворчала бабушка.

Дед Роман сидел на крыльце и по своей привычке дымил нещадным самосадам. Молчал.

— Может, подстричь тебя? — нерешительно спросил он.

— Да ну, деда... Ты по-модному не сумеешь. Да и недавно был в парикмахерской.

Есть не хотелось. Собрался быстро.

— Куда? — испугалась бабушка. — Уже?..

— А я блины завела. Подожди, хоть блинчиков испеку... На дорогу возьмешь...

— Не могу, бабушка, торопиться нужно. Еще попутку поймать, а там ждуть, ехать нужно, билеты куплены.

— Не дождеся блинов?.. Ну хоть молочка... Хлеба с маслом.

И вдруг запричитала:

— Нюра-то... Господи... Такая молодая... Хоть бы одним глазком поглядела... Лучше бы господь меня старую прибрал.

— Ну, ба... Ну чего ты. Ну не надо, ба...

Прощались молча, без слез. От ворот оглянулся: они стояли рядышком... Бабушка — седенькая; брови «домиком», глазки выцветшие голубенькие — такие добренькие и ясные. Рядом с круглой, уже сторбленной бабушкой дед Роман выглядел тошей жердью — черный, морщинистый, печальный.

— Машинка-то хорошая, — сказал он на прощание, — легкая...

— До свидания, — махнул им рукой, закрыл калитку и зашагал к шоссе. Попутку ждал недолго: какой-то грузовичок очень спешил в город к открытию базы, поэтому притормозил на секунду. А когда снова тронулся, я оглянулся на бабушкин дом. Старики стояли у ворот и глядели из-под руки на шоссе. Через двор за плетнем промелькнуло цветастое светлое платье. Тоненькая девичья фигура выскочила за ворота и, как споткнувшись, замерла. Я помахал деревне рукой.

Если бы знал, как все потом получится, ни за что бы так легкомысленно не попрощался. В то лето нас почти безотрывно держали то на одних, то на других работах. В зимние каникулы тоже выпала практика: по составлению плана колхозу, а весной мы уезжали на практику в совхозы, летом, в каникулы, нас сразу после экзаменов отправили в военные лагеря на стажировку, где мы стремительно должны были пройти военную науку.

Вернувшись домой узнал, что дед Роман умер прямо в поле, где сторожил колхозные бахчи. Его похоронили рядом с могилой казненного колчаковца родного моего деда Михаила. В жизни их связала сначала одна война, потом — одна женщина, ее дети и внуки, а после смерти — земля...

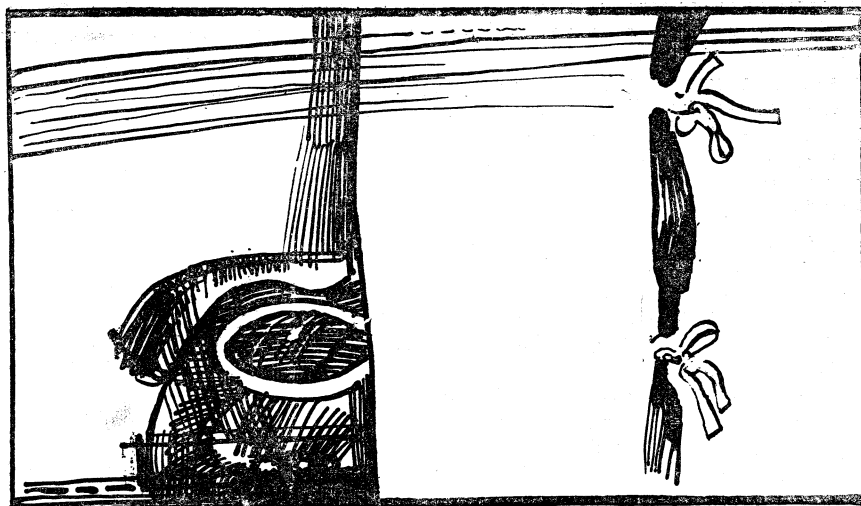
Бабушка Фрося продала дом и переехала в город к дочери, к внукам. Я, окончив институт, уехал по распределению, и в Покровской больше побывать не удалось. Говорят, ее теперь и не узнать.

...Машина шла ходоком. Всю дорогу слева голубела лента реки — реки моего детства. Дорога шла вдоль нее, вниз по течению. Я как бы мчался по течению воспоминаний. И снова неясная тоска теснила грудь... Теперь-то я знаю, как бывает, когда навсегда уезжаешь из детства.

Сергей
АРХИПОВ

Детям моим
посвящая

Хирургов славию в прессе я,
умеют люди жить:
хорошая профессия —
разрезать и зашить!
Доморощенное

ОТКРЫТЫЙ УРОК

Записки хирурга

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДРУГА

Однажды мой друг — школьный учитель, предложил мне выступить перед десятиклассниками, рассказать им о профессии хирурга.

— Ребята стоят перед выбором жизненного пути, — веско сказал он, — и мы практикуем встречи десятиклассников с представителями разных профессий.

Скажу честно, предложение меня не обрадовало: я вообще не люблю выступать, а тут, как понимаю, нужно еще и зажечь сердца молодых людей, напичканных всякой информацией, в том числе и на медицинские темы. Я — не знаменитость, я — обыкновенный «пахарь» от хирургии, правда, не приbedняюсь, и могу сказать о себе, перифразируя Маяковского: — Я хирург, тем и интересен.

И все же... двадцатилетний опыт — это, конечно, немало, но как подать его ребятам? Вечером я долго не мог заснуть, поезд воспоминаний повез меня по местам уже далекой юности, останавливаясь на известных только мне станциях и полустанках...

ВЫБОР

После окончания десятого класса я долго раздумывал — куда пойти учиться? Нравилось многое: манила геология — давнее мое увлечение. Даже теперь, когда эти мечты растаяли в прошлом, прекрасные и загадочные друзья горного хрусталя по-прежнему будоражат мое воображение. Но геологом я не стал: где-то услышал или прочитал, что геология — наука без будущего, себя она, дескать, исчерпала. Это меня потрясло. В молодости, когда кажется, что впереди целая вечность, и дело выбирать себе на века. Итак, на геологии был поставлен крест.

Другим серьезным моим увлечением была музыка. Я закончил музыкальную школу по классу баяна, педагог ко мне благоволил. Но, не видя у себя большого дарования, я отверг его предложение пойти в музыкальное училище, заявив:

— Если не Моцартом, то — никем!

Наконец, после очередных колебаний, я подал заявление на металлургический факультет Уральского политехнического института, решив продолжить семейную традицию: мой отец работал мастером мартена. Сдав экзамены без особого блеска, был принят в институт. И тут судьба принялась меня колотить. В школе я был едва ли не первым учеником, может, поэтому не научился бороться. Жизнь оказалась жесткой школой: меня никто не выделял из общей массы, более того, мне доставалось чаще других по разным поводам. Это меня обескуражило, короче говоря, я сломался: стал пропускать занятия, лекции. На экзаменах по высшей математике меня срезали...

Известие о том, что я бросил институт, быстро разносилось по нашему поселку. Судачили, охали, удивлялись, жалели мою мать. Я избегал встреч со знакомыми мне людьми, но они случались. Особенно мне памятна одна. В доме напротив нас жил мой друг Борька со своим дедом, которому было в ту пору лет семьдесят. Это был старый и мудрый еврей, немногословный и ехидный. Мы иногда втихую посмеивались над ним, но, в общем, уважали и даже побаивались. Называл он себя марксистом и с гордостью заявлял, что был трубачом в Первой конной армии Буденного. А по улице ходил в засаленной поддевке и в домашних тапочках на босу ногу, или в калоше на одной ноге и в тапке — на другой. Нас он называл только сукиными детьми. Судьбе было угодно, чтобы я в одну из моих тайных вылазок из дома вышел прямо на Борькиного деда. Бежать было уже поздно, и я шагнул к нему навстречу, как в клетку к удаву. Дед молча схватил меня за ухо сухими и жесткими, как ветви старой сосны, пальцами и стал выкручивать мне ухо. Наконец притомился, отпустил меня и долго не мог отдышаться. Потом вытащил из штанов большущий, серый от времени носовой платок, шумно высморкался и брезгливо посмотрел на меня:

— Если ты, Архипов, думаешь, что диплом тебе принесут на дом, ты ошибаешься. Правда, дураком прожить тоже можно, но тогда зачем ты так долго учился в школе? Пойди и передай своей маме, я ее очень уважаю, что ты сукин сын и круглый болван!

Спустя два месяца, я, уже студент медицинского института, снова встречаюсь с дедом Натаном на улице. Он, конечно, все про меня знает от Борьки.

— Архипов,— слышу глуховатый голос Натана,— если ты зайдешь к нам и случайно увидишь моего сукна сына Борьку, который варит суп, скажи ему, чтобы мясо из супа вытащил и не ел, мерзавец, я из него приготовлю второе...

Пока я соображал, из кого он будет делать второе, старик отдышался и закончил:

— И передай своей маме, я ее очень уважаю, что сын у нее не такой круглый болван, как я думал!

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Учился я неровно: то отличный ответ по химии, то едва не «завал» по истории КПСС. Даже анатомию сдал на «тройку». Но с четвертого курса, когда пошли, в основном, клинические дисциплины, стал учиться хорошо.

Решение стать хирургом созрело на третьем курсе. Это было связано, во-первых, с началом занятий по хирургии, во-вторых, с преподавателем Владимиром Ивановичем Тютюником, в которого мы все влюбились сразу и бесповоротно. Среднего роста, немного мешковатый, насупленный и немногословный, он был прекрасным хирургом, талантливым ученым и симпатичным человеком. Он еще и прекрасно рисовал, отлично фотографировал. Диссертация, в которой все, вплоть до оформления, было выполнено его руками, говорят, «прошла на ура».

Впереди у него открывалось интересное будущее, но все закончилось трагически и неожиданно для нас: Тютюник спился, потерял семью, науку и, наконец, хирургию. Работал потом где придется, сейчас след его потерялся окончательно. Но в то время он производил на нас ошеломляющее впечатление, и мы все, как один, решили стать хирургами.

Запомнился четвертый курс, клиника факультетской хирургии. Идет разбор большого с воспалительной опухолью на лице. Преподаватель вызывает меня и предлагает провести опрос больного: уточнить жалобы, начало заболевания, его развитие и т. д. Я выхожу вперед и не знаю, с чего начать, все слова куда-то исчезают, в голове тихо, как в музее. Больной ехидно смотрит на меня и ждет. Я набираю в легкие побольше воздуха и так ирриво говорю:

— Ну-с, и когда же вас этак разбарабанило?

Вместо ответа больной начинает багроветь, «коллеги» ржут, а преподаватель возвращает меня на место. Потом, уже без больного, мне устраивается нахлобучка:

— Это что за стиль, Архипов? Пытаешься подделаться под больного? А ну, как ошибетесь? Кем он вам казался? Дворником? Конохом? Сапожником? А он, между прочим, инженер, интеллигентный человек.

Я все понял и с тех пор говорю только на своем языке. В институте нас, кроме медицины, учат многому. А вот родному русскому языку нет места в учебной программе. Между тем, истории болезней, которые пишут иные студенты, являются шедеврами безграмотности: «...больной обстоятельно травмы не помнит, так как был «под мухой», но указывает, что ему в глаз прилетел кулак неизвестного товарища, в результате он, потеряв сознание, обратился в органы, которые и доставили его сюда».

Да простят меня коллеги, но многие из них оставили знаки препинания в последнем сочинении на вступительных экзаменах.

О дочерке врачей ходят анекдоты. Но я не могу представить себе хирурга на приеме в поликлинике, который бы неторопливо и разборчиво делал записи в амбулаторной карте, когда за дверью кабинета толпа больных, а норма времени на одного пациента—шесть минут, и за это время надо успеть поговорить с больным человеком, обследовать его, сделать перевязку или даже операцию и все записать! Вот тебе и каллиграфия!

А как мы говорим? В лучшем случае, это набор стандартных фраз, которые стучат по голове, как капли хо-

лодного осеннего дождя, и ничего, кроме раздражения, не вызывают. А раньше считалось, что если после разговора с врачом больному не стало легче—то это не врач!

Почему бы в медицинском институте не преподавать русский язык и риторiku? Смешно? А мне—нисколько, мне даже грустно от того, что этого, наверное, никогда не будет.

ГОД 1967-й

Пошел второй год моей работы. Я по образованию детский врач, поэтому на ставку работаю в детской консультации, а на полставки хирургом в стационаре. Пришел, помню, в отделение к заведующей Ю. Р. Мехоношиной:

— Хочу работать хирургом!

— А зачем вам это надо?

— Хочу,— долдно упрямо,— мечта детства.

Приняли на полставки. Сделал пару-другую самостоятельных операций, посмотрели на мою работу, сказали: «Можешь!»—и включили в дежурства.

Я был на седьмом небе! В те дни мне казалось, что хирургия—близкая к осуществлению мечта. Теперь, когда я проработал в хирургии двадцать лет, не могу сказать, что достиг совершенства. Бывают минуты отчаяния, страха, жутких колебаний.

Помню, работал со мной в поликлинике врач-интерн, он стажировался по хирургии после окончания института, а я уже в то время работал пятый год. Он был молодой, очень чистенький и аккуратный, совершенно бесстрашный парень, брался за любое дело, не испытывая малейшего страха: оперировать—пожалуйста! Править переломы—будьте любезны! Большой кричит от боли—ничего, потерпит. Вот такой холодненький, чистенький мальчик, белые манжеты, галстучек, модные туфельки на каблучках и абсолютная уверенность в себе, в своем мастерстве. Когда же у него самого случился острый аппендицит, он потребовал, чтобы его оперировал только заведующий отделением и непременно под общим обезболиванием.

— Я,— сказал он,— совершенно не выношу боли.

Итак, 1967 год. Из отделения бегу на участок обслуживать вызова, затем возвращаюсь в поликлинику, наскоро заполняю амбулаторные карты на больных детях и иду в медицинское училище, где веду курс детских болезней. Штатных преподавателей не хватает, и нас, молодых врачей, почти насильно обязывали преподавать. Позже узнал от своих учеников, что мне дали прозвище «Новорожденный».

А ночью за мной приезжает машина и отвозит в стационар, где меня ждет хирургический больной.

Срочный вызов в соседнюю деревню в двадцати километрах от нас. Сообщили по телефону: пьяный шофер, посадив в машину жепу и ребенка четырех лет, поехал по старой дороге, где был разобран мост через реку...

Дело было вечером, мы выехали немедленно. Рядом с водителем «скорой» сидел Алексей Иванович Калинин, хирург-травматолог, и сосредоточенно глядел вперед. Я был почти влюблен в Калина. Небольшого роста, напористый, энергичный, смелый и физически очень сильный человек. В портфеле он постоянно носил гантели, я был уверен, что они и сейчас с ним, зато бутерброд, паверняка, забыл.

Приехали быстро. От местного хирурга узнали подробности трагедии: ребенок погиб на месте происшествия, родители пока этого не знают. У матери сломано бедро, у отца перелом многих ребер, шок, нарастающий гемоторакс, мужик возбужден, пульс слабый, давление низкое. Возможно ранение легкого. Алексей Иванович делает плевральную пункцию, получает кровь, решает оперировать. Наркоза нет, а везти к нам нельзя—больной нетранспортабельный. Моется операционная сестра, и мы с Калиным: он—оператор, я ему помогаю. Не могу в деталях восстановить много лет спустя в памяти эту операцию, но главное помню—зрелище было ужасное: вскрытая грудная клетка, больной кашляет, легкое заплывывает нас кровью, мужик матерится неистощимо, но однообразно,

вскакивает на операционном столе, мы наваливаемся на него и оперируем. Калинин ушивает рану в легком, перевязывает кровотокающие сосуды, зашивает грудную клетку, оставляя дренаж. Операция закончена, больной затихает, пульс стал лучше, артериальное давление поднялось и стабилизировалось. Но радости победы не было, а было ощущение законченности какой-то трудной, но бесполезной работы. Нас благодарят, Калинин устало отмахивается, мы даже отказываемся от традиционного ужина и уезжаем. По дороге Калинин не проронил ни слова и только, прощаясь у дома, сказал:

— Убийцу спасали. Ребенок погиб, а эта сволочь живет. Таких убивать надо, а мы их спасаем...

Понимаю, что сказано это в сердцах, и не осуждаю. Калинин достоин того, чтобы рассказать о нем подробнее. После института четыре года работал он в районной больнице на севере Пермской области, потом закончил ординатуру, хирург-травматолог. Сейчас — в крупной окружной больнице. Активен, работоспособен, жаждет деятельности, многое умеет и делает хорошо. Порывист, резковат, порой даже груб. Ошибок не прощает. Помню, что-то я не доделал по дежурству. Он пришел рано, как всегда, быстро пробежался по больным, нашел мою недоделку и ко мне: «Почему не сделал?»

Я честно сказал, что не знал. Он взорвался: «Какое больному дело до того, что ты не знал? Он должен получить все, что ему положено, а если ты не знаешь, то не должен самостоятельно дежурить!»

Я сначала опешил, потом разозлился и нагрубил ему в ответ. Но не таков Калинин, чтобы отступить. Он сверкнул глазами и, жестко отрубая каждую фразу, проговорил, переходя неожиданно на «вы», чтобы подчеркнуть возникшую между нами дистанцию: «Оставьте свою гордость для другого, более подходящего раза, здесь не магазин, где можно чуточку недovesить, и от этого никто не умрет. Будьте любезны сделать все, что от вас требовалось, а разговоры в пользу бедных оставим на потом».

Он самолюбив. Идет операция — резекция желудка. Оперирует Алексей Иванович.

Резекция желудка — это одна из вершин брюшной хирургии, она красива, и старые хирурги ее очень любят. Для них такие операции всегда особое событие: они представляют ее, как фокусыники свой номер, чудодействуют, у каждого есть свои секреты и излюбленные приемы, которые они не выдают, и каждое неловкое движение помощников вызывает у них гнев.

Сегодняшние хирурги оперируют не хуже «стариков», но они утратили таинство действия, приобретенного многолетним опытом хирургии, превратились в этаких «технарей» от хирургии — и пропало чудо, пропало искусство. Это, примерно, то же самое, если бы на сцену вышел виртуоз — скрипач в майке.

Итак, оперирует Калинин. Наступил трудный и ответственный этап операции — обработка культи двенадцатиперстной кишки.

— Алексей Иванович, — вдруг предлагает ему заведующая, — давайте это сделаю я.

— Извините, Юлия Романовна, — тихо, но твердо возражает оператор, — я справлюсь сам.

Я замечаю, что кончики ушей у Калинина побелели, но руки работают четко.

— Попробуйте, — обижается заведующая.

Дальше операция проходит при полном обоюдном молчании, слышится только легкое посапывание Калинина, прерываемое звуками работающих инструментов хирурга. Наконец, культя благополучно упечатана. Я рад за Калинина и неожиданно громко облегченно вздыхаю. Юлия Романовна хмыкает в маску, а Калинин бросает на меня сердитый взгляд: он уверен в себе, не любит сентиментальности и не нуждается в поддержке — он сам силен. Однако вижу, как он немного возбужден после операции, весело потирает руки и шутит.

Ночью поступил мужчина с закрытой травмой живота. Дежурил Калинин, быстро разобрался с симптоматикой — оказался разрыв селезенки. Алексей Иванович проопери-

ровал пострадавшего вовремя — удалил поврежденный орган, перелил кровь. Все прошло нормально.

Звонит анестезиологом: «Ну, как там мой мужик? Давление держит? Хорошо! Начал материться? Хм, ну, будет жить!» — Калинин удовлетворенно откинулся в кресло, потом окинул взглядом ординаторскую: «Ну, что, орлы, будем чай пить?» Зазвонил телефон, звонил кто-то надсадно и упорно — междугородная. Калинин снял трубку: «Хирургия. Калинин. Да, поступил. Тяжелое. Повреждена селезенка. Да, убрали. Нормально. Да. Да. Да. Не надо. Зачем? Обойдемся. Не стоит. До свидания», — хирург с силой положил трубку на рычаги, рука его слегка подрагивала. Я понял, что разговор был для него не из легких. Калинин подул на чай, сделал глоток, зажмурился, потом поднял на нас глаза: «Знаете, кто звонил? Из области. Наш мужик оказался большой шишкой. Спрашивали, чем надо помочь, не выслать ли профессора? Да...»

Он помолчал, а потом спросил, обращаясь ко мне: «А когда у нас помирал колхозник Вялков, ты не помнишь, Сергей, кто-нибудь звонил?»

Я промолчал, понимая, что в этой грустной шутке Калинин прячет свою злость. Свою профессиональную гордость он берег, а сегодня она была уязвлена. Вечером мы пошли в ресторан отмечать день рождения одного из наших хирургов. Калинин оттаял, расслабился, шутил и читал стихи:

Подыдем стаканы, содвинем их разом!

Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Спустя много лет я встретил Калинина на хирургической конференции в Перми. Подошел к нему, а он меня... не узнал. Меня это огорчило, но, что делать, видно, тогда я ему не показался. Главное другое: его уроки мне многое дали.

А память? Память надо заслужить...

ОТ ВЕЛИКОГО — ДО СМЕШНОГО

Суббота, раннее утро. Я возвращаюсь домой после дежурства, настроение чрезвычайно приподнятое: впервые ушил прободную язву желудка, это уже кое-что значит, это не какой-нибудь аппендицитишко, это — большая хирургия! А какие глаза были у анестезистки Лидочки! И от того, что рядом была любящая тебя душа и любимая настоящая работа, жизнь превращалась в праздник, хотелось делать и делать добро, душа пела басом, а мышцы ныли от приятной усталости. Прохожие, как мне казалось, с любопытством глядели на меня, провожая глазами абсолютно счастливого человека.

Городок, где я работаю, маленький, дома больше одноэтажные, тротуары дощатые. Но люблю я этот тихий городок, поленницы сложенных возле домов дров, терпко пахнущих смолой, легкий дым из труб, ватаги мальчишек, играющих в незатейливые уличные игры.

Показался мой дом — старое двухэтажное здание, где я живу на втором этаже в небольшой комнате без удобств, без воды и газа, с печным отоплением. Летом в комнате пахнет плесенью, а зимой углы покрываются инеем, утрами температура снижается до десяти градусов. Но зато какое блаженство я испытываю, сидя у весело горящей печки! Она согревает меня и заменяет собеседника. Какие это были вечера! Вот скрипнула и открылась дверь из квартиры на первом этаже, и в просвете ее показалась соседка Нина Петровна:

— Доктор! — взволнованно проговорила она, — доктор, помогите!

— Что случилось, Нина Петровна?

Соседка умоляюще простерла ко мне руки:

— Доктор! Прошу вас, помогите! — и она буквально втащила меня в квартиру. — У меня роды!

На моем лице появилось, наверное, что-то вроде улыбки, и Нина Петровна поспешно исправилась:

— Ой! Что же я говорю? Моя кошечка не может родиться, туловище котенка родилось, а головка не выходит!

Вот тебе раз! Такого оборота дела я никак не ожидал.

— Но я ведь не гинеколог, Нина Петровна, а тем более не ветеринар, и в этом деле ничего не смыслю,— попытайся объяснить я.

— Ах, доктор, но вы же давали клятву Гиппократу, так сделайте же хоть что-нибудь!

Запрещенный болевой прием. Я не знаю, как бы реагировал на такую просьбу сегодня, но тогда все-таки сбегал к себе за перчатками и робко пошел к роженице. Кошка, действительно, страдала: она то беспокойно ложилась на подстилку, то начинала ползать и жалобно мяукать. Меня к себе подпустила спокойно, словно поняла, что я хочу ей помочь. Я, действительно, попытался извлечь котенка, но все мои усилия были напрасны. Я погладил кошку и, махнув рукой, расстроенный ушел к себе.

Попытался заснуть — ничего не вышло, потом взял книгу — и задремал. Снились цветные кошмары, разбудил звонок в дверь, снова вызвали в больницу. Так бывает: не успел отдохнуть после дежурства и снова на работу. Людей мало — отпуская, лето. Спрашиваю в приемном покое, что случилось. Сестра отвечает, что привезли больного с кишечной непроходимостью, и Стрельцов уже моется. Быстро переодеваюсь и иду в операционную.

Стрельцов виновато улыбается глазами (на лице маска) и говорит глуховато:

— Прости, дорогой, но отдыхать будешь на пенсии.

— В профсоюз пожалуюсь,— ворчу я и встаю к столу, напротив Володьки.

Оперирует Владимир Эдуардович Стрельцов. Я ему немножко завидую: всего на три года раньше меня кончил институт, а уже опытный хирург, знает свое дело, на мой взгляд, великолепно. Высокого роста, гордо посаженная голова, благородные манеры, вежлив, грамотен, всегда в накрахмаленном халате. Говорит красивым бархатным баритоном, неплохо поет. Но самое красивое в нем — это руки: мягкие, в то же время сильные кисти, гибкие и длинные, как у музыканта, пальцы. Вот он моет руки перед операцией, моет как-то по особенному, изящно, потом ловко надевает халат, поданный операционной сестрой, потом перчатки и не спеша подходит к больному. Обрабатывает тщательно операционное поле, накрывает больного простыней. В руке скальпель.

— Можно? — он обращается к анестезиологу. — «Начинайте», — и Володька преображается, движения его рук быстры, но никакой суеты, все как будто отмеряно заранее, все продумано вперед. Говорит во время операции мало, никогда не повышает голоса, даже тогда, когда бывает трудно. Мне это очень нравится.

Часто дежурит и берет меня в помощники на крупные операции. Я охотно помогаю и учусь у него. Мы с ним друзья. Вот только зря ему после операции сестра наливает в стакан спирт...

— Володька,— говорю я,— неладно ты делаешь, добром это не кончится, утонешь. Погубишь свой талант.

Он отшучивается:

— Это дело тенорам вредит, а для баса — как живая вода! — Поет своим низким красивым голосом, немного куражась:

На заре ты ее не буди, на заре она сладко так спит.

Прошли годы. Личная жизнь у Стрельцова сложилась неудачно: от первой жены он ушел сам, вторая — ушла от него. Володька мотался по стране, работал в крупных клиниках, но нигде подолгу не приживался. Я случайно встретился с ним на одной из межобластных конференций и едва узнал: потухший, блуждающий взгляд, сдвинутый смех, мешки под глазами. Руки его были по-прежнему красивы, но когда он закуривал, я заметил, что эти, некогда сильные и умные, пальцы дрожали...

— Работаю в поликлинике,— глухо сказал он, не поднимая на меня глаз,— оперирую мало, вот так, Серега. Не всем же быть счастливыми, а вообще, что оно такое, счастье? Ты знаешь, хирургию я люблю безумно, правда, взаимностью она мне не платит, но я еще добьюсь любви этой коварной женщины.

Он невесело засмеялся, обнял меня за плечи:

— Ну, а ты как живешь? Небось, процветаешь? Не кандидат ли наук, нет? А ведь у меня кандидатская была почти готова... Знаешь что — зайдем в ресторан, посидим за рюмочкой, поговорим. Не хочешь? Ну, как знаешь...

Он помолчал, молчал и я. Мне хотелось, чтобы он поскорее ушел. Он это понял, взял меня за пуговицу пиджака:

— Будь добр, одолжи мне рублей десять, — я пока на мели, как приеду домой — сразу вышлю...

Деньги я ему, конечно, дал. Попрощались, я пожал его красивую руку, и он ушел быстро, у входа в ресторан обернулся, махнул мне рукой и рванул на себя дверь...

ИЗ ДНЕВНИКА

Копался в старых тетрадях и наткнулся на дневник, который я писал несколько лет, не окончил и забросил. Теперь, листая его, выхватил отдельные эпизоды прошедшего.

5 марта 1981 г.

Предложили работать на кафедре хирургии ассистентом. Как будто преимущества очевидны, но более трезвый анализ показал:

— мне скоро сорок лет, потеря темпа — минимум десять лет, мои сверстники уже кандидаты наук и имеют солидный педагогический стаж;

— ежедневная работа со студентами. Я же способен провести два-три занятия и только;

— нудная, нервная и абсолютно не гарантированная от провала работа над диссертацией. Мне, пожалуй, это не под силу;

— и самое главное — отсутствие желания. Наверно, всему свое время.

Итак, жизненная операция под названием «Последний шанс» провалилась с треском — я отказался.

Прав ли я? Не знаю, но уж, по крайней мере, честен, хотя бы перед самим собой.

2 апреля 1981 года.

Назначили заведующим отделением.

Мучают сомнения: справлюсь ли?

За специальные вопросы не волнуюсь, а вот как быть с пьяными санитарками, дефицитом кадров, нехваткой белья, лекарств и т. д.?

Бросили, как щенка в воду: сразу общий обход, за спиной любопытные глаза — ну как?

Что будет, то будет, начнем работать. Поблагодарил прежнего зава, расстались дружелюбно (по крайней мере, мне так показалось).

Утреннюю линейку провел энергично и довольно жестко. Так давит груз ответственности, что трудно писать, не хочется раскрываться даже перед самим собой.

5 мая 1981 года.

Сегодня собой доволен, не потому, что кого-то спас или сделал красивую операцию: проявив администраторскую твердость, я подписал два заявления об увольнении — две санитарки, пьяницы и прогульщицы, «не желают работать под моим началом».

Убежден, что сохранять таких людей для больницы, да и для любого производства, — преступление, хотя и некому работать.

Думаю, что мне еще «всыпят», за слабую воспитательную работу с кадрами.

Изучаю статистику. После часа работы с цифрами начинает болеть голова.

Выполнил ряд операций, за которые от шефа получил нагоняй: дескать, увлекся радикализмом. Может быть, он и прав, хоть мои действия были продиктованы конкретными условиями и моим опытом, но сверху видно лучше...

Пока что «мои» больные поправляются, дай им бог здоровья.

10 ноября 1981 года.

Иногда день бывает так нафарширован самыми не-

совместимыми событиями, что потом, анализируя, удивляешься: как можно было все это «кушанье» переварить. Вот пример: утром встретился с бывшим моим пациентом и его матерью. Мальчишку я оперировал по поводу аппендицита с перитонитом, парень поправился, вновь приступил к тренировкам и недавно стал чемпионом России по конькам. Это приятно. Вот они и пришли (в который раз!) выразить свою благодарность.

Не успела после этого минутная стрелка проскочить два оборота, как неожиданно в отделении умер больной. К смерти привыкнуть невозможно, смерть всегда трагедия. А тут еще вызывает к себе начальство и устраивает разгон по поводу какой-то несущественной жалобы больного. Но жалоба всегда — ЧП.

Разговор ведется в присутствии пострадавшего, начальство разыгрывает маленький спектакль (нужно спастись престиж учреждения), где врачу отводится центральная роль шута горохового. Приходится иногда терпеть, иначе нельзя. И после всего этого иду в операционную, начинаю оперировать и долго не могу унять дрожь в пальцах.

Потом в приемном покое долго разговаривал с мужем поступившей больной: он пригрозил вывести нас на чистую воду и найти на нас управу за то, что, якобы, его жене недостаточно много было уделено внимания. Отвечаю спокойно, беспокойно нельзя:

— Ваше право, можете жаловаться.

Он уходит грозный и неудовлетворенный.

И вот такими жалобами забиты сейфы солидных учреждений, которые выпускают циркуляры: разобраться на месте, виновных наказать. Если таковых нет — все равно наказать!

БЕРЕЗОВСКОЕ ЧУДО

В городе Березовском прооперировали женщину 36 лет по поводу желудочного кровотечения. Источник кровотечения не нашли, ничего не сделали, а больная продолжает кровить: эритроцитов 1 млн, льют кровь, а толку нет. Совсем как в задачке про два бассейна. Обратились к нам за помощью. По дороге я прикинул варианты и решил — буду оперировать. Захожу в палату: лежит молодая женщина, довольно приятной наружности, бледные губы, отечное лицо, одышка. Пьяница, нигде не работает, имеет взрослых детей без мужа, откровенно развлекается с мужчинами. С местными врачами говорит только матом, диктует лечение, отказывается от процедур и всем надоела. Говорю, что нужно оперировать.

— Резать? Не дам!

Предлагаю перевести к нам в клинику. Соглашается, но только завтра, т. к. сегодня четное (или нечетное?) число. Суеверна и темна, убедить ее не удается. Даю рекомендации и уезжаю.

Она написала завещание: в первой части его — попытка научно обосновать неизбежность своей смерти — и цыганка гадала, и люди злые «помогли», и врачи-балбесы, и против судьбы не попрешь. Потом делила имущество между детьми и любовниками, увешивая характеристики их отчаянными матерними эпитетами. Во второй части завещания написала, в чем ее хоронить и где — на поганом Березовском кладбище не хоронить, на худой конец, в Свердловске или Златоусте. Губы подкрасить, платье подшить на два пальца, туфли забрать у подружки Клавы.

Вот такую «барышню» хирурги из Березовского с радостью поутру следующего дня направили к нам. Мы ее прооперировали и выходили, но речь и характер ее нам выправить не удалось. На одиннадцатый день после операции она швырнула стакан с недопитым чаем в лицо санитарке и, сказав нам «пару ласковых», самовольно ушла из больницы, со швами на ране.

Потом я звонил в Березовский, узнавал о ней, но местные хирурги мне ничего не могли рассказать, след ее потерялся.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

— Сергей Иванович? Мне о вас много говорили... — дальше следует набор стандартных фраз об опыте, чуткости и т. д.

— К чему все это? — спрашиваю я. — Кто вы и чего хотите?

— Я — Кузьменко. Вам моя фамилия ни о чем не говорит? Да, это я был у главного врача по поводу назначения моей жене антибиотиков. Я их достал, можно сказать, с рук, и вдруг мне говорят, что уже не надо. Может, это потому, что я побывал у главного врача?

Я пытаюсь объяснить, что мы сейчас применили другой антибиотик, тоже сильный, но Кузьменко не удовлетворен.

— Сергей Иванович, я, конечно, не врач, но регулярно читаю журнал «Здоровье», а также большую «Медицинскую энциклопедию» и, знаете, очень в курсе медицинских вопросов. Поэтому имею полное право вас спросить, как мы будем лечить мою жену дальше?

— Извините, подождите одну минуту. — Я встал, походил по кабинету, выпил воды, чтобы успокоиться. Суть вот в чем: порой не хватает в отделении нужных препаратов, и мы просим, не очень часто, родственников больных приобрести нужное лекарство, но тем самым мы преступаем закон, что наказуемо — больные обращаются в областное управление, те сообщают главному врачу, а он принимает соответствующие меры, — бумеранг возвращается. И в этом случае врач в частной беседе с родственниками больной попросил достать, если они могут, кефзол. Я узнал об этом позже, устроил врачу нагоняй, достали другой мощный антибиотик, но было уже поздно, колесо завертелось. Муж оказался человеком твердым.

Я взял ненавистную телефонную трубку.

— Так что вас интересует?

— Как будем лечить? — упрямо повторил он.

— Я буду лечить так, как меня учили, а вы, думаю, никак!

— До свидания.

— До свидания!

Пи-пи-пи... бездушно отозвалась телефонная трубка. Я закурил. Надо ждать очередного разговора с главным...

«СЕМЕЙНЫЙ» СКАНДАЛ

Прихожу на дежурство. Врач, которую я сменяю, в слезах:

— Сергей Иванович, ваши сестры провели меня как девочку! Оказалось, что дежурная сестра вдруг обратилась к врачу с просьбой отпустить ее на два часа домой — заболел ребенок. Врач, мать двух детей, для которой имя ребенка свято, конечно же, отпускает сестру, собрав ей даже маленькую аптечку. Сестра уходит и больные не появляются.

Наутро выяснилось, что она была в ресторане.

Я взбешен. Состоялся трудный разговор с провинившейся. Она рыдала. Затем я разговаривал со старшей сестрой:

— Сергей Иванович! — сказала мне она, молодая, красивая девушка, которая сама через месяц после нашего разговора ушла на завод. — Я ими управлять не могу; девочки устали работать сутками, через сутки. Ничего, кроме больницы, не видят и никакой личной жизни у них нет.

Все, о чем я говорил с сестрами, выглядело слабо и неубедительно. Я мог твердить только о моральных стержнях нашей профессии: о долге, доброте, самопожертвовании, а что мог взамен пообещать? Ни квартиры, ни зарплаты, ни чистой работы...

А недалеко от больницы — завод, чистая работа, твердый восьмичасовой день, спокойные ночи, оклад 120 рублей и, главное, никто не умирает, по крайней мере, на работе...

И кадры уходят из больницы. Их в чем-то можно и оправдать. К слову, у медицинской сестры ставка 110 рублей и ничего более.

Постепенно успокоившись, я снова пригласил в кабинет провинившуюся сестру, потолковали по душам, она все поняла. А через две недели подала заявление об уходе.

ВАЛЕРА

Если позволяет время, то стараюсь ходить до работы пешком. Сегодня — позволяет — иду медленно, почти не замечая ни красоты утра, ни пения птиц: вот уже семь дней кряду просто заставляю себя идти на работу, чувство страха не покидает и ночью, сна нет, мучают кошмары. Придя в больницу, сразу направляюсь в реанимационное отделение и задаю один-единственный вопрос: «Жив?» Анестезиологи утвердительно кивают головами, но радости в их глазах нет: «Жив-то жив, но разве это жизнь?»

Больной в сознание не приходит, правда, некоторые рефлексы сохранены, но дыхание не восстанавливается, дышит за него аппарат. Попытки отключить от аппарата безуспешны: больной быстро истощается, начинаются судороги. Мысленно снова и снова возвращаюсь к тому роковому дню, когда произошла трагедия.

Поступил молодой парень Валерий Красницкий, с картиной прободной язвы желудка. Шофер по профессии, до этого ничем не болел. Пришел на работу, сел за руль, и вдруг — кинжальная боль в животе, доставлен машиной «скорой помощи». Было около десяти часов вечера. С момента перфорации прошло не более двух часов, ничего страшного, заболевание известное, методики отработаны, парень молодой.

Берем на операцию — так и есть: на передней стенке двенадцатиперстной кишки язвенный инфильтрат в диаметре до двух сантиметров с перфоративным отверстием в центре. Делаем принятую в клинике операцию: иссекаем язву, ушиваем отверстие в кишке определенным способом (называется пилоропластика) и дополняем операцию частичным пересечением нервов желудка. Все обычно, все нормально. Примерно в час ночи вывозим парня в отделение реанимации и уходим в операционную — поступила новая больная с кишечной непроходимостью. Потом еще была парочка аппендицитов, словом, освободились только под утро. Слегка передохнули, попили чайку — в отделении реанимации. Как поживает наш Валера? И — о ужас! Диагностируем у него внутрибрюшное кровотечение: парень бледен, роняет давление, показатели красной крови резко ухудшились, и по контрольным дренажам из брюшной полости поступает кровь. Бегом в операционную! Настроение ужасное, парень зевает, сознание спутано, бледен, как простыня...

Снимаю швы с раны, «вхожу» в брюшную полость — полный живот темной кровью и сгустков, ничего не разобрать, откуда кровотечение? Вычерпываем и отсасываем электроотсосом кровь, удаляем сгустки — кровопотеря до 2,5 литров! Половина общего объема крови, переливать ее нельзя, она инфицирована, так как был вскрыт просвет кишки, а кровь редкая, четвертая группа, да еще резус отрицательный. На станции переливания крови запаса этой группы крови нет. К счастью, у врача Денисова и двух сестер такая же группа крови — забираем у них в общей сложности 1200 мл, переливаем. Анестезиологи торопят — срочно останавливайте кровотечение, иначе будет конец! Все-таки вскоре удается найти источник кровотечения: маленький сосудик до 1 мм в диаметре на малой кривизне желудка. Накладываю зажим и перевязываю сосуд. Можно передохнуть. Ощущаю ужасную усталость, и ноги затные, рубаху хоть отжмай. Операция закончена, но шансов выжить у парня почти нет: массивная кровопотеря, длительное кислородное голодание, в первую очередь, в этой ситуации страдает мозг и почки, и если они откажут, тогда конец. Измученный, ухожу в кабинет. Раздается телефонный звонок:

— Сергей Иванович! (Это звонят анестезиологи). Приехала из района мать Красницкого, хочет с вами увидеться.

С ужасом жду встречи. Что я ей скажу? Чем успокою? Робкий стук в дверь. Входит немолодая женщина, предлагаю сесть. Растеряна, глаза наполнены слезами,

руками перебирает складки на платье. Объясняю, что произошло. Плачет, тихо говорит, что недавно похоронила мужа.

— Неужто Валерка умрет? Ведь говорила я ему, работашь, ешь плохо, себя не бережешь. Ах, Валерка, Валерка! Что же будет? Ведь у него маленькая дочка, только поменяли квартиру, хорошая, благоустроенная, только бы жить да жить... Ах, Валерка, Валерка! А посмотреть на сыночка дайте. Я все выдержу, не бойтесь, вот разве только валерьяночки выпью и посмотрю, разрешите, милые! — И хотя в реанимационное отделение вход посторонним запрещен, мы разрешаем ей взглянуть на сына. Постояла, скрестив на груди руки, провела ладонью по глазам. Снова тяжело вздохнула и, сказав тихо «спасибо», пошла, ссутулясь, волоча ноги и пошатываясь от горя. В эти минуты прокинешь тот день и час, когда выбрал хирургию.

Две недели больной «висит» на аппарате, сделана трахеостомия, кормление больного производится через зонд, который введен ему в желудок, внутривенно вливаются растворы глюкозы, солей, белки, кровь... Сознание к Валерию не возвращается, подозреваем, что мозг не оживет — слишком долгим было кислородное голодание. Осложнение следует одно за другим: то начинается отек легких, то отек мозга. Анестезиологи делают просто чудеса, ювелирные расчеты, десятки лекарств в различных дозах и комбинациях, управляют жизненно важными функциями организма. Анестезиологи борются всегда, даже тогда, когда нет никаких шансов, и, бывает, побеждают. В наше время мало кто верит в чудеса, но чудеса иногда происходят.

Звонят мне и просят зайти в реанимацию. Иду, как на эшафот. Открываю дверь в ординаторскую и глазами спрашиваю: «Все?» Загадочно улыбаясь, врачи подталкивают меня, направляя в палату, где лежит Валерий. Вдруг замечаю тишину, еле соображаю, что аппарат отключен. Тишина давит на уши, сердце начинает ускоряться... Парень лежит с открытыми глазами, дышит сам. К нему наклоняется врач-анестезиолог Алексей Иванович: «Валера, что тебя беспокоит?» Парень произносит шепотом (воздух просвистывает в отверстие на шее), но совершенно отчетливо:

— Есть хочу!

Я почему-то начинаю птяться, анестезиологи хохочут. Нервы мои сдают окончательно, и я позорно убегаю к себе в кабинет. Нужно побыть одному. Запираюсь в кабинете и отключаю телефоны.

Ночью дома сегодня спал так крепко, что утром проспал. Иду коротким деловым маршрутом, не терпится узнать, как там Валерий? Не успеваю переодеться, как заходит дежурный врач: лицо мрачное, глаз не поднимает... Я напрягаюсь — что случилось?

— Умерла больная после аппендэктомии.

Вот так. Звонит телефон.

— Сергей Иванович! — говорит сестра приемного покоя. — Пришли родственники умершей больной и просят пропустить их к вам. Что делать?

— Пропустите.

Сижу и жду встречи. Дверь открывается без стука... ногой.

БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТА, ХИРУРГИЯ!

Прооперировал больную по поводу рака левой половины толстой кишки, операция прошла гладко. Случилось так, что отсутствовал пять дней — сам приболел. Прихожу, и как снег на голову, известие: мою больную оперировали повторно — несостоятельность швов анастомоза, перитонит, а на следующий день после повторной операции больная умерла.

Будь ты проклята, хирургия!

Утром жена мне сказала, что во сне я плакал. Может быть.

Смерти, смерти, смерти — устали хоронить. Десятки, сотни удачных операций, людей, спасенных чудовищными

усилиями.— вдруг все перечеркивается одной смертью. Как ударом сабли от плеча до седла... Ужасно, к этому невозможно привыкнуть никогда.

В День медицинского работника, вот уже три года подряд, нас поздравляет бывшая больная К. Цветы, открытки, радостная улыбка на лице. Волнуясь, она поздравляет с праздником, и я, глядя на эту цветущую женщину, вновь и вновь переживаю те дни, когда жизнь ее была неустойчива, как монета на ребре.

Сколько бессонных ночей, сколько нервов, сколько героических усилий было в этой борьбе за жизнь, и она это знает и ценит.

Тяжелобольных помнишь всю жизнь.

Думаю, что в старости всех хирургов мучают по ночам кошмары.

У меня дома на книжной полке стоит томик стихов. Эта книга мне очень дорога. Я оперировал юношу, у которого оказалась неудаленная злокачественная опухоль на шее. По сути дела, я ему ничем не помог. К тому же, он страдал тяжелым врожденным пороком сердца.

Мальчик писал стихи, мы с ним подолгу беседовали о поэзии и жизни, он понимал, что тяжело болен, но никогда не жаловался. Он ушел из отделения, задыхаясь, говорил слова благодарности и чуть грустно улыбался.

Спустя, наверное, год, его мать принесла мне томик стихов Н. Ушакова:

— Вот,— сказала она...— возьмите, Андрюша очень хотел сам подарить их вам...

И, передавая мне книжку, добавила:

— Он недавно умер.

Женщина не плакала, у нее, видно, уже не было слез. Я же, чтобы скрыть повлажневшие глаза, быстро наклонился и поцеловал ее руку.

НОЖЕВОЕ РАНЕНИЕ

Вчера звонил мой друг-учитель.

— Я тебя не тороплю,— сказал он,— этот учебный год уже заканчивается, но на следующий не отвратишься. Я хочу как-нибудь подежурить с тобой, посмотреть твою кухню, чтоб ты не очень врал, когда встретишься с ребятами.

— Вот это дело,— развеселился я,— приходи, накормлю с удовольствием.

И он, бедняга, пришел. И как назло, с утра ничего особенного не было: поступали больные, которые не нуждались в срочных операциях, мы их лечили консервативно, да и тех было немного. Приятель довольно потирал ладони и говорил ехидно: «Да, труднейшая у тебя работа». Я помалкивал и ждал, сердце подсказывало, что тишина эта скоро взорвется. Так оно и случилось.

В полдень «поволокли»: мы прооперировали 3 аппендицита, затем из отделения подали больную с острым холециститом, я сделал холецистэктомия. Едва закончил оперировать, как прибежал дежурный врач и сообщил, что у больного Носкова повторное желудочное кровотечение, нужно оперировать. Пока анестезиологи готовили больного, мы наскоро перекусили. Мой друг отказался — его тошнило, но, в общем, держался довольно хорошо.

— Тогда пойдем работать,— сказал я ему. Он кивнул головой и пошел за мной в операционную. Одетый в непривычную для него белую одежду: рубаху и штаны, в маске, он выглядел привидением; стоял, не шелохнувшись, и только мелкие капли пота на носу были свидетелями его колоссального душевного напряжения.

— Может, отдохнешь? — шепнул ему я.

— Нет,— твердо ответил учитель.

Я начал оперировать. При ревизии обнаружил крупную язву в области угла желудка, нужно делать резекцию. Мобилизую желудок, рассекаю связки, перевязываю сосуды, пока все идет нормально. Отсекаю двенадцатиперстную кишку, резецирую две трети желудка и соединяю оставшуюся его часть с культей двенадцатиперстной кишки, восстанавливая ее проходимость. Это классический вариант резекции желудка, предложенный немецким хи-

рургом Теодором Бильротом. Контролирую гемостаз: кровотечения из сосудов нет, в брюшной полости сухо, накладываю швы на рану брюшной стенки, операция закончена.

— Не забудьте написать гистологическое направление на препарат,— напоминает мне операционная сестра Галя, тоненькая черноглазая женщина.

— Не забуду, не забуду,— отвечаю я и думаю о том, какую чудовищную нагрузку выдерживают операционные сестры, работая наравне с нами. Что мы без них?

Вот, Галя, ей 27, очень опытная сестра, умница, знает ход любой операции, работать с ней одно удовольствие, говорить почти не приходится, знает все наперед, только протягиваешь руку и получаешь нужный инструмент: скальпель, зажим, салфетки, иглодержатель.

После операции сестры моют инструменты, а мы идем в приемный покой, чтобы записать операцию. Уже два часа ночи, чувствуется усталость, можно, конечно, записаться и утром, но лучше не откладывать, ведь дежурство еще не кончилось и неизвестно, что впереди. Усаживаю друга за операционный журнал, он пишет под мою диктовку, сам записываю протокол операции в историю болезни. Одолевает сон, соображается туго, рука останавливается, иногда прочеркивает нужные линии. Друг тоже засыпает за столом.

— Давай покомарим,— наконец предлагаю я, и мы идем в ординаторскую, укладываемся «валетом» на одном диване и мгновенно засыпаем. Но долго спать нам не дают.

Звонят со станции «Скорой помощи».

— Приготовьтесь, везем вам ножевое ранение грудной клетки, не исключается ранение сердца, парень тяжелый, без сознания, под капельницей.

И хотя по «травме» мы не дежурим, отказывать нельзя, счет, возможно, идет на минуты.

Так и есть.

Под сирену привозят мальчишку 17-ти лет, без сознания, без пульса, без давления. Бледный, как смерть, снаружи от левого соска резаная рана, наполненная густой кровью.

Мы развернулись мгновенно, через минуты парень был на операционном столе, хирурги и анестезиологи начали одновременно,— интубация трахеи, растворы в вену струйно и вскрытие грудной клетки. Работали практически без обработки рук, только надели перчатки. Вскрыта грудная клетка, легкое дышит, выдавливают из раны кровь, видны сокращения сердца...

Я в операции не участвовал и вовремя заметил, как мой друг качнулся и стал падать вперед. Я подхватил его и вытащил в коридор, он быстро пришел в себя. Уложил его на диван и вернулся в операционную. К счастью для всех, ранения сердца не оказалось, нож цапнул сердечную сорочку и ранил легкое. Эвакуировали кровь из плевральной полости, ушили рану, поставили дренаж и зашили грудную клетку.

Утром парень невинно хлопал веками и нес несусветную чушь, кого-то выгораживая.

Так завершилось дежурство. Я вызвал такси и отправил приятеля домой. Усаживая его в машину, шепнул: «Я так делать больше не буду!» Он откинулся на спинку сидения, вяло улыбнулся и, совсем не по-учительски, сказал: «Ну вы, мужики,— молотки! Восхищаюсь и преклоняюсь!» Шофер дал газ, а я пошел в отделение, где начинался мой очередной рабочий день.

Звонит мой собственный дядя:

— Ты сегодня дежуришь?

— Отдежурил.

— Так заходи ко мне, отдохнешь.

— Не могу.

— Почему? — недоуменно спрашивает дядя.

Я терпеливо объясняю ему, что после дежурства мы не уходим, а работаем полный рабочий день. Он, бывший главный бухгалтер крупного треста, никак этого понять не может, чтобы после дежурства работать, а я объясняю ему это уже 20 лет. А действительно, почему? Попробую объяснить: штаты рассчитаны таким образом, что если ты

уходишь с дежурства (как, в общем, положено по законодательству и логике), то твоих больных, а их по нормам на хирурга приходится 20—25 человек, должен вести тругой врач, а у него своих больных столько же, и, не дай бог, он в этот день дежурит, то получается ерунда. Другая сторона проблемы — потеря в заработке, ибо за отгулы никто не платит. Вот поэтому я к дяде и не иду. А он этого не понимает, продолжая ставить вопросы, на которые у меня нет ответа.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ВСТРЕЧИ

Отдыхаю с семьей в деревне. Благодарят! Живем в избушке на курьих ножках, весело потрескивают в печке дрова, за окном плещет тяжелыми гроздьями рябина, ласково лижет берега безымянная речушка, и по утрам орут поставленными голосами петухи. Рай, да и только!

Встаем чуть свет, не хочется тратить на сон драгоценные минуты, наскоро готовим завтрак, глотаем его и выезжаем на стареньком «Запорожце» в лес. Собираем ягоды, грибы, цветы и наслаждаемся жизнью. Сегодня увлекся, поехал вдоль речушки и безнадежно застрял. Чем больше я буксовал, тем больше машину стаскивало к воде. Потеряв всяческую надежду выбраться на дорогу, я выключил двигатель и закрыл машину.

Часа через два мы, безжалостно искусанные комарами, вышли к деревне. Я отправился к соседям за помощью. Хозяйка, молодая, крепкого сложения женщина, стирала белье, на полу играл со щенком голозадый карапуз, а на кровати поверх одеяла лежал в рабочей одежде хозяин Василий, приветствуя меня мощным храпом. В избе терпкий аромат смеси мыла, влажного белья, детской мочи, чеснока и винного перегара.

— Спит, паразит, — ласково пояснила мне хозяйка, — должно с брательником каку-нето шабашку прокурили.

— Ладно, пусть спит, — махнул я рукой и собрался уходить, — все равно от него толку сейчас не будет.

— Да машину-то выручать надо, — сказала хозяйка, — попробуй его растолкать, а там он и очухается.

Действительно, после сеанса самых безжалостных приемов (массажа ушных раковин, зажимов носа, обрызгивания холодной водой, шекотания за пятки) Василий поднялся, холдо водил по избе мутными и красными глазами, неистово чесал мохнатую грудь, но объяснить ему суть моего прихода было так же сложно, как козе теории относительности. Я понял, что все мои усилия спасти машину напрасны. Извинился перед хозяйкой и поплелся домой. Каково же было мое удивление, когда, примерно через полчаса, перед окнами нашей избы застрочили два мощных мотоцикла, которыми управляли Василий и его брат Степан. Здоровые, краснорogie, что-то жующие, они знаками показывали мне, чтобы я выходил. Не стану описывать те чувства, которые я испытал, сидя за спиной у Василия, это надо пережить! «Ковровец» летел, аки самолет. До места моей аварии добрались в мгновение ока. Мужики спешились, крикнули и в два счета перебросили мою машину на дорогу... Я их поблагодарил и пригласил отужинать вместе. Завязался разговор.

— А кем робишь-то, Сергей? — спросил любознательный Степан, — поди, начальник какой?

— Да нет, — ответил я, — работа у меня хоть и не пыльная, но и не легкая. Хирург я.

Братя недоверчиво уставились на меня, видимо, что-то во мне их не устраивало.

— Что, — спросил я, — не похож, что ли?

— Вроде, хлипковат как для хирурга, — честно признались братья. — Слыхали, что у хирурга рука должна быть твердой.

Я ответил, что это верно, но силы большой в нашем деле не надо, и в доказательство своих слов привел древнее высказывание о том, что у хирурга руки должны быть нежными, как у девушки, глаз зорким, как у орла, а сердце льва. После этой цитаты мужики вовсе засомневались во мне. Тогда я пошел в сарай и вынес оттуда двухпудовую гиру.

— Прошу, — я предложил им поднять ее. Кое-как Василий, крихтя и краснея, вытолкнул ее пять раз, а Степан и того меньше — три. Я, играючи, поднял гиру десять раз, чем крайне изумил своих соперников.

— Ну, теперь другое дело, — удовлетворенно сказал разговорчивый Степан, а Василий согласно кивнул головой. Мужики уже не сомневались во мне. Расстались почти родственниками.

— Ты это... того, значит, — наконец, молвил неразговорчивый Василий, — ежели что, то мы это, значит, того...

Я все понял и проводил своих спасителей до калитки. Мы крепко пожали друг дружке руки, мужики скакнули в седла своих «коней» и, салютуя мне столбом пыли и выхлопными газами, скрылись за дальним плетнем...

Проводим отпуск в деревне, изредка выезжаем в город Каменск: то ребятам что-нибудь купить в магазине, то познакомиться с достопримечательностями этого старогорода. Сегодня я поехал на заправку, бензин был уже на исходе. На выезде из деревни, у последнего дома, я увидел на дороге старушку, бодро шагающую в направлении села Мамино. На шум мотора она выкинула вверх руку, но, увидев «частника», опустила ее. Я остановился.

— Садись, мать, подвезу.

Старуха недоверчиво смотрела на меня, не зная, как поступить: и соблазн доехать был велик, и жизненный опыт не позволял принимать на веру всякое, казалось бы, даже искреннее предложение. И все же соблазн перетянул, стрелка весов качнулась, и старуха решительно ринулась в машину, как бросаются в реку. Она уселась на заднее сидение и затихла настороженно. Я заметил, что большой палец правой руки у нее был забинтован, во мне тут же проснулся профессионал.

— Болееешь, что ли, бабушка?

— Да уж, милок, как две недели, считай, хворю. Наколола палец костью от рыбы, с тех пор и болит.

— А где лечишься?

— Да, известно, в Покровке. Там врачаха молодая, да шибко хорошая, ласковая и обходительная. Ежели не поможет, так поплачет вместе с тобой, и, глядишь, тебе легче становится. Третьего дня сказала: «Ежели, баба Маня, — это, значит, меня так звать — и сегодня ночь спать не заможешь, будем резать!» Вот я к ней и еду.

Я принял вправо и остановил машину: «А ну-ка, бабушка, покажи палец». Все ясно! Покровская врачаха хоть и душевный человек, но к хирургии никакого отношения не имеет. Мне захотелось помочь и той, и другой. Но если бабке все равно, кто ее будет «резать», то для той, невеждой мне душевной «врачихи», мое предложение может оказаться не по душе. Я не раз сталкивался с тяжелой провинциальной амбицией, которая была своеобразной защитной реакцией в стремлении отстоять свое профессиональное достоинство.

Но все вышло наоборот: «врачиха» — милая Софья Петровна, работавшая в больнице первый год, — сразу приняла мою помощь, и только фельдшер Анна Яковлевна, крупная женщина с руками грузчика, ворчула недоброливо что-то, вроде «ходят тут всякие».

Софья Петровна неожиданно твердо остановила ее, сказав, что с большим удовольствием поучится у меня. Но вдруг мощное сопротивление неожиданно оказалась баба Маня, очевидно, обидевшись за свою чудесную «врачиху», заявив, что она желает «резаться» только у Софьи, поскольку ей полностью доверяет.

— А это тебе за подвоз, — сказала бабка сердито и сунула мне в руку рубль.

Я расхохотался. Но все кончилось миром — после премедикации (специальная лекарственная подготовка с целью, в данном случае, обезболить) старуха «осоловела», улеглась на операционный стол с песнями, и я прооперировал ее. Все прошло нормально.

Через неделю баба Маня, как она выразилась, «с божьей помощью», поправилась. За это время мы сделали друзьями. А тот злополучный рубль я ей все-таки вернул...

О ХИРУРГАХ, О ПРЕСТИЖНОСТИ И СЛАВЕ

О хирургах ходят всякие небылицы: один, дескать, без стакана водки в операционную не войдет, другие крестят большого и плюют в рану перед зашиванием ее, третьи — экспериментируют и т. д.

Беру на себя смелость заверить, что правил таких в хирургии нет, и пьяный хирург в операционной такой же преступник, как пьяный шофер за рулем. Ритуалы и маленькие чудачества, может быть, и у хирургов есть, но кто из вас, чтобы «не сглазить», не сплюнет через левое плечо и не постучит по деревяшке?

О рассеянности хирургов бытуют даже анекдоты. Один мой знакомый уверял, что его теще зашили в живот стерилизатор с инструментами, и теперь он слышит тещу на расстоянии.

— С тех пор, — говорит, — хирурги лучшие мои друзья.

Правда, есть музеи вещей, «забытых» при операции в ранах пациентов. Многие могу объяснить, но как ухитрились «забывать» в брюшной полости очки — понять трудно.

А вообще, перед зашиванием раны сестра пересчитывает все инструменты и салфетки. У нас, конечно, нет прав на ошибку, но мы, увы, сделаны из того же теста, что и все.

Сейчас много говорят о престижности той или иной профессии. Меня от этих разговоров тошнит. Очевидно, есть более легкие профессии, есть трудные, сверхтрудные. И есть еще общественная значимость труда, вот здесь и должны быть истоки престижности. Я отношу свою профессию к трудным, а на то, что она считается сегодня менее престижной, чем профессия официанта в ресторане — мне как-то наплевать.

Многие ребята из нашей группы собирались стать хирургами, а стали единицы.

Сейчас студенты-медики пошли еще «умнее»: мечтают стать дерматологами, невропатологами, физиотерапевтами — деньги те же, а душевные затраты меньше.

Хирургические специальности испытывают голод, особенно в районах.

Моя тетка, врач-дерматолог (прошла войну врачом полка), считает, что хирургам должны платить золотом, сделать бы ее министром здравоохранения!

Помню, начиная работать, прооперировал корреспондента местной газеты, так он меня потом расписал в ней, что до сих пор неудобно — и руки «золотые», и глаз «острый», и сердце «чуткое».

А руки-то были еще «крюки», а глаза закрывались от страха, а сердце так стучало в груди!

Теперь делаешь сложные операции, а восторга у многих не вызывает, иной уйдет и спасибо не скажет.

Видимо, суть человеческой благодарности в чем-то другом.

Опыт — опытом, а добро — добром. И вообще, добро надо делать тихо, а не кричать об этом, иначе будет не добро, а показуха!

Как-то стою в магазине, и кассир, роскошная блондинка, бывшая моя пациентка, невинно обсчитывает меня. Пустяки, мелочь. На всякий случай, ехидно говорю:

— Благодарю вас, приятно, что не забываете.

Она поднимает глаза от кассы, широко улыбается, внимательно смотрит на меня и бойко говорит: «Следующий».

И это не беда, это нормально, ведь не благодарим же мы завод-изготовитель за прекрасную вещь?

А страшно другое. Страшно, когда регулярно, раз в неделю раздается телефонный звонок и пьяный, но достаточно твердый голос говорит:

— Я благодарю вас, дорогой доктор, за то, что вы оттяпали мне ногу. Так не хотите ли послушать пение моего протеза? — и в трубке раздается неприятный хруст кожи...

Последние годы внесли большие перемены в нашу жизнь. Давно ходили разговоры о повышении заработной

платы хирургам, но как-то в это не верилось. Наконец, появились сообщения в печати, хотя по-прежнему казалось, что это все слова, слова... И вдруг — снят министр здравоохранения. мотивировка — невыполнение приказов, в частности, и по зарплате. Появилась вера, одновременно — чувство собственного достоинства. Помню, один мой инженер всерьез говорил, что если судить по зарплате, то хирургов можно отнести к работникам неквалифицированного труда. Теперь так не скажешь. Хотя не знаю, что это — аванс или признание? Наверное, то и другое.

Поэтому растет мера ответственности, хочется работать лучше. А как, если не решается вопрос кадров средних и младших медработников, хотя им тоже повысили зарплату (имеются в виду специалисты хирургического профиля), но их просто нет. Больницы имеют крошечные бюджеты, а «лавочку», так называемой шефской помощи, прикрыли: техническое оснащение больницы убого, хозяйственные службы укомплектованы случайными малоквалифицированными людьми...

По-прежнему, один из главных показателей нашей работы — план койко-дней. А может быть, все нужно переосмотреть? Может, лучше, когда койка пустует, а не занята больным, который мог бы с успехом лечиться амбулаторно? Надо думать и считать! А главное, конечно, перековка нашего сознания, уничтожение уродливых принципов типа: «ты — мне, я — тебе» или «я — начальник, ты дурак, ты начальник — я дурак» и других подобных. Надо прекратить врать, даже самим себе. А то выкручиваемся, прячем осложнения, подгоняем цифирь, лишь бы не выгладеть хуже других. Статистика должна стать объективной, взаимоотношения честными, принципиальными. Иначе больные по-прежнему будут дифференцироваться не по признаку болезни, а по занимаемой должности, а дети наших руководителей неизбежно станут руководителями наших детей...

И чтобы никто не посмел, довольно потирая грязные руки, сказать: «А нам перестройка не страшна!»

Да будет так.

А скальпель — наш грозный инструмент — пусть никогда не попадет в руки людей с мелкой душой, жирным сердцем и короткой памятью. Все растет не на пустом месте, у всех есть корни. И я снова хочу сказать о тех, без кого нас не бывает: об учителях, о друзьях-товарищах. Да простят меня те, коим не нашлось места в записках, но в моем сердце — им место всегда.

УЧИТЕЛЯ

После долгих мучительных рывков и шараханий с боку на бок, подчиняясь дурному характеру лесной дороги, наш вездеход остановился у дома лесника. Отсюда, после короткого отдыха, мы отправились на охоту за лосем.

Я не охотник, но напросился к Бурцеву в компанию — выпали свободные дни, и хотелось побродить по лесу. Бурцев долго сопротивлялся, убеждал меня в бессмысленности этого мероприятия, в пустом времяпрепровождении, а когда я продолжал настырно стоять на своем, он честно признался, что я им буду мешать, как баба на корабле, и обязательно испорчу охоту. И вот мы в лесу. Я выскакиваю из машины и разминаю затекшие ноги. Следом за мной вываливается Бурцев: небольшого роста, крупный в кости, немного неуклюжий, слегка подернутый возрастным жирком, он производит впечатление очень спокойного и уверенного в себе человека. Бурцев потягивается до хруста в суставах и лезет в карман за папиросами, поскольку природа и аромат соснового бора интересуют Бурцева не более, как фон, на котором пасутся лоси. Что за черт? — папирос в кармане не оказалось, а в машине, куда он неожиданно проворно заглянул, их тоже не было.

— Да, ситуация, — задумчиво произнес Бурцев, — что же делать? Мужики-то вокруг некурящие... Ведь ты тоже бросил, Сергей?

— Да, бросил, — ответил я гордо. Я бросал курить так же легко, как Марк Твен, который писал, что бросил курить в пятилетний раз.

Бурцев потоптался на месте, пожевал губами и, хитро прищурив правый глаз (правда, он его часто щурил и без хитрости, потому что плохо им видел), вдруг решительно произнес:

— Ну, что ж, считай, и я бросил!

— Ну да,— не поверил я своим ушам,— быть того не может!

— А вот увидишь! Спорим? — неожиданно запальчиво, по-мальчишески предложил он мне.

Скажу сразу, я проспорил. Бурцев больше не закурил.

В тот день они, конечно, лося не убили, прихватили только двух зайчишек, и на этом вся охота закончилась. Бурцев прозрачно намекнул на то, что эта моя поездка с ними — последняя.

— Богу — богово, а кесарю — кесарево,— ласково закончил он. Вечером в избушке велись знаменитые охотничьи разговоры; в них, понятно, было столько же правды, сколько лосятины в рюкзакках. Охота для Бурцева — главная, после хирургии, страсть.

Через день, перед тем как пойти на операцию, я махнул рукой и с величайшим удовольствием выкурил сигарету. Бурцев усмехнулся и ничего не сказал.

Когда-то знаменитый французский хирург Лериш сказал примерно так: «Я не понимаю тех хирургов, которые, закончив операцию, начинают мучать себя сомнениями — все ли сделали, все ли будет хорошо? Не спят ночами, изводят себя и других до тех пор, пока не обходится благополучно. Я их не понимаю,— продолжает Лериш,— потому что, если ты сомневаешься в чем-то, ты не должен уходить из брюшной полости, это — закон. Поэтому я,— заключает он,— по ночам сплю». С Леришем не поспоришь — он гений.

Мы в операционной. Оперирует Бурцев, я помогаю ему. Никан не могу понять, как его пальцы — толстые и короткие — делают чудеса — они медленно, но безошибочно движутся в брюшной полости, работают инструментами, неспешно движется игла. Туда-сюда, туда-сюда... Вот последний шов на кожную рану. Операция закончена. Смотрю на часы — они будто остановились, время словно работает на него — опять получилось быстро. Если графически изобразить движения рук Бурцева, получится сплошная линия, никаких пунктиров. Он не останавливается ни на минуту, он думает и работает одновременно, отсюда — быстрота. Он один из лучших операторов, которых мне когда-либо приходилось видеть. Он везуч — у него мало осложнений. Думаю, что он спит по ночам.

— Ну что, Мария Поликарповна,— говорит Бурцев во время обхода больной женщины, которой завтра предстоит операция,— не передумала оперироваться, а?

— Что вы, Геннадий Иванович, жду, как праздника,— и тут же следом тихонько роняет,— если, конечно, вы будете оперировать.

— Э-хе-хе,— кричит хирург, но по всему видно, что он доволен,— вон какие у меня орлы,— он указывает на нас,— они хоть что отрежут и пришьют.

«Орлы» выпячивают грудь, расправляют плечи и нахально выпучивают глаза.

— Так-то оно так,— вздыхает больная,— но лучше все же, если вы.

Мы не обижаемся. Видно, сутулая фигура шефа производит большее впечатление, чем наши гренадерские осканки.— Бурцев вне конкуренции.

Не менее колоритной фигурой был другой мой учитель Лев Исаакович Баренблат. Популярность его среди больных была исключительная: «Смотрел сам Баренблат, оперировал сам Баренблат» и так далее. И здесь, пожалуй, не было перебора, его популярность — отражение высокого профессионализма без малейшей позы, актерства, самоподачи. Жесткая требовательность к себе и другим, работа на износ. Хирургия — единственная страсть. Вот он моется на операцию — молчалив, сосредоточен, даже несколько напряжен. Короткие четкие распоряжения не скрывают волнения. Манера оперирования своя, отличная от бурцевской. У того — видимая легкость, здесь — труд, отмеченный печатью глубокого смысла, логической завер-

шенности. После удачной операции возбужден, позволяет себе расслабиться, шутит. Если неудача — мрачен, раздражителен, не дает покоя себе и другим.

Нравятся мне его обходы: ничто не ускользывает из поля его зрения. Доскональный, даже вездливый анализ признаков болезни и — решение. Любого больного «обсасывает», знает наизусть, как любимую книгу от корки до корки.

Эрудирован, всегда в курсе хирургических новостей. Любит и умеет рассказывать. Слушая его, я думаю, что в институте преподают не всегда те, кто должен это делать. Баренблат, на мой взгляд, прирожденный педагог.

— Опять идеал? — спросит ехидный читатель.

Нет, обыкновенный человек, нормальный. И с ним совсем непросто работать. И очень требователен, резок, порой задавит авторитетом и может быть несправедлив... И очень ревностно охраняет вход в большую хирургию молодым: все ему кажется, что мы не созрели. А мы рвемся в бой, нам подавай оперативный простор!

Не осуждаю, но считаю это его ошибкой, ибо — «учитель, да воспитай себе ученика». Да еще такой учитель, как Баренблат. И тем не менее, ученики у него есть, и я — в их числе.

Мы давно не работаем вместе. Но я всегда испытываю радостное волнение от встреч с ним.

Звоню ему, чтобы поздравить с внучкой, и знаю, как он ответит: «Вторая хирургия или вторая хирургия, Баренблат!» Но обязательно хирургия, ибо она — главное дело его жизни.

КАКОВ КИРДЖАЛИ!

Виктор взял в руки скальпель, решительно поставил его лезвие на кожу — сейчас последует быстрый и точный разрез тканей, но скальпель вдруг замер.

Я посмотрел на Виктора — он был бледен, как покрывающая его лицо маска. Хирург отложил скальпель в сторону. «Что с тобой?» — спросил я. Вместо ответа он отошел в сторону, потом присел на табурет и попросил сестру дать ему нашатыря. Вздохнув раза два, тряхнул головой и, обращаясь к анестезиологам, сказал: «Уточните-ка по истории болезни, в какой почке у больного камень?»

— Слева,— пробежав по истории глазами, ответил анестезиолог.

— Покажите снимки! — Показали рентгеновские снимки больного — точно, камень находится в лоханке левой почки.

— Поверните больного на другой бок,— говорит хирург.

Произошло вот что: больного привезли в операционную, санитарка уложила его не на тот бок, на который следовало,— здоровой стороной вверх, и анестезиологи дали наркоз. К счастью, продолжения ошибки не произошло. Но настроение у всех было испорчено. Пока перекладывали больного, я шепнул Виктору: «А бог-то все-таки есть!»

— И дураки не переводятся,— сердито возразил он мне. После операции Виктор заявил, что идет к шефу сообщить о случившемся. Мы пытались его отговорить, ведь все обошлось благополучно, но Виктор был непоколебим: «Это ЧП, и мелочей в хирургии не бывает». То, что сказал нам по этому поводу шеф, невозможно передать на бумаге.

Виктор Раскин отличный хирург: надежен, изобретателен, новатор. Во всякую операцию вносит элемент творчества, а это не каждому дано. Если выразиться языком музыкантов, то в нашем ансамбле он — солист. Идет настолько известная операция, что ничего нового в ней изобрести невозможно, а Виктор вдруг возьмет и удивит новым приемом, штрихом, и от этого она станет проще и совершенней. Закончит операцию, сбросит перчатки, хлопнет тебя дружески по плечу и продекламирует: «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?» Каков Кирджали!

«ДОКТОР, ВАС ЖДУТ!»

По душевным и физическим затратам я отношу хирургию к мужским профессиям. Бесспорно, право на выбор имеют все, но лучше, когда мужчины играют в футбол, а женщины — в настольный теннис. Природа, ведь она не дура, и потому мальчики играют в войну, а девочки — в куклы.

Эмансипация — не лучший способ повышения рождаемости в стране. Так и в хирургии: пусть изнуряюще многочасовые операции выполняют мужчины, дежурят ночами, пусть валяются с ног от усталости, зарабатывают инфаркты, пусть, на то они и мужчины.

Все это так, и все же те девочки, что не играли в войну, а отдали ей свою молодость и стали хирургами — достойны всяческого уважения.

...Оперирует Надежда Григорьевна Сорокина (для сокращения мы называем ее Н. Г.).

Я восхищаюсь этой женщиной: немолодая, но еще крепкая, энергичная, целеустремленная, с колоссальным хирургическим опытом, она и сегодня остается нашим лидером. Я долго не мог понять, зачем ей нужно стоять на многочасовых операциях, ей, которая по горло нахлебалась всяческой хирургии на войне и в мирное время. И только узнав ее ближе, понял, что Н. Г. не хочет и не может жить прошлыми заслугами, свой огромный авторитет она не желает питать воспоминаниями, для нее смысл жизни — действие. Вот почему она, как и прежде, поражает нас удивительными по технике исполнения и надежными по исходам операциями.

Оперирует Н. Г.

Собрана предельно, нацелена на конечный результат, помощникам не дает расслабляться ни на минуту, покрикивает на них, но не зло. Красивые длинные пальцы снуют в брюшной полости, ловко вяжут узлы, работают инструментами. Закончен один из этапов операции. Н. Г. отходит от операционного стола, чтобы перемыть руки, и вижу, что она босая.

— Видите ли, Сергей Иванович, — говорит она, замечая мой вопросительный взгляд, — я, конечно, могу вам продемонстрировать мои французские туфли, но они настраивают на легкомысленный лад, а вы понимаете, что во время операции это недопустимо, и к тому же, они, честно говоря, жмут! — Н. Г. тоненько хихикает, но я понимаю, что за этой шуткой кроется чудовищная усталость.

После операции мы сидим у нее в кабинете. На плитке закипает чай в колбе, на столе разложена еда: сухарики, творог, кусочки колбасы.

— Сейчас будем пить, — говорит Н. Г., разливая по чашкам ароматный чай.

— А знаете, — вдруг говорит она, — мне в жизни столько повезло. Я работала со многими известными хирургами, даже самому Сергею Сергеевичу Юдину ассистировала, когда он приезжал к нам в госпиталь. Удивительный был человек! Знаете, такой интеллигент в лучшем понимании этого слова и, конечно, блестящий хирург. Помните, каким изобразил его Нестеров? Все точно, эти удивительные чуткие, нервные пальцы.

Я смотрю на ее руки и хочу сказать, что нам тоже повезло, но — молчу. Она тоже молчит, а потом заключает:

— Но все это в прошлом. Теперь живу воспоминаниями...

Она не вздыхает, нет. Быть может, только мимолетная грустинка проскочила в ее глазах, но тут же заплещут веселые чертики, и Н. Г. лукаво спросит:

— А вы не слышали...

И ошеломит нас забавной историей.

Редко застанешь ее в кабинете, да и там бесконечные приемы посетителей, просьбы, звонки.

Она не всеильна, Н. Г., но если что-то может, то обязательно сделает, поможет: кому — квартирой, кому — яслями, кому — советом, кому — выволочкой. Бывает непримирима: «Немедленно сделать! Как вы могли так поступить?» Бывает, огорчается: «Ну, нельзя же так! Не-

ладно вы сделали, неладно! Сильно плохо!» Но никогда не бывает безразличной.

Пригласишь ее на операцию:

— Надежда Григорьевна! Нужна помощь!

И Н. Г. всегда рядом.

Окончен день. Потушены огни операционной. Мы уходим из больницы, прощаемся на перекрестке:

— Вам налево, мне направо. До свидания!

— До свидания, Надежда Григорьевна!

И пока я стою на остановке и ожидаю трамвая, вижу, как она, быстро шагая, уходит вдаль. Если позволяет время, она всегда ходит пешком.

И я представляю, как она вечером будет упрашивать своего внука Володьку сыграть на фортепьяно «что-нибудь из Моцарта», и как тот начинает «ломаться», а потом все-таки сыграть, а счастливая Н. Г. будет сидеть рядом с «пианистом», гладить его по голове и вспоминать свою молодость, и на глазах у нее выступят слезы, а может, и не выступят, потому что их давным-давно высушила война. Хотя, однажды, я видел ее слезы. Было это на торжественном собрании в честь празднования Дня Победы. Когда председательствующий объявил, что слово от ветеранов имеет участник войны, заслуженный врач РСФСР, почетный гражданин города Свердловска Надежда Григорьевна Сорокина, она махнула рукой, подошла к накрытому красной материей столу и заплакала. Это были слезы из прошлого, которое не может быть чьим-то, это прошлое обжигает всех.

И я вдруг увидел серые госпитальные стены и склонившуюся над операционным столом молодую высокую женщину, у которой все еще будет впереди: и День Победы, и семейное счастье, и слава. Будет все, кроме одного — покоя, потому что в хирургическом «словаре» этого слова нет.

ОТКРЫТЫЙ УРОК

Мой друг-учитель сдержал свое слово. Он позвонил мне в конце рабочего дня и сказал:

— В каком бы ты ни был состоянии, едем в школу, ребята собрались и ждут!

И не успев я опустить трубку на аппарат, как у дверей больницы выросло такси. Подсакивая на сиденье, мчмсь в школу. Я жую бутерброд с колбасой, который запихнул мне в рот предусмотрительный друг, чтобы обезвредить меня, а он ласково говорит мне на ухо, что все в мире преходяще, а дружба вечна и бесценна, и что дорожные расходы он берет на себя, потому что таксист — отец одного из его учеников.

— Ну, ты, купец! — говорю я ему и тут же засыпаю, и снится мне почему-то русская баня: я лежу на полке, здоровенный мужик со скорбным лицом моего друга охаживает меня венником, я задыхаюсь, пытаюсь подняться, но очередной удар венником припечатывает меня к отшлифованным доскам, терпко пахнущим больницей. «Приехали», — слышу далекий голос друга, просыпаюсь и совершенно мокрый, как после бани, вываливаюсь из такси.

Небритый, с набрякшими от бессонной ночи веками, стою перед классом, вижу добрые, совсем еще детские ребячьи физиономии и мне очень хочется, чтобы урок состоялся...

Майя
МАРБИНА

ОН В ЭТОМ ГОРОДЕ КУЗНЕЦ...

Александр Лысяков в этом городе — кузнец. Не в переносном — в самом прямом смысле. Такая у него профессия — кузнец. В одном из старых дворов, в самом центре большого современного города — кузница. Огонь, удары молота, стук, отсветы. Он кует из металла разное: решетки, инструменты и украшения. У него толстые пальцы и покрасневшие разбухшие руки. Они очень спокойные, они свое дело знают. Они знают что-то большее, чем свое дело, они знают что-то, чего и он не знает.

Откуда они знают то, что они знают, и как вообще они могут знать? Вот это неизвестно. Это как-то само по себе. Может быть, это знание оттуда, где он родился — из небольшой рязанской деревни, где живет его мать, и где он провел свое детство, и куда приезжает каждое лето. Деревенька такая же, как и любая другая: дрожащие ветки березы, теплая пыль на дороге, обвисшие занавески в окнах и прорастающая на тропинках трава...

Здесь ему «предлагается» нечто очень важное: загадочная прохлада реки, там, в середине, над самой глубиной, тревожность сумеречного лесного полога, упорство снова и снова прорастающей и вновь вытаптываемой на тропинках травы; застывшая прозрачность неба и огромная тишина, которая погружает в себя и звуки природы, и грохот машин, и голоса человека, и они становятся совсем малыми, стираются и затухают.

Он погружается во все это, он растворяется в этом и уже до самого отъезда не в состоянии от всего этого отделиться... и не в состоянии от всего этого отделаться. Вот тут, видимо, и пропитывается каждая клетка его тела опытом и знанием.

Но что заставляет «выступать» это знание, как выступают капли пота на лбу? Это, верно, город — со своим веселым движением, обманным непостоянством, напряженным думаньем, сомнениями, тревогами, головолмными утверждениями, самоуверенными банальностями.

...Красное мерцает, металл расплывается, толкуются блики. Из бело-голубого в красное, которое все темнеет и затихает. Застывает неподвижно... Живая, свободная форма, своенравная, такая непослушная — застыла, затаялась...

Светлое пустое небо. Дрожит еле различимое видение: рыба... Холодное и прозрачное тело, таинственные перетекания, неподвижно плывет загадочная масса. Глаза прикованы, следят — за ничем... Но это «ничем» не назовешь, это — суть. У этого «ничем» какой-то очень важный смысл. Его ощущаешь, но разгадать его нет сил. И душа отрывается и плывет следом, напрягаясь, чтобы познать, чтобы уловить... и уже достигает, и уже осознает... но, вернувшись, ведь улететь далеко не удастся, вернувшись обратно, немо молчит: познанное на человеческий язык не переводится.

...Все не так, как надо. Название не соответствует сущности... Ожидания не оправдываются. Какой смысл во всем этом? Где причина, где следствие?

Остывает металл, застывает в нем вопрос... Есть ли ответ? Способны ли мы понять «высший замысел»? А может быть, его и нет, этого замысла. Тогда все к черту, что ли?

Снова накаляется красный кусок металла, изгибается и застывает — исчезает возможность ответа. А ведь он мелькнул уже...

...Опускается туман, оседает каплями на пластинках листов, на мокрых листьях, вырванных кем-то из тетради... Голые ветки, все в сучках, чуть шевелятся медленным потоком воздуха, и колыхаются задержавшиеся листья на концах почерневших ветвей.

Молодому солдату Саше Лысякову мир, в котором он оказался, в конце шестидесятых представлялся странным и прекрасным. Город, в котором ему пришлось слышать, поражал, гипнотизировал и привязал его к себе навсегда... Здесь, в Свердловске, он стал работать фотокорреспондентом в молодежной газете, здесь он увидел и понял, что такое «настоящая» живопись, здесь он и сам «сделался» художником.

И все-таки, свой ли он в городе? — Деревенский философ! Да свой ли он в деревне? — Городской человек!

Время опустилось, прижало к земле все, что смогло пригнута своим напором, а этот человек прошел насквозь. В тяжелом мареве треплется и скрипит на ветру ветви, и где-то, отдаленно друг от друга, разрозненно по всему пространству, темнеют такие же, большие и малые ветви — руки, пронизавшие время.

У него распухшие от кузнечной работы руки, добротная мужицкая борода, хитроватый взгляд. Он будет охотно отвечать на ваши вопросы, ухмыляясь, рассказывать байки... Но не будьте наивными, это не вы, это он рассматривает, изучает вас, и, может быть, посмеивается про себя.

...Они, эти, пронизавшие время, эти, которых треплет и пытается согнуть ветер, с ободранной корой и сломанными ветвями — совсем не заметны тем, кто пригнулся под напором — посмотреть наверх не дают потоки сырой и прогорклой воздушной массы...

Эта жизнь, городская либо деревенская, наша сегодняшняя жизнь, почему она такая? И где человек в ней? И в чем смысл его страданий, которые он часто и не осознает? В чем смысл, в чем его назначение?

Как нелепо все сталкивается, разрушая друг друга: человек и природа, машина и природа, государство и человек... Так в чем же смысл? И снова ответ, в том, что... невозможно найти ответа.

Не задают такие вопросы и не пытаются найти ответ те, кто прижат к земле давлением времени. Все просто для них. Хоть и тягостно. Тягостно, да привычно.

Все начнет изменяться, и уменьшится давление, и начнет струиться свежий воздух, только тогда, когда они, прижатые, начнут выпрямляться... И подымутся по всему пространству... И зададут свой главный вопрос!

Картины Александра Лысякова в начале семидесятых годов мелькнули на городских выставках и исчезли. На профессиональные выставки его работы перестали пропускать, на самодеятельных он сам не показывался. Но те, кто знали, приходили смотреть его работы в старый особняк на центральной площади Свердловска, где несколько лет назад размещались редакции газеты «На смену!» и журнала «Уральский следопыт».

Люди заходили и высматривали: что здесь нового? Печальная корова, рыба, покрытая шалью, голубовато-холодная крынка... и снова коровы, и рыбы, и тонкие женские лица... в коридорах, в кабинетах, в переходах. Они заставляли задавать вопросы, они уже почти отвечали на них...

Работы Александра были здесь на своем месте, и сам он был здесь своим человеком. Он работал фотокорреспондентом, его фотографии становились событием номера. Он вырезал из дерева удивительных загадочных рыб: его знакомые почитали за честь получить в подарок такую вещичку — не вещичку, а наполненный таинственной силой

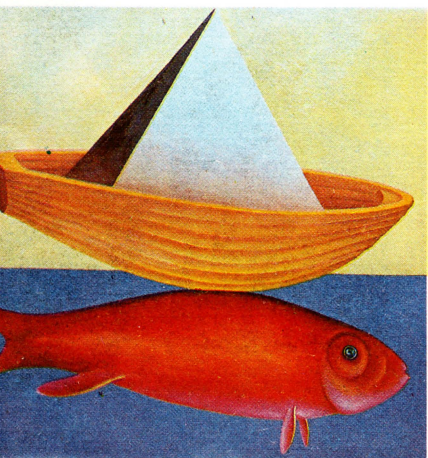
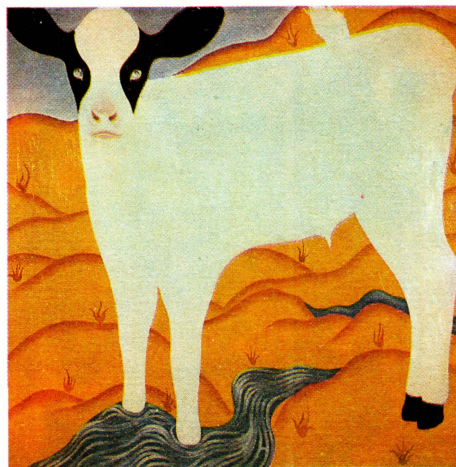
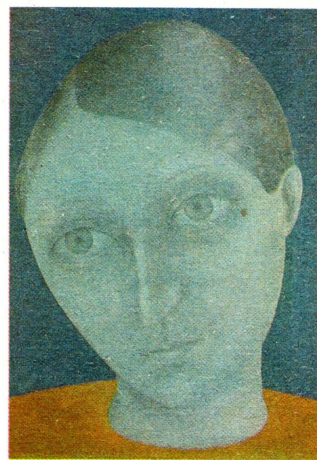
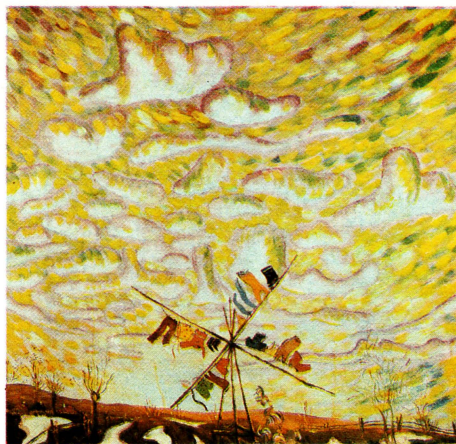
предмет неведомого культа», несущий в себе недоступную тайную суть.

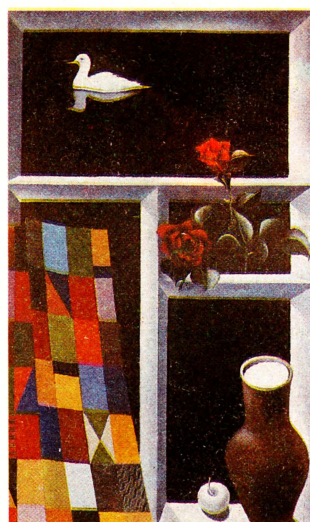
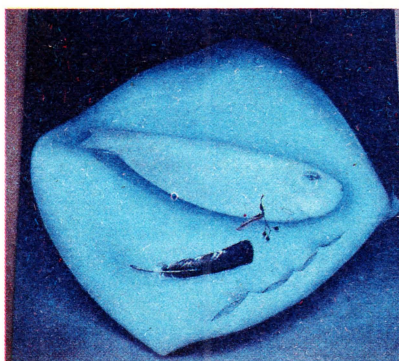
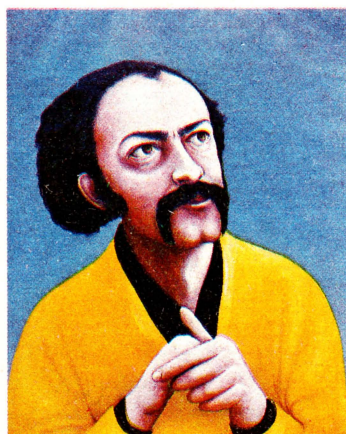
...Вместо слов, вместо фраз, познание души сгущается в видение, которое аспологается на картинной плоскости, чтобы «считать» его оттуда — отпускает ритель свою душу, дает ей поблуждать реди линий и красок. И все это вне языка. Что не переводимо — то непереводимо.

Из низких и страшных реалий бытия ожидаются тревога, ужас, вопрос. Из еплых и светлых явлений действительности рождаются радость и надежда. Из тих прозрачных струй, рожденных в душе, однявшихся и растворившихся в небе, плетается истина.

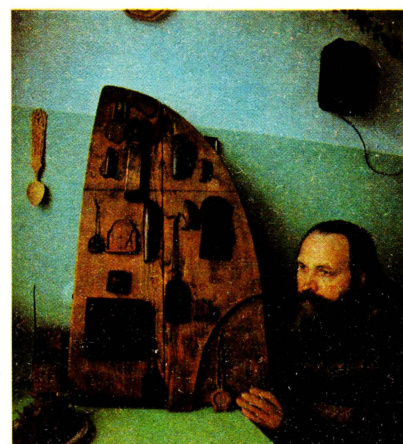
— Эй, кузнец, куда ведет эта истина? И что нас ждет завтра?

Он готов нам дать свой ответ. Но ответ становится вопросом...

**АЛЕКСАНДР
ЛЫСЯКОВ,
живопись**

Игорь НЕПЕИН

ЛЕГЕНДА О СТАРЦЕ ФЕДОРЕ

«Хотелось бы узнать подробнее обстоятельства смерти Александра I и, в особенности, связанную с этим легенду о «старце Федоре».

*Ю. И. Говорухин, А. Н. Чистяков,
В. В. Кубарев, В. П. Гришин,
С. И. Симаков, г. Каменск-Уральский*

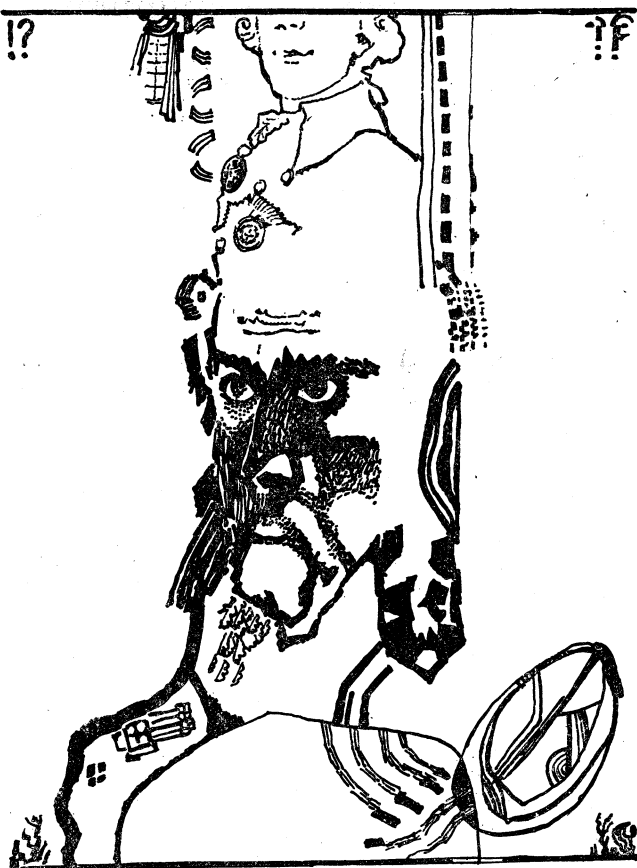
Осенью 1901 года в Крыму граф Лев Николаевич Толстой принимал великого князя Николая Михайловича, члена Французской академии, историка. Кроме прочего, говорили они об Александре I и «старце Федоре». Историк пишет в воспоминаниях: «Граф Толстой говорил, что давно ему хотелось написать кое-что по поводу легенды, что Александр кончил свое поприще в Сибири, в образе старца Ф. К. Хотя пока еще легенда эта не подтверждается, и, напротив того, много данных против нее, но Л. Н. интересовала душа Александра, столь оригинальная, сложная, двуличная, и Толстой добавляет, что если только Александр кончил свою жизнь отшельником, то искупление, вероятно, было полное, и согласился с Н. К. Шильдером, что фигура вышла бы шекспировская».

Великого писателя и великого князя объединял интерес к легендарной фигуре старца Федора Кузьмича. Уже после смерти Толстого, в 1912 году, в журнале «Русское богатство» была напечатана повесть «Посмертные записки старца Федора Кузьмича».

Легенда в пересказе великого писателя приобретала особую значимость. Толстой осуществил-таки свой замысел, но завершить повесть не успел.

Многое сумел написать о царствовании Александра I великий князь Николай Михайлович.

В исследованиях по русской истории и искусству XVIII—XIX веков можно видеть ссылки на сочинения, автора которых называют не по фамилии, а по имени-отчеству — Николай Михайлович. Н. М. Романов был старшим сыном великого князя Михаила Николаевича, внуком Николая I. «Мой старший брат, Николай Михайлович, был, несомненно, самым радикальным и самым одаренным человеком нашей семьи. Моя мать мечтала о его блестящей военной карьере... Николай закончил военное училище с отличием. Однако настоящее его призвание было в отвлеченных исторических изысканиях...» Так писал о своем

старшем брате Александр Михайлович, тоже великий князь и тоже Романов. Его «Книга воспоминаний» вышла в Париже в 1939 году.

Глубоко изучая эпоху Александра I, Н. М. Романов знал многое, если не все, и о сибирском старце. В начале XX века он опубликовал две работы на эту тему: «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича» и «Некоторые новые материалы по вопросу о кончине императора Александра I». Обе публикации доказывают, что превращение императора в старца — лишь легенда. Но есть свидетельство, что Николай Михайлович считал ее правдоподобной.

Обратимся снова к воспоминаниям его брата.

«Высокий, с военной выправкой человек торопливо пересек залитый дождем дворик в Таганроге, около дворца, и вышел на улицу. У ворот часовой отдал ему честь, но незнакомец его не заметил. Еще миг, и высокий человек исчез во тьме ноябрьской ночи, окутавшей, словно пеленой, туманом этот южный приморский городок.

— Кто это был? — спросил сонный гвардейский капрал, возвращавшийся с кругового обхода.

— Его императорское величество вышел на раннюю прогулку, — ответил часовой, но голос его звучал как-то неуверенно.

— Да ты с ума сошел, — напустился на него капрал, — разве ты не знаешь, что его величество тяжело болен, что доктора потеряли всякую надежду и ждут конца государя на рассвете?

— Оно может и так, — сказал часовой, — но ни у кого другого нет таких сгорбленных плеч, как у государя. Я его знаю ведь. Каждый день в течение трех месяцев вижу его. Разговор замолк. Часовой опять замер на своем посту.

Несколько часов спустя глухой звон колоколов, разносясь в воздухе на далекие версты вокруг, возвестил, что... Александр I в бозе почил».

На следующей странице автор приводит загадочное сообщение: «Правительство дало краткий приказ не выставлять тела усопшего императора для поклонения народа».

Разное писали и, тем более, говорили о гробнице Александра I: будто она пуста, будто останки царя подменили статуей... Есть свидетельства, что Н. М. Романов просил Николая II разрешить ему вскрыть гробницу Александра I, но разрешения не получил.

Александр I — первый сын Павла Петровича от второй жены Марии Федоровны — родился в 1777 году. С детства ему приходилось лавировать между суровым отцом и бесконечно любящей его бабушкой Екатериной II. Она мечтала возвести на престол внука, минуя сына.

В 1793 году состоялось обручение великого князя с Елизаветой Алексеевной, урожденной принцессой Баденской.

Десятилетием он писал своему другу В. П. Кочубею полные горечи и разочарования строки. Они приводятся в книге Н. К. Шильдера «Император Александр I. Его жизнь и царствование»:

«Повторяю снова! Мое положение меня совсем не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравится исключительно тишина и спокойствие».

Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен явиться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша...

В наших делах господствует неимоверный беспорядок, грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду... При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправить укоренившиеся в нем злоупотребления? Это выше сил не только человека одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения... Мой план состоит в том, чтобы по отречению от этого неприятного поприща поселиться с женою на берегах Рейна, где буду спокойно жить честным человеком, получая свое счастье в обществе друзей и в изучении природы.

Жена моя Вам кланяется; ее мысли совершенно согласны с моими».

Спустя полтора года, мысли Александра приняли несколько другое направление. Он писал своему бывшему учителю Лагарпу в Швейцарию: «Мне думалось, что если когда-либо придет и мой черед царствования, то, вместо добровольного изгнания себя, я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу, и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-нибудь безумцев. Это... было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать, как только конституция избрала бы своих представителей...»

Трагедия Александра I началась 12 марта 1801 года. Ночью, накануне, убили его отца, и он знал о планах убийц.

На следующее утро после переворота Александр говорил: «У меня не хватит сил царствовать. Я отдаю мою власть кому угодно».

Воспоминания и сознание вины перед убитым отцом, как волны, то отступали, то вновь наступали. Став императором, Александр вскоре совершенно отдалился от супруги. Предметом своей привязанности он избрал самую красивую женщину при дворе Марию Антоновну Нарышкину, племянку по происхождению, урожденную княжну Четвертинскую.

Со школьной скамьи нам известны строки, написанные А. С. Пушкиным об Александре I:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

С 1816 года Александр стал увлекаться мистицизмом, в котором стремился найти оправдание своим поступкам.

Постепенно крепнет давнишняя идея об отречении от престола. В 1817 году современник¹ записал подлинные слова императора:

«Когда кто-нибудь имеет честь находиться во главе такого государства, как наше, он должен оставаться на своем месте лишь до тех пор, пока его физические силы будут ему дозволять это... После этого он должен удалиться. Что касается меня, — то в настоящее время я прекрасно чувствую себя, но через десять или пятнадцать лет, когда мне будет пятьдесят, тогда...»

В августе 1825 года здоровье императрицы Елизаветы Алексеевны ухудшилось, потребовалось пребывание на юге. Местом отдыха был избран Таганрог.

Царственная чета поселилась во дворце, хотя это название совсем не подходило для дома, в котором они жили. «Дворец в Таганроге состоит из небольшого одноэтажного каменного домика, имеющего 13 окон на улицу; направо ворота, ведущие во двор, где имеется подъезд во дворец, а на левой стороне небольшой садик. Всех комнат во дворце 12».

С точностью восстановить все происшедшее в Таганроге, конечно, невозможно. Прямых свидетельств нет и быть не могло. А многочисленные косвенные данные и создают картину таинственности вокруг смерти Александра I.

Ближних к царю людей могло быть трое: Елизавета Алексеевна, князь П. М. Волконский и Я. В. Виллие. Одни ему верны и преданы. Молчание и помощь других покупались за большие деньги.

«Шильдер считал, что в гроб был положен труп солдата, известного своим сходством с Александром I, умершего естественной смертью в таганрогском госпитале»².

Подобную версию, несколько, правда, измененную, использовал Л. Н. Толстой в своей неоконченной повести. Яков Виллимович Виллие, лейб-медик, первый президент императорской медико-хирургической академии, не отрицал возможность версии о Федоре Кузьмиче.

Князь Петр Михайлович Волконский — участник войн с Наполеоном — состоял начальником штаба при Александре I. «После смерти П. М. Волконского, — писал Л. Любимов, — император Николай I послепил в комнату только что скончавшегося князя, и лично взял, и унес его дневники».

Любопытно поведение доктора, впоследствии лейб-медика Д. К. Тарасова. Лишь после смерти Федора Кузьмича, он заказал в Царскосельской дворцовой церкви панихиду по Александру Павловичу и горячо молился за упокой души почившего царя. На вопрос близких отвечал, что это весьма великая тайна, которая умрет вместе с ним³.

В записках Тарасова есть ряд страниц, на которые ранее не обращали внимания: «С 10 на 11 ноября прибыл с секретным донесением офицер Шервуд. В эту же ночь государь потребовал к себе полковника Николаева, командовавшего отрядом донских казаков при квартире его величества, и коменданта города Таганрога полковника гвардии Фредерика и, дав им важное секретное повеление, приказал тотчас же, немедленно выехать из Таганрога, так, чтобы никто не заметил их выезда. Этого отправления и данного высочайшего повеления не заметил даже начальник штаба его величества Дибич».

Итак, император Александр I таинственно скрылся или умер 19 ноября 1825 года. А 4 сентября 1836 года на Урале появился таинственный старец. Если это был царь, то где он находился одиннадцать лет? Л. Любимов считает, что до нас не дошли, исчезнув при таинственных обстоятельствах, бумаги генерала И. И. Балинского, всю жизнь собиравшего материалы о таинственном исчезновении Александра I.

И. И. Балинский будто бы установил, что к 25 ноября 1825 года из Таганрога ушли все иностранные суда, кроме одной яхты под английским флагом. К месту вспомнить загадочное поручение Александра I донским казакам и

¹ Кто был этим собеседником царя, не установлено.

² Так пишет в своей книге, вышедшей в Париже, Л. Любимов.

³ Так в книге Л. Любимова.

коменданту города. Не содержало ли оно приказ всем судам, кроме одной яхты, покинуть таганрогский порт?

«Осенью 1836 года к одной из кузниц, находящихся около города Красноуфимска Пермской губернии, подъехал какой-то мужчина, лет 60, и попросил кузнеца подковать бывшую под ним верховую лошадь. Кузнец, исполняя желание проезжего, заинтересовался красивой лошадью и самою личностью старика, одетого в обыкновенный черный крестьянский кафтан, не гармонирующий с чрезвычайно мягкими, так сказать, не крестьянскими манерами проезжего, обратился к нему с обычными в этих случаях вопросами о цели путешествия, принадлежности лошади, и, наконец, о его имени и звании.

Уклончивые ответы проезжего возбудили подозрение собравшегося около кузницы народа, и неизвестный, без всякого со своей стороны сопротивления, был тут же задержан и доставлен в город. На допросе он назвал себя крестьянином Федором Кузьмичом, объяснил, что лошадь принадлежит ему, отказался от дальнейших показаний и объявил себя не помнящим родства бродягою...

В этом же году Федор Кузьмич был наказан 20 ударами плетей, выслан из Красноуфимска на поселение в Сибирь, в Томскую губернию, близ Ачинска... куда и прибыл 26 марта 1837 года.

Так писал журнал «Русская старина» в январе 1892 года.

В разных изданиях собрано немало материалов, характеризующих жизнь и поведение старца в Сибири. «Принимал посетителей стоя, разговаривая, любил ходить взад и вперед. В келье его всегда царил абсолютный порядок. Федор Кузьмич был глуховат на одно ухо. Спина его была сутулая, чувственный рот тонко очерчен... Говорил на нескольких языках... Избегал встречаться с высшими представителями государственной власти».

«Переходя из деревни в деревню, Федор Кузьмич делал все, что только может делать хорошо воспитанный и образованный человек... Он учил крестьянских детей грамоте, знакомил со священным писанием, с географией и историей... сведения, сообщаемые им, всегда отличались правдивостью, глубоко врезались в головы учеников.

Взрослых он увлекал религиозными беседами, занимательными рассказами из событий отечественной истории, в особенности, о военных походах и сражениях, причем, незаметно для самого себя вдавался иногда в такие мелкие подробности в эпизодах войны 1812 года, что возбуждал общее недоумение даже среди лиц, сравнительно развитых...»

В 1848 году Федор Кузьмич переехал в деревню Коровейникову, в 1858-м переехал в Томск, к купцу Хромову. Скончался 20 января 1864 года, похоронен на кладбище томского Богородице-Алексеевского мужского монастыря.

После смерти Федора Кузьмича осталось несколько зашифрованных строк. Л. Любимов пишет: «Когда слыхали почерк Александра I и старца, пришли к твердому убеждению, что письма императора и записки старца написаны рукою одного и того же человека».

Был ли старец Федор Кузьмич русским императором Александром I? Загадку можно разгадать, если вскрыть гробницу императора в соборе Петропавловской крепости в Ленинграде. Известно, что Александру I в год смерти исполнилось 46 лет. По останкам можно установить возраст погребенного, по черепу — реконструировать его портрет. Легенда или подтвердится, или нет.

**Яков
АНДРЕЕВ**

СОЮЗ БЛАГОДЕНСТВИЯ

Понятно, не только фрондеры,
Не только пустые вранли
Опасные те разговоры
В столичных салонах вели.

Орлы Бородинского поля
Вели разговор при свечах.
Одни говорили про волю —
И речь их была горяча!

Но тайный преследовал страх
Других из отпетых рубак,
Вникавших в преступные речи.
(Уж лучше навстречу картени!)

Им словно уже было видно,
Как в том роковом декабре
Их верные друзья по битвам
Сомкнутся в мятежном каре!

Одно породило их поле,
Навеки судьба разлучит
Того, кто погибнет героем,
Того, кто уйдет в палачи.

Но это не скоро, не скоро —
Они еще дружбе верны,
Еще не закончены споры,
И пушем бокалы полны!..

* * *

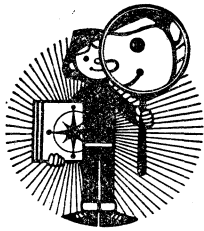
У мальчика в глазах
Я видел пропасть.
Побереги, мой век,
Детей твоих!
В домашний мир
Вторгается жестокость
С экранов
Безмятежно голубых.
Смотри,
Лев Николаевич Толстой —
Киноубийцы
Набивают цену,
По улицам
За киносуперменом
Зеваки прут
Восторженной толпой...

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Ах, где же вы,
Братья по разуму?
В какой затерялись дали?
Мы шлем вам
Сигналы по радио
Со всей неофятной Земли.

Работаем
В будни и праздники,
Вас ищем
В космической мгле —
Как будто бы
Братьев по разуму
Не можем найти на Земле!..

МИР

НА ЛАДОНИ

«Будильник» у сердца...

Подхожу к дому, осторожно стучу в дверь.

— Входите, не заперто!

Жестом правой руки хозяин приглашает в горницу, а левую осторожно придерживает у пояса. Мне только что рассказали об этом человеке. В годы войны — снайпер стрелкового полка младший сержант Петр Бычков. Теперь Петр Григорьевич, конечно, на пенсии.

Острый взгляд бывшего снайпера замечает, что я невольно слежу за его движениями, походкой.

Петр Григорьевич раскатиисто смеется:

— Да не смотрите вы на меня так! В эти дни я здоров, как никогда за последние сорок лет...

Но затем фронтовик смущенно тербит ухо:

— Хотя этот «будильник» и среди ночи часто меня поднимал. Днем-то я его слышал постоянно, все сорок три года.

А случилось вот что.

Отдельная рота лейтенанта Владимира Юрова штурмом отбила у фашистов один из райцентров Белоруссии. Одной, хоть и крупной, части удержать район — дело, понятно, малонадежное. Но бойцы знали: надо продержаться хотя бы сутки. Более крупные силы должны были подойти вот-вот.

Но и фашисты поняли, что поселок удерживает только одно подразделение смельчаков. И осенним утром открыли кинжальный огонь по советской позиции.

Тогда и застряла вражеская пуля в груди двадцатилетнего парня. То, что это была пуля, младший сержант понял сразу. Огонь фашисты вели из стрелкового оружия, и взрывов поблизости не слышалось.

Сознание от пулевого ранения снайпер не потерял. Только каменно-тяжелой стала левая сторона груди и рука. Бычков увидел проход в заграждении из колючей проволоки и пошел в нашу сторону. Взрыв мины почти не оставил шансов выжить: осколками изрешетило правую ногу. Сил хватило переползти за колючую проволоку и плюхнуться в воронку с водой. Тут и обнаружили младшего сержанта санитары из соседней седьмой роты...

Полгода кочевал по госпиталям. И новый, 1944-й, встретил в госпитале.

Раны с засевшими в ноге осколками разорвавшейся мины военврачи залечили, а вот с пулей все оказалось сложнее. Ранение не сквозное — значит, пуля где-то в груди и осталась.

А вот где?

Военные хирурги хоть и были асами своего дела, но искать смертельный металл, засевший в груди, побоялись: рядом сердце.

О рентгенаппарате тогда и речи быть не могло. Какой рентген в военно-полевом госпитале?

Пришла пора младшему сержанту Бычкову выписываться из госпиталя. Демобилизовали, что называется, подчистую.

— Благодарю судьбу, сержант, что на ноги поднялся. А с фашистской пулей уж после войны как-нибудь разберешься, — напутствовали снайпера товарищи по палате.

После войны фронтовику не себя уже, а семью на ноги поднимать надо было. И инвалид первой группы, затем — второй, скрывал свою инвалидность, чтобы просто работать, как все, кормить семью. Слесарил, был мотористом на речном катере, механиком в мастерских...

Но боль под левой лопаткой не стихала ни на один день, и ночами это смертоносный «будильник» все чаще поднимал с постели бывшего снайпера.

Когда стало совсем невозможно, фронтовик поехал к профессору-хирургу. Объяснил: так и так, с пулей в груди живу. За двадцать лет эта железка мне крепко надоела. Нельзя ли ее удалить?..

Профессор долго изучал рентгеновский снимок.

— Тяжело жить, солдат?

— Видите, пока живу.

— Тогда не торопись. Опасно ее убирать.

...Декабрьским утром 1986 года Петр Григорьевич собирал внука Сережу в школу. Вдруг, что-то пламенем полыхнуло в груди. Потерял сознание. Но внук был рядом, не растерялся.

Неужели, опять? Сердце так резануло? Бычков потрогал левую сторону груди и нащупал твердый инородный комочек...

Сложную операцию блестяще провел белоярский хирург И. А. Мухлынин.

Спрашиваю Игоря Александровича: встречалось ли у него в практике подобное?

— Нет, никогда не приходилось удалять из груди фронтальную пулю. Ведь через сорок три года! Что и говорить, редчайший пациент.

Мой собеседник внимательно рассматривает рентгеновский снимок, зловещее белое очертание пули на темном негативе. Сорок два праздника Победы встретил старый солдат со смертоносным грузом у сердца. А сейчас эта стальная ржавая пуля лежит перед ним, уже безопасная. Петр Григорьевич, разминая левую руку, пока неуверенно двигает плечом:

— Даже непривычно, свободно-то как стало...

В. СТАХЕЕВ

Из сорокалетнего плена

В центре Южно-Сахалинска стоит трехэтажное здание восточного типа: крыша в два яруса с выгнутыми вверх краями, узкие вертикальные окна, японский орнамент на стенах. Здесь областной краеведческий музей. Рядом с домом, на специальной площадке, необычный экспонат — бывшее «военнопленное» артиллерийское орудие.

Это русская 11-дюймовая пушка. В переводе на современные метрические меры калибр ее 280 мм, дальность стрельбы 11 км, вес снаряда 125 кг. Казенную часть орудия, утолщенную особым слоем стали, едва охватят руки взрослого человека; длина ствола около четырех метров. Лафет представляет собой могучее сооружение.

Удивительна судьба этого, ныне музейного, экспоната. Пушка была изготовлена в 1875 году в Петербурге. Она предназначалась для стрельбы по броненосцам. Вот почему ее отправили на Дальний Восток, на берег Тихого океана. Когда началась русско-японская война 1904—1905 годов, это орудие использовалось при обороне Порт-Артура, отражая огнем набеги японской эскадры, вступающей в артиллерийскую дуэль с кораблями. А после того, как крепость пала, была сдана противнику; одиннадцатидюймовая пушка — вместе с другим военным снаряжением — попала в японский плен.

К слову сказать, военно-морская крепость Порт-Артур была не просто сдана, а продана японцам! Пока обороной руководил генерал Р. Кондратенко, защищавшие крепость русские войска почти год героически сдерживали

натиск врага, отразив четыре штурма, и так же стойко собирались драться дальше. Но после гибели Кондратенко командование Порт-Артуром принял начальник укрепленного района Стессель, и японцы предложили ему три миллиона йен «отступных» — советская пресса в тридцатые годы публиковала фотокопии этих документов. И участь крепости была решена. Генерал-предатель Стессель приказал отступить, оставить Порт-Артур. Это было в феврале 1905 года.

Сорок лет пробыла в японском плену русская одиннадцатидюймовка. Вызволили из него пушку, ставшую исторической реликвией, советские войска, которые в ходе Маньчжурской операции 1945 года разгромили Квантунскую армию и освободили Порт-Артур. К празднованию 10-летия Победы наши войны-артиллеристы доставили уникальное орудие в Южно-Сахалинск и установили его на территории музея.

В. ДЕБЕРДЕЕВ

По преданию, одним из первых использовал оружие из дамасской стали Александр Македонский. Позже саблями из Дамаска вооружались армии арабских стран и стран Юго-Восточной Европы и Азии. На Западе издавна делались попытки ковать клинки такого же качества, но безрезультатно. Если в поединке скрещивали клинки закованный в латы рыцарь и воин на арабском скакуне, то сабля из дамасской стали при первом же ударе перерезала рыцарский меч.

Несколько лет назад два ученых из Стенфордского университета в США заявили, что раскрыли тайну дамасской стали.

Главное отличие, считают они, в размере зерен, образующих кристаллическую решетку металла. «Восточная» сталь образована из «кирпичиков», которые, примерно, в 200 раз меньше, нежели зерна обычной стали.

Ученые утверждали, что сумели изготовить дамасскую сталь в современных условиях. Сообщение прозвучало сенсацией, но... дамасская сталь в «торговую сеть» так и не поступила.

Пять лет назад за дело взялась группа специалистов западногерманского концерна Круппа. Была попытка создать оружейный сплав, не уступающий дамасской стали. Но если дамасский клинок с легкостью рассекает военную стальную каску, то сабля из крупповского металла, при аналогичной силе удара, оставила на каске лишь глубокую царапину...

В. РОЩАХОВСКИЙ

Чемпионов растит Верхняя Пышма

В традиционной июльской велогонке на приз журнала «Уральский следопыт» участвовала 21 команда: 140 юных гонщиков из Свердловской области и гости из Ижевска и Уфы. Было всё, как всегда: индивидуальная гонка на 20 километров, групповые гонки (70, 75, 90 км), командная гонка на 50 километров и гонка-критериум (40 км). Новизна лишь в именах четырнадцати-семнадцатилетних победителей.

В соревновании на этапах ими стали: А. Чарыкин, С. Попов, В. Иванов, П. Филистеев, А. Мальцев. Среди команд «победная пирамида» выглядит так: Центр олимпийской подготовки «Агидель» — г. Уфа, СДЮШОР — г. Верхняя Пышма, «Импульс» — команда Ижевского радиозавода.

Победителем многодневной велогонки по сумме всех этапов стал воспитанник СДЮШОР из Верхней Пышмы Федор Рязанов (вы видите его на снимке).

С. ГОРБАНЕВА,
инструктор ВДФСО профсоюзов.

«Уральский следопыт» в 1989 году

ПРОЗА. ЮМОР. ЗАРУБЕЖНЫЙ МИКРО-ДЕТЕКТИВ. ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

- Акимов В. Зинка. № 11.
Архипов С. Открытый урок. № 12.
Блок Л. Если этот человек умрет... № 8.
Варламов А. Запах страха. № 6.
Виннингтон А. Дилетант. № 5.
Дробиз Г. Вова на планете Тарарум. № 9.
Зикунов В. Деревянные кони. № 5.
Киплинг Р. Корабль, который стал кораблем. № 10.
Кобылин В. Приключение на реке Лесной. № 11.
Кокшко Ю. Грамматические упражнения в стрельбе по движущейся мишени. № 12.
Крапивин В. Острова и капитаны. Книга третья. «Наследники». № 3, 4, 5, 6.
Ласунский О. Право на искренность. № 1.
Матюнин Б. Выручайте, дядя! № 9.
Мелихан К. Король. № 9.
Николаев В. Колодец. № 11.
Носков В. Новеллы о природе. № 9.
Носков В. Что на чаше весов? № 12.
Осоргин М. Времена. № 1, 2, 3, 4.
Поскребышев О. В защиту речи — в защиту души. № 8.
Ромов А. Без особых примет. № 7, 8.
Скоробогатов Ю. Река моего детства. № 12.
Стругацкий А. «За державу обидно...» № 1.
Фиш Р. Террорист. № 6.
Чуманов А. Ветер северо-южный, от слабого до уверенного... № 1, 2.
Шаламов В. Вишера. Миллер-вредитель. № 8.
Шапко В. Счастья маленький баульчик. № 9, 10.
Яковлев А. Коммунист, репортер, писатель. № 5.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

- Андреев А. По хребту Урала. № 6.
Андреев Я. Стихи. № 12.
Арабули Б., Маградзе Д., Турманаули О., Хараяули Б. Минуты и мгновения. № 9.
Артамонов А. Слово мелочь по рукам... № 2.
Буруков М. Я беззаветно в памяти храню... № 9.
Буруковская Т. Стихи. № 10.
Ванюшев В., Поздеев П., Сабитов Г. Из понимания добра. № 11.
Востриков Ф. Стихи. № 4.
Гали М. Доброта рождает доброту. № 3.
Галюдкин В. Стихи. № 9.
Гольд А. Канун разлуки. № 5.
Кердан А. Сибирский тракт. № 7.
Ладейщикова Л. Все с детства начинается... № 1.

- Махмудов А. С землей этой связаны мы... № 8.
Молчанов Э. Стихи. № 6.
Найдич М. Назвать своими именами. № 1.
Решетов А. Невыдуманная поэма. № 4.
Сибирев В. При ровном свечении мирных небес... № 2.
Соколкин С. Стихи. № 5.
Станцев В. Лермонтов. № 10.
Суров В. Стихи. № 6.
Топоров В. С годами прошлое больней... № 6.
Щербakov А. Раковина. № 10.
Щукина Е., Маринин Б., Черепанова Г., Максимцов В., Андреев Ю., Сироткина О., Кулешова Л., Сосновская Л., Курбатов В., Гасиулина Э. На перекрестке забвенья и вечности. № 12.
Юдина В. Стихи. № 11.
Юнусов Р. Стихи. № 8.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

- Арабесков Л. Конкурс мистера Гопкинса. № 6.
Блохин Ю. Банзай. № 10.
Больных А. Видеть звезды. № 2, 3.
Бугров В., Князева О. Фантастика под микроскопом. № 12.
Васильев В. Садовая. № 10.
Другаль С. Язычники. № 7, 8, 9.
Калмыков П. Школа мудрых правителей. № 11, 12.
Копылов Н. Невидимка. № 6.
Леонов Н. Некролог. № 10.
Малов В. Под Солнцем Матроса Селкирка. № 1, 2.
Резанова Н. Вид с горы. № 10.
Смирнова Л. Вагровые пятна. № 10.
Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике. № 4, 5.
Титова Т. Было море звезд. № 10.
Ульянский А. Колесо. № 6.
Фисенко А. Счастье. № 12.

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

- А ваша оценка? № 12.
Арбитман Р. Тогда, в 60-е... № 7.
Безуглый А. Время собирать силы. № 11.
Бугров В. Свердловск: «Аэлита-89». № 10.
Внимание: новый НФ приз! № 11.
«Вы затеяли хорошее дело...». № 1.
1989-й... 1989?! Краткая хроника событий, «запланированных» фантастами. № 12.
Гопман В. Встреча разумов. № 4.
Иванов С., Черник В. Кое-что об опасностях. № 3.
Исангазин М. В поисках компаса... № 6.
Куриц Л. Николаев: «Соцкон-89». № 8.
Ларионова О. В обществе — ностальгия по герою... № 5.
Ларионов В. Под Ленинградом, в Сосновом Бору... № 8.

- Лежнин Л. Пусть сначала будет слово. № 4.
Масленников Р. Ультракраткая Э. Ф. № 11.
Мокрополов Б. Летят... А зачем? № 4.
На перекрестках времени: год 1989-й. № 1.
Новинки фантастики: 1988-1989. № 6.
Пашин В. В Амьене, у Жюля Верна. № 2.
Фантастика под микроскопом. Викторина-89. № 1.
Харламов Т. Пахомий в XX веке. № 4.
Чертков А. Впервые на «Аэлите»... № 11.
Чистяков В. О чем предупреждал «Час Быка»... № 4.
Читатель всегда прав? № 7.
Якубовский М. «Особые контакты» — № 4.

ПАМЯТЬ. ТОВАРИЩ ВРЕМЯ. ЛЮДИ ПОДВИГА. ЮНОСТЬ ОЦОВ. НАЙТИ СЕБЯ. НА СЛЕДОПЫТСКОЙ ЛИНЕЙКЕ. СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

- Абрамов А. По тылам врага. № 12.
Авдеев Ф. Конец банды Штехаана. № 2.
Агафонов В. «На востоке тучи ходят хмуро...» № 11.
Альтов В. Подпольщик-телеграфист. № 11.
Анчугов А. Кто сегодня в моде — может, ты? № 3.
Барвиш Б. Дневник Нины Вишняковой. № 12.
Голубев Л. Пушкаренко. № 2.
Гельбл Я. Наглядный пример. № 5.
Герасимов А. Целовальник. № 8.
Зубьяков Н. Крылашка. № 2.
Зубьяков Н. Растет в поле ясень. № 11.
Зюзин П. Кто примет эстафету? № 5.
Калищева О. «Врагиня-княгиня». № 11.
Каменщик В. Опубликованию не подлежал... № 10.
Кропачев А. «Считаю родным человеком»... № 4.
Лузянинов О. Поклонись печной трубе. № 5.
Нестеренко В. Завтра с Соббикаше. № 4.
Новоселов А. Прозрение на Золотой горе. № 11.
Носков М. Начало жизни — начало века. № 12.
Рымаренко З. «Ваша Вера Мухина». № 7.
Соскина В. Необратимое. № 7.
Чечулин А. Избранные места из солдатских мемуаров. № 5.
Шеваров Г. «Привет вождю народов!» № 8.
Шинкаренко Ю. Братья приезжие. № 8.
Щербинина О. Висим старинный, песенный. № 11.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА. ПО БЕЛУ СВЕТУ. ДАВНЫМ-ДАВНО. СТРАНА ТОПОНИМИЯ. ТРОПОЙ ПОИСКА. МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ. КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ

Аляшева Н. Айседора. № 11.
Андрейчук В. Долина каменных чудес. № 7.
Архипова Н. Где проходит рубеж. № 6.
Архипова Н., Карякин А. Часовые необычной границы. № 6.
Бакулин И. Конек-горбунок. № 2.
Бердинских В. Памятная фотография. № 2.
Блинов А. Любю с пониманием. № 10.
Большаков Н. Большаковы из починка Дор. № 10.
Борисов В. Брат космонавта. № 9.
Буянов М. Александр Дюма в России. № 7.
Ветлугин В. Заповедник, которого нет на карте. № 7.
Гамов С. Ленин на передовой. № 4.
Данилов Л. Его песни пела вся Россия... № 6.
Емельянов Б. «Красный, опасный...» № 6.
Енакаев Р. «Песня девушки-рыбачки». № 3.
Ищенко Е. Суд над мертвым. № 11.
Копылов В. Монеты Менделеева. № 5.
Косиков Н. Откуда жареные воробьи? № 10.
Краеведческий бумеранг. № 7.
Культикова Р. Они подружились в Ишиме. № 8.
Курочкин Ю. Опальные невесты. № 9.
Лейфер А. Ботаник, педагог, поэт. № 2.
Лейфер А. Друг молодости Чернышевского. № 9.
Липатников Ю. Россия, верь. № 2.
Майер А. Отливал колокола в Сарепуле. № 11.
Марченко В. Где могила Чапаева? № 12.
Матвеев А. Русский Север. № 2.
Молодцов Ю. Письма из Ясной Поляны. № 8.
Непьян И. Легенда о старце Федоре. № 12.
Нестеров А. Большевик из Полевского. № 7.
Певцов А. Симеон и среда. № 12.
Окунцов Ю. Последний бой комиссара Малышева. № 9.
Ольшанская Е. По следам «ташкентского альбома». № 6.
Омельчук А. Ямальская россыпь. № 10.
Осинцев Л. Встречи с Крупской. № 2.
Осинцев Л. Дети Петрограда. № 6.
Пашин В. Миллиардер. № 7.
Петров М. Эхо ангарского залпа. № 7.
Плотников И. Когда и кто освободил Екатеринбург. № 8.
Попов С. Люди, ставшие островами. № 6.
Присадский В. Мой дедушка — Павел Петрович Бажов. № 1.
Секрет М. Легендарная станица. № 11.
Семенчик И. Реликвия семьи Недзвецких. № 4.
Сигов А. Золото Всеволожских. № 11.
Силонова О. «Особая милость» Демидова. № 6.

Скопец М. Кто живет в ледяном озере? № 10.
Скрягин Л. Сэр Гудвин — пожиратель кораблей. № 10.
Слуккин В. Верхотурье: четыре века жизни и семь печатей тайны. № 8.
Смирнов С. Печка в стиле рококо. № 8.
Стариков А. Каменный пояс России. № 2.
Степанов В. О Теодоре Нетте — человеке и пароходе. № 7.
Сурин Л. Серебряные часы курсанта. № 3.
Хамзин А. Чем лечат часы. № 7.
Черных В. Витвицкие — отец и сын. № 6.
Черных Н. «Принести хоть частичку пользы». № 5.
Чечулин А. Мия в энциклопедии. № 10.
Шакинко И. Сибирская коллекция Петра. № 3.
Шмаков А. «Моим дочерям посвящаю». № 2.
Шмаков А. Рукой Андрея Платонова. № 6.
Шумилов Е. Ижевские кафтанчики. № 10.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА. НАУКА И ТЕХНИКА. О БРАТЬЯХ МЕНЬШИХ. УРАЛЬСКИЕ ЗАКРОМА

Бахтин Э. Самосвет — сам светит. № 1.
Беляев И., Семенов А. Экзоты на окнах. № 2, 3, 4.
Богоявленский Л. Корнандр, лагерь, баклажаны и другие. № 9.
Борейко В. Пасынок России. № 5.
Борисов В. Озеро Смолино — здравница или резервуар? № 5.
Буруковская Т. Гармония. № 7.
Буруковский Р. Об одном провинциальном музее. № 9.
Вайсберг Б. Здравствуйте, летчик Янковский. № 9.
Верников С. Наши земляки. № 6.
Вилисов М. Егоркина берлога. № 11.
Власов А. Гидроэлектростанция... без плотины. № 2.
Готовим землетрясения? № 5.
Дашевская О. Уральский эвклад. № 2.
Довгопол В. Верись — не верись... № 10.
Зайцев Г. Где ты, прежняя слава? № 1.
Зайцев Ю. Летим на Марс. № 1.
Золотарев В. Исключение из правил. Посрамление вороны. № 7.
Казанцев С. Все — в космос. № 4.
Казанцев С. Продолжая прерванный полет. № 6.
Казанцев С. НЛО над Уралом? № 10.
Карелин В. Человек путешествующий... № 5.
Килина А. Здесь русский дух... № 1.
Клещин Е. Занесен топор над Пармой. № 2.
Кучеров Е., Павлов Б. Не море, а горе. № 8.
Нефедьев П. Борька. № 12.
Пуронен В. Камни из малахитовой шкатки. № 1.
Рыженков Г. Гриб — дитя леса... № 6.
Рябинин Б. Поселился Айболит в Большеречье. № 4.

Рябинин Б. Контакты, контакты... № 10.
Сагдеев Р. Лаборатория — вселенная. № 4.
Садыков О. Последний шанс. № 8.
Самарин Г. Воспоминания о чайках. № 11.
Селегей В. Сибирь: диагноз ясен, пора решать. № 9.
Смирнов А. Венерины башмачки. № 10.
Снигирев В. Глухая елань. Последняя охота. № 10.
Спасибо, родник. № 5.
Чибилев А. Пернатые символы Урала. № 11.

ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ. РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ. ДИАЛОГ — КЛУБ. МУЗЫКА И МЫ

Ау, бумага! № 11.
Итоги викторины «Музыка и мы-88». № 4.
Корниенко И. Ностальгия по чуду. № 10.
Ломакина Т. «Съемная» девочка. № 2.
Мешавкин С. К читателям журнала. № 5.
Подписчик всегда прав. № 8.
Понизовкин А. Мир вам, враждующие боги! № 5.
Шиньяренко Ю. Бойся банта на шее... № 9.
Широкова Н. Был колокольчик выше храма... № 10.

ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ. КТО ВО ЧТО ГОРАЗД. МИР НА ЛАДОНИ

Андрейчук В. Цветы под землей. № 6.
Беляева Н., Егорова Е. Возвращение Сергея Дягилева. № 6.
Везиров Д. Мир мой, мир твой... № 4.
Возчиков В. Рыцари свердловского ордена. № 5.
Грамматчикова Л. «Гладкое письмо» Александра Исачева. № 11.
Горбанева С. Чемпионов растит Верхняя Пышма. № 12.
Кабанов В. 150 000 — на выставку. № 11.
Капорейко О. Автосалон в витрине. № 12.
Клочков В. Игры предков. № 11.
Лысяков А. Соберемся, кузнецы! № 6.
Любимов В. Вглядываясь в лица домов... № 10.
Максимова Н. «Ненормалы» из «Картинника». № 3.
Марьяна М. Из зерна иронии?.. № 5.
Марьяна М. Он в этом городе кузнец. № 12.
Медведева Л. Художник из Архангельска. № 3.
Нинуа Д. Зачем славить шарманку в музей?.. № 3.
Нохрин С. 50 экслибрисных выставок. № 3.
Онкин И. Встречи с Исетью. № 1.
Принцева Т. Рукотворный камень. № 8.
Рафиков М. Золоторукий Токарев. № 11.
Сергеева Л. Чудеса океана. № 10.
Широкова Н. Сюрпризы жевательной резинки. № 9.
Щербинина О. Спасенная красота. № 5.

АВТОСАЛОН В ВИТРИНЕ

Олег КАПОРЕЙКО

Более сотни лет назад, а точнее 3 июля 1886 года, немецкий изобретатель Карл Бенц совершил первую поездку на трехколесном автомобиле собственной конструкции с двигателем внутреннего сгорания. Почти одновременно его соотечественник инженер Готтлиб Даймлер построил четырехколесную машину. Оба они и вошли в историю техники как создатели первых автомобилей. Хотя задолго до них, десятки изобретателей строили и испытывали «безлошадные экипажи» с паровыми двигателями и двигателями внутреннего сгорания — но либо не зафиксировали официально самого факта выезда своей машины, либо бросали начатое дело на полпути.

К началу XX века в мире уже функционировало около сотни заводов, выпускавших автомобили. Рождалась новая отрасль промышленности. Лидером по производству автомобилей в начале века была Франция, затем вперед вышли США. В тридцатые годы за ними потянулись Япония, Советский Союз, Турция, Румыния, Италия, Бразилия...

Сегодня уже многие страны располагают собственной автомобильной промышленностью. Одних только легковых автомобилей существует более трех сотен марок, а количество моделей шагнуло далеко за тысячу. Это — на сегодняшний день. А за всю более чем столетнюю историю автомобилестроения можно насчитать тысяч пять марок, не говоря уже о моделях — их легион. «Руссо-Балт», «Роллс-Ройс», «Крайслер-Винзор», «Изотта-Фраскани», «ГАЗ», «АМО», «Пежо», «Форд», «ЗИС», «Кадиллак», «Мерседес-Бенц», «Шевроле-мастер»... И еще много других названий автомобилей — легковых, грузовых, спортивных, самого различного назначения — перечисление их заняло бы слишком много места.

...«Выставка моделей автомобилей всего мира» — значилось на афише у входа в музей Я. М. Свердлова. Около полутысячи мини-автомобилей уместились довольно плотно в четырех витринах, стоящих даже не в основных залах музея, а прямо у входных дверей, в небольшом фойе. За полтора месяца работы выставки здесь никогда не было пусто, а временами становилось даже тесно. Машинки в витринах привлекали людей самого разного возраста и, конечно, детей.

«Нигде не видел сразу столько красивых автомобилей».

«Очень интересная и познавательная выставка».

«Солидно! (Это я — о моделях)».

«Мы с сыном зашли в музей случайно и неожиданно увидели ТАКОЕ!..»

«Очень благодарен увлеченным людям за возможность познакомиться с автомобилями, выпускаемыми не только у нас, но и в других странах, — хотя бы вот так, в мини-атюре. И мы, взрослые, и наши дети получили большое удовольствие».

«Великолепно! Спасибо членам клуба СКАТ».

Кто же они — организаторы выставки? Несколько лет назад родился в Свердловске клуб под коротким названием СКАТ — Свердловский клуб автомобильной техники. Вот что рассказывает его председатель Эдуард Дринко:

— Наш клуб объединяет людей самых различных специальностей и возрастов, от школьников до пенсионеров...

Заметим, что сам Эдуард — автослесарь таксомоторного парка. Всех, кто посещает СКАТ, объединяет одно увлечение — коллекционирование мини-автомобилей, точных уменьшенных копий подлинных моделей. Такая копия особенно ценна, когда выполнена в полном соответствии с оригиналом: у нее должны открываться двери, багажник, капот, поворачиваться колеса, откидываться сиденья.

— И что же, коллекционируете вы их, чтобы накопить как можно больше таких машинок? — спрашиваю Эдуарда.

— И это тоже, но не как самоцель. Одна из главных целей — скорее даже, основная, — изучение истории отечественного и мирового автомобилестроения. У нас хороший творческий контакт с подобными клубами в других городах — Челябинске, Москве, Уфе, Ленинграде, с отдельными отечественными и зарубежными коллекционерами.

На этом можно бы поставить точку. Но... Музей мини-автомобилей — дело нешутливое. Собирает «доисторических» и современных лимузинов гораздо меньше, чем, скажем, филателистов или собирателей открыток и значков. Суть даже не в том, что мини-автомобилей выпускается куда меньше, чем значков или марок. Изготовить модель, как мы уже говорили, один к одному с оригиналом, не так-то просто — потому-то настоящих изготовителей у нас в Союзе раз-два, и обчелся.

Давайте вспомним того же, всем известного оловянного солдатика — игрушку, которая более двух столетий радовала ребенка и которая вдруг сошла на нет. В чем тут дело? Ребенок увидел другую игрушку — интересную, увлекательную, да к тому же познавательную. Нужно ли говорить, какую бурю восторга вызывает у малыша изящная модель, точно копирующая «взаправдашний» автомобиль?

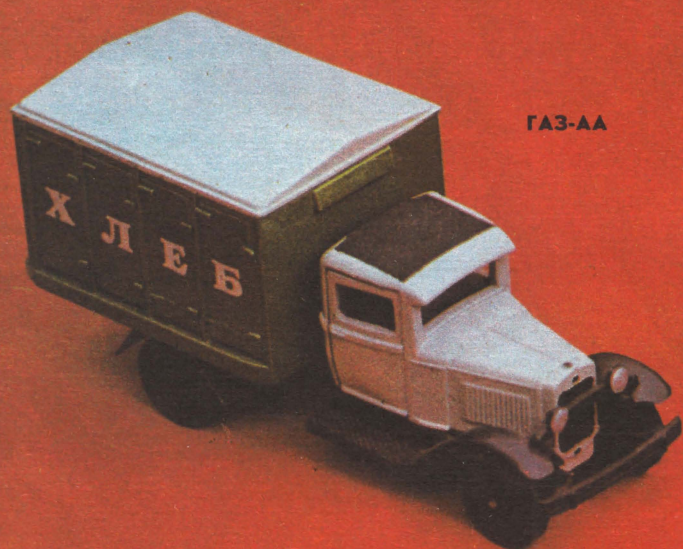
Видя, с каким увлечением не только дети, но и взрослые рассматривали модели автомобилей на выставке, подумалось вот о чем: а что, если бы автозаводы, выпускающие большие машины, производили бы еще их модели? Есть нужда в ширпотребной продукции, есть нужда заполнить пустые или жалкие полки игрушечных магазинов, есть интерес к нашей технике и за рубежом. Мини-техника, близкая к оригиналу, — это уже не только игрушка...

Фото автора.

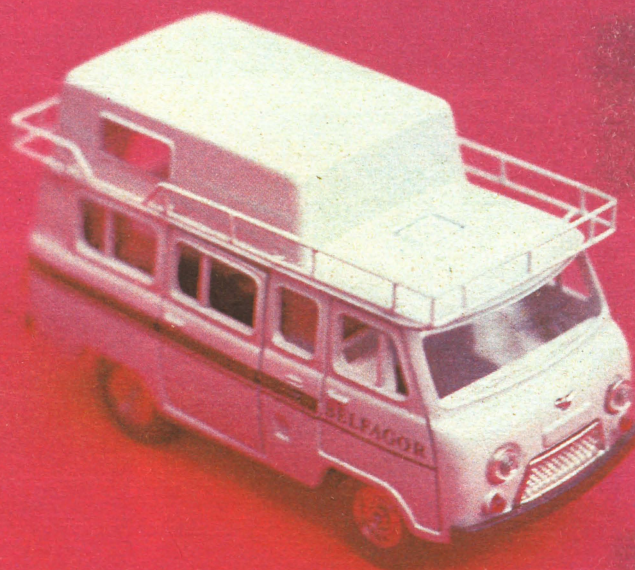
КАДИЛЛАК президента Рузвельта

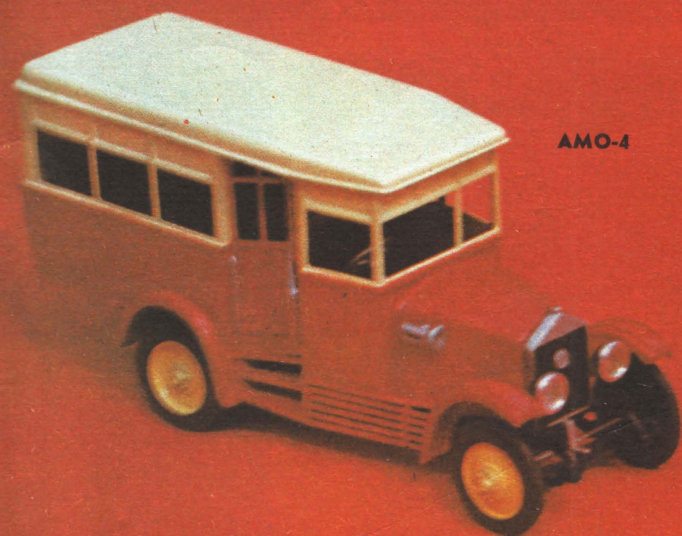
МЕРСЕДЕС-БЕНЦ-770, 1938 г.

ГАЗ-АА

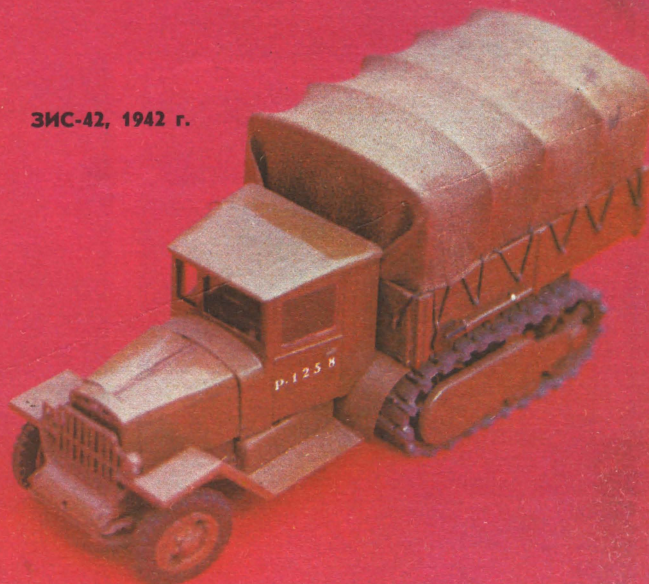

УАЗ-452В, выпущен в Италии, 1988 г.

АМО-4

ЗИС-42, 1942 г.

**КРЕЙСЛЕР-ВИНДЗОР, 1946 г. США
и ШЕВРОЛЕ-МАСТЕР, 1950 г. США**

**ГАЗ-А, 1931 г.
и ГАЗ-АА, 1934 г.**

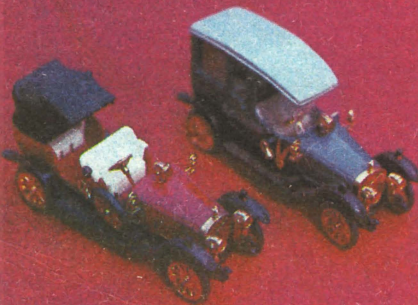
**КАДИЛЛАК В-16
и МЕРСЕДЕС-БЕНЦ**

**РОЛЛС-РОЙС ФАНТОМ 2, 1937 г. Англия
ИЗОТТА-ФРАСКИНИ, 1942 г. Италия**

**РУССО-БАЛТ С24-40
и РУССО-БАЛТ ЛИМУЗИН**

*Рис. Дмиррия Лилвинова
Фото Олега Капорейко*